

*Российская академия наук
Институт Соединённых Штатов Америки и Канады*

США & Канада

ЭКОНОМИКА – ПОЛИТИКА – КУЛЬТУРА

Научный и общественно-политический журнал

2021

№ 10 (622)

Октябрь

Основан в январе 1970 года

Выходит 12 раз в год

ISSN 2686-6730

Журнал издаётся под руководством

Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН

Главный редактор

А.Н. ПАНОВ

Редакционная коллегия:

В.Н. Гарбузов (ИСКРАН, Москва, Россия); П.С. Золотарёв (ИСКРАН, Москва, Россия); Е.Г. Комкова (ИСКРАН, Москва, Россия); К.И. Косачёв (Совет Федерации Федерального Собрания РФ, Москва, Россия); С.В. Лавров (МИД РФ, Москва, Россия); Л.Ф. Лебедева (ИСКРАН, Москва, Россия); В.П. Лукин (Совет Федерации Федерального Собрания РФ, Москва, Россия); М.Г. Носов (Институт Европы РАН, Москва, Россия); О.Г. Овчинников (ИСКРАН, Москва, Россия); А.Н. Панов (МГИМО, Москва, Россия); А.А. Пороховский (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия); М.А. Портной (ИСКРАН, Москва, Россия); С.М. Рогов (ИСКРАН, Москва, Россия); С.А. Рябков (МИД РФ, Москва, Россия); В.Б. Сулян (ИСКРАН, Москва, Россия); Т.А. Шаклеина (МГИМО, Москва, Россия); Том Грэм (Ассоциация Киссинджера, Нью-Йорк, США); Пан Давэй (Шанхайская академия общественных наук, Шанхай, КНР); Нобуо Симотомаи (Университет Хосэй, Токио, Япония) Анжела Стент (Джорджтаунский университет, Вашингтон, США); Кадзухико Того (Университет Киото Сангё, Киото, Япония).

Номер готовили:

В.С. Аничкина; В.С. Ахонина; М.Ю. Белецкая; А.Л. Коровина; О.Б. Кузнецова;
Е.К. Рогульская (заведующая редакцией); А.С. Степанов; Н.А. Счётчикова.

Москва

© Российская академия наук, 2021
© Институт США и Канады РАН, 2021
© Редакция журнала «США & Канада»
(составитель), 2021

*Russian Academy of Sciences
Institute for the U.S. and Canadian Studies*

USA & Canada

ECONOMICS – POLITICS – CULTURE

2021

No. 10 (622)

October

Published since January 1970

Monthly Publication (12 Times a Year)

ISSN 2686-6730

*The Journal is published under supervision of the Department of Global
Problems and International Relations of the RAS*

Editor-in-Chief

A. PANOV

Editorial Board:

V. Garbuzov (ISKRAN, Moscow, Russia); P. Zolotarev (ISKRAN, Moscow, Russia); E. Komkova (ISKRAN, Moscow, Russia); K. Kosachev (Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation, Moscow, Russia); S. Lavrov (The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia); L. Lebedeva (ISKRAN, Moscow, Russia); V. Lukin (Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation, Moscow, Russia); M. Nosov (The Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia); O. Ovchinnikov (ISKRAN, Moscow, Russia); A. Panov (MGIMO, Moscow, Russia); A. Porokhovskii (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); M. Portnoi (ISKRAN, Moscow, Russia); S. Rogov (ISKRAN, Moscow, Russia); S. Ryabkov (The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia); V. Supyan (ISKRAN, Moscow, Russia); T. Shakleina (MGIMO, Moscow, Russia); Thomas Graham (Kissinger Associates, Inc., New York, USA); Pan Dawei (Shanghai Academy of Social Sciences, Shanghai, China); Nobuo Shimotomai (Hosei University, Tokyo, Japan); Angela Stent (Georgetown University, Washington, D.C., USA); Kazuhiko Togo (Kyoto Sangyo University, Kyoto, Japan).

Moscow

© Russian Academy of Sciences, 2021
© Institute for the U.S. and Canadian
Studies (ISKRAN), 2021
© Editorial Board of "USA & Canada"
(compiler), 2021

Содержание

2021, № 10 (622)

Васильев В.С. Федеральные финансы США: нарастание структурной неэффективности.....	5
Патрон П.А., Пехальский Д.И. Финансовая инклюзия как фактор экономического роста в США и других развитых странах	22
Овчинников О.Г. Современные тенденции развития аграрного сектора и аграрной политики: аграрная политика в России и США до пандемии	43
Козлов К.В. Упадок «мягкой силы» США.....	63

Ретроспектива

Акимов Ю.Г. От «Кленовой весны» к «третьему пути»: внутривнутриполитическое развитие Квебека в 2010-е годы.....	78
--	-----------

Размышляя над прочитанным

Козлов В.О., Бочарова А.П. Пути развития отношений США и Китая в контексте дискурса американских элит.....	91
---	-----------

Книжная полка

Сургуладзе В.Ш. Американская политология в поисках «Русской идеи».....	108
---	------------

Культура

Себрюк А.Н. Кризис идентичности в еврейской американской литературе (на примере рассказа Б. Маламуда «Беженец из Германии»)	113
--	------------

Информация для авторов	127
-------------------------------------	------------

Публикуемые материалы отражают точку зрения авторов, которая может не совпадать с мнением редколлегии журнала.

Любое использование публикаций журнала в коммерческих целях, включая перепечатку или перевод на иностранные языки, без письменного согласия редакции не допускается.

Ссылка на журнал при цитировании или частичном использовании текста публикаций обязательна.

Contents

2021, No. 10 (622)

Vasiliev V.S. US Federal Finance: Growing Structural Inefficiency.....	5
Patron P.A., Pekhalskii D.I. Financial Inclusion as a Factor of Economic Growth in the United States and Other Developed Countries	22
Ovchinnikov O.G. Current Trends in the Agricultural Sector and Agricultural Policy Development	43
Kozlov K.V. The Decline of the U.S. «Soft Power»	63

Retrospection

Akimov Yu.G. From Maple Spring to the Third Way: Quebec Politics in 2010s.....	78
---	-----------

Reader's Deliberations

Kozlov V.O., Bocharova A.P. Tracks of US-China Relations' Development in the Context of the discourse of the American elites.....	91
--	-----------

Bookshelf

Surguladze V.Sh. American Political Science in Search of the Russian Idea.....	108
---	------------

Culture

Sebryuk A.N. The Loss of Self and Identity Crisis in Jewish American Literature: The Case of Bernard Malamud's The German Refugee	113
--	------------

JEL:

УДК 330.5, 338.2

DOI: 10.31857/S268667300016895-4

Федеральные финансы США: нарастание структурной неэффективности*

В.С. Васильев

Институт США и Канады Российской академии наук (ИСКРАН)

Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный переулок, д. 2/3

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3131-9500>

e-mail: vsvasiliev@mail.ru

Резюме: Анализируется текущее состояние системы федеральных финансов США, которое характеризуется рекордными абсолютными и относительными параметрами бюджетных дефицитов и валового долга федерального правительства. Подчеркивается, что рекордные показатели долга и дефицита объективно свидетельствуют о растущей уязвимости системы федеральных финансов США со стороны внешних шоков и потрясений. Таким шоковым потрясением для американской экономики стала коронавирусная пандемия, влияние которой американцы стали остро ощущать с весны 2020 г. В статье проводятся параллели между текущим кризисным состоянием системы федеральных финансов и кризисными явлениями середины 1940-х годов. Однако, если в середине 1940-х годов колоссальные размеры бюджетных дефицитов и долговой зависимости США стали следствием предыдущих 15 лет «Великой депрессии» 1930-х годов и Второй мировой войны в первой половине 1940-х годов, то сейчас рекордные показатели дефицита и задолженности федерального правительства образовались в последние год-два. В результате в США оказался нарушенным привычный процесс ранжирования и установления системы бюджетных приоритетов, распределения бюджетных средств между военными и гражданскими статьями расходов. Параллельно стал происходить процесс размывания между параметрами «бюджетных полномочий» и «бюджетных расходов», что не дает четкого представления о точном количестве бюджетных средств, выделяемых на основные направления деятельности федерального правительства. Тем не менее, можно говорить о том, что растущие финансовые ограничения уже обернулись стабилизацией военных расходов США на уровне порядка 700,0 млрд долл. ежегодно и о сокращении финансирования многих ключевых программ закупок новых систем вооружения. В США также растёт осознание того факта, что в современных условиях многие программы гражданского назначения, особенно в сфере здравоохранения, играют не менее важную роль в обеспечении национальной безопасности США в широком смысле этого слова, чем собственно военные программы. В целом, пока демократической администрации Дж.Байдена так и не удалось сформулировать чёткой и взаимосвязанной фискальной политики, которая осуществляется во многих сферах в режиме «ручного управления».

Ключевые слова: фискальная политика, бюджетные приоритеты, валовой долг федерального правительства, бюджетный дефицит, инфляция, бюджетные полномочия,

* В основу статьи положено выступление на XII Арбатовских чтениях, состоявшихся 19 мая 2021 г.

бюджетные расходы, Бюджетное управление Конгресса (БУК), директор Административно-бюджетного управления (АБУ)

Для цитирования: Васильев В.С. Федеральные финансы США: нарастание структурной неэффективности. *США&Канада: экономика, политика, культура*, 2021, 51 (10): 5-21. DOI: 10.31857/S268667300016895-4

US Federal Finance: Growing Structural Inefficiency

Vladimir S. Vasiliev

*Institute for the U.S. and Canada Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN)
2/3 Khleby per., Moscow 121069, Russian Federation*

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3131-9500> e-mail: vsvasiliev@mail.ru

Abstract. The current state of the US Federal finance system is analyzed, characterized by record absolute and relative parameters of budget deficits and gross Federal government debt. It is emphasized that the record indicators of debt and deficit objectively testify to the growing vulnerability of the US Federal finance system to external waves and shocks. Such a shock to the American economy was the coronavirus pandemic, the impact of which the United States began to feel acutely in the spring of 2020. The article draws parallels between the current crisis of the Federal finance system and the crisis of the mid-1940s. However, if in the mid-1940s, the colossal size of budget deficits and debt dependence of the United States was a consequence of the previous 15 years of the Great Depression of the 1930s and World War II in the first half of the 1940s, now the record indicators of deficits and debt of the Federal government formed in the last year or two. As a result, the usual process of ranking and establishing a system of budget priorities has been disrupted in the United States covering first of all distribution of budgetary funds between military and civilian expenditures. At the same time, a process of blurring between the parameters of "budget authority" and "budget outlays" began to occur which does not give a clear idea of the exact amount of budgetary funds allocated to the main activities spheres of the Federal government. Nevertheless, we can say that the growing financial constraints have already resulted in the stabilization of US military spending at the level of about \$ 700.0 billion annually and the reduction in funding for many key programs for the procurement of the new weapons systems. There is also a growing awareness in the United States of the fact that in modern conditions many civilian programs, especially in the health sector, play no less important role in ensuring the national security of the United States in the broadest sense of the word than the actual military programs. In general, the Democratic administration of J. Biden has not yet succeeded in formulating a clear and coherent fiscal policy, which is carried out in many ways in the "manual control" mode.

Keywords: *fiscal policy, budget priorities, Federal government gross debt, budget deficit, inflation, budgetary authority, budgetary outlays, Congressional Budget Office (CBO), Director of the Office of Management and Budget (OMB)*

For citation: Vasiliev V.S. US Federal Finance: Growing Structural Inefficiency. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*, 2021, 51 (10):5-21 (*In Russ.*). DOI: 10.31857/S268667300016895-4

ВВЕДЕНИЕ

Кризисные потрясения в американской экономике в 2020–2021 гг., усугублённые коронавирусной пандемией, фундаментальным образом трансформировали состояние всей системы федеральных финансов США. Главные изменения затронули два бюджетных параметра. Во-первых, рекордных абсолютных и относительных значений, невиданных со времён окончания Второй мировой войны, достиг показатель бюджетного дефицита, и, во-вторых, абсолютные и относительные значения валового долга федерального правительства вышли на беспрецедентно высокие уровни за всю фискальную историю США.

В частности, в 2021 фин. г., окончившимся 30 сентября с.г., дефицит федерального бюджета составит не менее 3,1 трлн долл., или 13,9% ВВП. Текущий дефицит федерального бюджета обеспечивает в настоящее время финансирование почти половины всех расходов федерального правительства. В последний раз аналогичные рекордные показатели были зафиксированы в 1945 фин. г., когда дефицит составил 21,0% ВВП, при этом свыше 51 % федеральных расходов в тот период покрывалось за счёт дефицитного финансирования [1: А)].

Стремительно растущие бюджетные дефициты предопределяют и рост пирамиды валового долга федерального правительства, поскольку арифметически федеральный долг увеличивается на величину бюджетного дефицита за определённый период времени – за квартал, за полугодие, за год. В результате валовой долг федерального правительства к концу 2021 фин. г. составил почти 29,0 трлн долл. и достиг рекордного за всю финансовую историю США значения 125% ВВП США (! – *авт.*). В последний раз рекордный показатель соотношения валового долга и ВВП был зафиксирован в 1946 фин. г., когда он равнялся 118,9% [1:В)].

На протяжении всего послевоенного периода этот показатель считался верхним пределом фискальной устойчивости США; выход за пределы этого соотношения валового федерального долга и ВВП рассматривался как вероятность вступления американской экономики в зону повышенной фискальной неустойчивости и уязвимости, когда резко возрастают риски катастрофического «обрушения» пирамиды накопленных долгов. В середине 1940-х годов, когда держателями практически всего объёма ценных бумаг Министерства финансов США являлись американские юридические и физические лица, у них не было весомых причин «раскачивать» долговую лодку. Даже в конце 1960-х годов доля иностранных держателей федеральных ценных бумаг, реализуемых на аукционах Министерства финансов, не превышала 5% их общего объёма [2: 36].

РАСТУЩАЯ УЯЗВИМОСТЬ ДОЛГОВЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ФЕДЕРАЛЬНОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА К ВНЕШНИМ ПОТряСЕНИЯМ

Ситуация стала резко меняться с начала 1970-х годов, и в 2011–2012 фин. гг. доля иностранных держателей федеральных ценных бумаг превысила рекордное

значение в 48%, однако затем пошла на убыль, и в 2019 г. сократилась до 41,2%. В 2020 фин. г. на фоне финансово-экономического кризиса она уменьшилась до 33,6%. Как отмечают финансовые аналитики федерального правительства, решения по увеличению или снижению приобретаемых объёмов ценных бумаг принимаются «исключительно иностранными центральными банками, корпорациями и физическими лицами, а не являются следствием их размещения на фондовых рынках для последующей продажи иностранным инвесторам» [2: 37]. В этом плане резкое уменьшение доли иностранных держателей федеральных бумаг в 2020 фин. г. по сравнению с 2019 фин. г. на фоне небольшого роста их абсолютных размеров – примерно на 150 млрд долл. до отметки в 7,1 трлн долл. – косвенно свидетельствует о том, что в условиях кризисных потрясений иностранные держатели федеральных ценных бумаг вынуждены считаться с фактором возможной паники на фондовых рынках, что может обернуться в итоге массовым сбросом и обесценением ценных бумаг Министерства финансов США. Тем не менее, международная устойчивость рынка ценных бумаг Казначейства США заключается в том, что в 2020 фин. г. 59% их держателей приходилось на долю центральных банков иностранных государств и только 41% – на долю частных инвесторов. Однако при этом следует учитывать то обстоятельство, что в 2020 фин. г. 18,1% (1,3 трлн долл.) американских ценных бумаг приходилось на долю японских держателей, а 15,5% (около 1,0 трлн долл.) – на долю китайских держателей [3]. Таким образом, учитывая растущую американо-китайскую конфронтацию и соперничество, внешние финансовые рынки создают определённую уязвимость для американской пирамиды долга федерального правительства.

Помимо этого, как указал в своём выступлении 27 января 2021 г. на сессии онлайн-форума «Давосская повестка дня 2021», организованного Всемирным экономическим форумом, президент РФ В.В. Путин, если ещё 20–30 лет назад проблему преодоления кризисных явлений в развитии современной высокоразвитой экономики «можно было бы решить за счёт стимулирующей макроэкономической политики (так и делают, кстати говоря, постоянно до сих пор), то сегодня такие механизмы уже, по сути, исчерпали себя, не работают. Их ресурс практически исчерпан». И главным препятствием на пути такой фискальной политики выступают стремительно растущие пирамиды государственного и частного долга. При этом в настоящее время «уровень совокупного долга государственного и частного сектора вплотную приблизился к отметке в 200% глобального ВВП. А в отдельных экономиках он превысил 300% национального ВВП. При этом в развитых странах процентные ставки повсеместно находятся практически на нулевой отметке. А в ключевых развивающихся – на исторически минимальных уровнях. Всё это делает стимулирование экономики традиционными инструментами за счёт наращивания частного кредитования по сути невозможным» [4].

Исключительно важно иметь в виду, что рекордные показатели размера бюджетных дефицитов и долга федерального правительства в середине 1940-х годов

были следствием их кумулятивного накопления на протяжении предшествующих 15 лет — «Великой депрессии» в 1930-х и Второй мировой войны в первой половине 1940-х годов. Текущие рекордные по историческим меркам абсолютные и относительные значения показателей бюджетного дефицита и валового государственного долга в системе федеральных финансов США сформировались буквально на протяжении последних одного-двух лет ещё до того, как американская экономика только-только начала преодолевать разрушительные последствия коронавирусной пандемии. Объективно эта ситуация обернулась тем, что именно показатели бюджетных дефицитов и федерального долга стали центральными при ранжировании всей системы бюджетных приоритетов как расходных, так и доходных статей.

Сформировавшийся десятилетиями процесс бюджетирования на уровне исполнительной и законодательной ветвей власти, современные основы которого были законодательно заложены реформой бюджетного процесса 1974 г. [5: 4], претерпел кардинальные изменения в сжатые сроки. Если прежде итогом ранжирования приоритетов расходных и доходных статей были показатели дефицита и федерального долга, то сейчас произошла своеобразная рокировка, когда последние превратились в исходные параметры для определения всей последующей иерархии приоритетов федеральных расходов и доходов. Подобного рода фискальная «рокировка» имела и имеет важнейшие последствия для эффективности замещения и манёвра как основными макроэкономическими расходными статьями, так и основными видами налоговых поступлений в казну федерального правительства.

ФОРМИРУЮЩАЯСЯ ЭФЕМЕРНОСТЬ КЛЮЧЕВЫХ БЮДЖЕТНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ

Американские бюджетные документы, которые составляются под эгидой Административно-бюджетного управления (АБУ) при президенте США, в целом считаются одними из наиболее образцовых с точки зрения формата, «легкости» и «адекватности» прочтения, принципов, положенных в основу классификации бюджетных статей и позиций. До недавнего времени бюджетные документы (основной текст бюджета, исторические таблицы, аналитические обоснования, бюджетные приложения и другая документация) имели сравнительно небольшое число разночтений, хотя и в прошлом американские аналитики отмечали склонность составителей проектов федеральных бюджетов к манипулированию бюджетно-экономическими показателями.

В частности, специалисты АБУ были склонны использовать восемь основных «бюджетных уловок». Среди них *на первом месте* стояли «розовые» оценки текущих и будущих темпов экономического роста, которые, естественно, завышались. Неоправданное завышение темпов экономического роста позволяло, например, преуменьшать в среднесрочной перспективе темпы увеличения долговой нагрузки на американскую экономику. *Вторая уловка* носила сугубо манипулятивный характер и была основана на перереформировании мер фискальной политики: временным

сокращениям налогов придавался статус постоянных направлений, рассчитанных на десятилетний период. В результате ситуация с бюджетными дефицитами выглядела лучше, чем это потом оказывалось в реальности. *Третья бюджетная уловка* связана с изменениями временных горизонтов реализации предлагаемых или принятых программ, в особенности имеющих отношение к расходным статьям бюджета. Согласно существующей практике, все эффекты долгосрочных фискальных программ федерального правительства, например, программ развития инфраструктуры американской экономики, рассчитываются на десятилетний период. Искусственно растянув во времени основные этапы освоения выделенных бюджетных средств, можно уменьшить размеры роста бюджетных дефицитов в первые годы реализации программ-и тем самым преуменьшить их негативное влияние на состояние и несбалансированность всей системы федеральных финансов.

Четвёртая бюджетная уловка непосредственно связана с инициативами законодательной или исполнительной власти по экономии бюджетных средств в рамках борьбы с расточительностью или неэффективностью бюджетных расходов. Как правило, в бюджетном документе приводятся оценки объёмов предполагаемой экономии средств, которые объявляются «вкладом» в уменьшение размеров бюджетных дефицитов, однако при этом не приводится характеристика механизма реализации этой экономии, в результате эта инициатива так и остаётся на бумаге, оборачиваясь при этом ростом бюджетного дефицита. *Пятая уловка*, связана с достаточно тонкой манипуляцией такой бюджетной категории, как базовый бюджет, которая является обязательной при составлении проектов федерального бюджета на очередной финансовый год. Смысл этой категории состоит в том, что составляется динамичный ряд «базового», или исходного бюджета, параметры которого будут изменяться исключительно под влиянием «автопилотной» траектории их изменения во времени, например, под влиянием инфляции или безработицы. Базовый бюджет не включает в себя предложений или инициатив по изменениям в налоговой политике или политике изменения приоритетов расходной части бюджета. В результате произвольного занижения или завышения размеров базового бюджета можно преуменьшить или преувеличить фискальные эффекты налоговых реформ или реформ социально-экономических программ, имея в виду их влияние на размеры бюджетных дефицитов и долговую нагрузку на экономику.

Шестая, седьмая и восьмая бюджетные уловки связаны с заведомо нереалистичными оценками продолжительности реализации федеральных расходных программ. Как правило, современное бюджетное законодательство предусматривает установление точного срока, в основном пятилетнего, для реализации различного рода программ, после чего их финансирование должно быть прекращено или пролонгировано – в последнем случае законодательным решением Конгресса США. При принятии многих федеральных расходных программ считалось, что они будут осуществляться на среднесрочной основе (в течение, допустим, пяти лет), однако впоследствии их финансирование продолжалось нередко без соответствующего законодательства, что, естественно, резко увеличило их бюджетную нагрузку на экономику. Особенно это касалось и касается военных

программ, в частности программ «глобальной войны с терроризмом», финансирование которых автоматически пролонгировалось, при этом речь шла о суммах в десятки миллиардов долларов, просто по соображениям обеспечения высших интересов национальной безопасности США [6].

Двумя фундаментальными параметрами состояния подавляющей части расходных статей федерального бюджета, особенно относимых к категории дискреционных расходов, то есть расходов, которые в обязательном порядке требуют ежегодного законодательного утверждения Конгресса США, является параметр «*бюджетных полномочий*» и «*бюджетных расходов*». На долю дискреционных расходов приходится примерно 25% всех расходов по федеральному бюджету: остальные 75% относятся к категории так называемых «обязательных расходов», объёмы которых регулируются законодательными актами, носящими долгосрочный характер [1: С].

В круг *дискреционных расходов* входит большая часть военных программ, программ поддержки ветеранов, программ в области образования и транспорта, развития общин, сельского хозяйства, охраны окружающей среды, энергетики, государственного вспомоществования поддержки малого и среднего бизнеса, программ международной помощи, включая и финансирование деятельности Государственного департамента США. Принципиально важным моментом составления бюджетных смет по программам дискреционных расходов является то, что в рамках этого процесса Бюджетное управление Конгресса «определяет размер бюджетных полномочий и подсчитывает обусловленные ими бюджетные расходы» [7].

В отличие от программ дискреционных расходов, объёмы которых могут сильно варьироваться от года к году, программы обязательных, или прямых расходов, финансируются на более или менее стабильной основе; расходы по трём крупнейшим американским социальным программам – общефедеральной программе пенсионного обслуживания, программе медицинского обслуживания пенсионеров «Медикэр» и программе медицинской помощи малоимущим слоям населения «Медикейд» – относятся к категории обязательных программ. В эту же категорию входят и многие более мелкие социальные программы, например, программа выплаты пособий безработным, пенсионные программы для федеральных служащих, студенческие ссуды и страхование банковских вкладов.

Американское бюджетное законодательство определяет бюджетные полномочия как право федеральных министерств и ведомств брать на себя финансовые обязательства, которые дают возможность осуществлять текущие и будущие бюджетные расходы. Бюджетные полномочия, устанавливаемые законодательно Конгрессом, могут включать полномочия на один год, на несколько лет или даже на неопределённый срок [5: 33]. Бюджетные расходы определяются в виде фактической суммы платежей Министерством финансов США на основе полученных бюджетных полномочий; расходы осуществляются платежами в форме «живых денег», обычно чеком или электронным переводом средств [5: 34].

Официальные бюджетные документы обычно приводят два этих взаимосвязанных параметра расходных статей. Приход к власти демократической администрации Дж. Байдена (хотя в ограниченной форме эта практика началась в последний год пребывания у власти республиканской администрации Д. Трампа) ознаменовался беспрецедентной бюджетной новацией. 9 апреля 2021 г. администрация представила наметки проекта федерального бюджета на 2022 фин. г., которые распространялись исключительно на дискреционные расходы в сумме 1,521 трлн долл., величина которых оценивалась только по одному параметру бюджетных полномочий! [8]. Естественно, что показатель бюджетных расходов отсутствовал начисто. Сопоставление с бюджетной документацией, опубликованной в конце мая 2021 г., обнаружило удивительную вещь: применительно к 2022 фин. г. параметры бюджетных полномочий и бюджетных расходов оказались практически идентичными.

Традиционно показатели бюджетных полномочий по своим значениям превосходят показатели бюджетных расходов. Даже в официальных документах администрации Дж. Байдена применительно к 2022 фин. г. показатели бюджетных расходов в среднем составляют 70% величины бюджетных полномочий, принимаемых за 100% [2: 68-69]. Следует также иметь в виду, что параметр бюджетных полномочий носит до известной степени виртуальный характер и может принять любую величину, которая отнюдь не означает, что эти финансовые средства будут влиты в экономику.

В связи с этим возникает закономерный вопрос: если принять параметры бюджетных полномочий за 100%, означает ли это, что в действительности бюджетные расходы будут примерно на 30% ниже? Иными словами, при уровне бюджетных полномочий в 1,5 трлн долл., составят ли реальные бюджетные расходы в 2022 фин. г. не более 1,1 трлн долл.? Косвенным признаком именно такого развития бюджетной ситуации в США является прогностическая оценка АБУ, согласно которой в 2022 и 2023 фин. гг. расходы по федеральному бюджету будут составлять не более 6,0 трлн долл., что на 17% меньше бюджетных расходов в 2021 фин. г. (7 249 млрд долл.) [9: 37].

Кроме того, виртуальный характер бюджетных полномочий в принципе создаёт практически неограниченные возможности для политически ангажированного манипулирования показателями резкого увеличения бюджетных расходов в обозримом будущем, при этом практически по всем бюджетным статьям.

СТРАТЕГИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ПОСТОЯННАЯ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТЬ БЮДЖЕТНОГО ФИНАНСИРОВАНИЯ

Смещение показателей бюджетных полномочий и бюджетных расходов особенно остро сказалось на оценке финансового обеспечения военной сферы и тесно связанного с ней всего комплекса деятельности министерств и ведомств, отвечающих за обеспечение национальной безопасности США в широком смысле этого

слова. Возможно, наиболее показательным в этом плане стало выступление министра обороны Л. Остина в Комитете по делам вооружённых сил Сената США с обоснованием бюджетной заявки Министерства обороны на 2022 фин. г. В своём обширном вступительном слове он только один раз упомянул величину военного бюджета США на 2022 фин. г. в сумме *715 млрд долл.*, не конкретизировав функциональное значение этого параметра [10: 1]. Дальнейшее изложение приоритетов, целей и задач деятельности военного ведомства в 2022 фин. г. демонстрировало классический синдром «без цифр», что не давало возможности составить чёткого представления о степени их реализуемости. В ходе последовавшего затем обсуждения бюджетной заявки Министерства обороны выяснилось, что в целом речь идёт о сокращении военных расходов США, а приводимые разрозненные данные об объёмах финансирования отдельных программ и направлений не всегда являются отражением цельной картины реализуемых взаимосвязанных программ.

В частности, общая величина недофинансирования основных приоритетных направлений деятельности Министерства обороны США будет составлять по меньшей мере *25 млрд долл.*; сокращается финансирование производства самолётов, военных кораблей, боеприпасов, других видов военной техники и снаряжения. Закупки новых видов авиационной техники будут уменьшены на 20% [11: 7-8]. Более того, в ходе слушаний выяснилось, что в принципе не исключено и нецелевое использование средств военного бюджета, и их перепрофилирование на реализацию гражданских проектов (!) [11: 57]. Бюджетная заявка Министерства обороны на 2022 фин. г. не учитывает также возможный рост инфляции в американской экономике в ближайшем будущем; если она будет составлять от 3% до 5%, то именно на эту величину и следует ожидать сокращение «реальных» военных ассигнований [11: 61].

В мае 2021 г. Министерство обороны «раскидало» по основным статьям и программам бюджетные ассигнования в сумме 715,0 млрд долл., не конкретизировав вопрос о том, являются ли эти бюджетные средства «виртуальными» или «реальными». Главной особенностью проекта военного бюджета на 2022 фин. г. стало то, что военные расходы на зарубежные военные операции, которые были выделены по решению Конгресса США в отдельную бюджетную статью расходов в 2001 г. в связи с началом глобальной войны с терроризмом, с 2022 фин. г. вновь стали «обычной» статьёй расходов Министерства обороны США. Всего с начала 2001 фин. г. по линии фонда расходов на войны в Афганистане, Ираке и Сирии, который был выведен из системы обычного бюджетного контроля и надзора над выделяемыми средствами, было израсходовано примерно 2 трлн долл. [12]. В 2022 фин. г. за счёт слияния фонда расходов на глобальную войну с терроризмом с обычным бюджетом Министерства военного ведомство получило «дополнительно» 42,1 млрд долл. [13: 1-6]. Слияние фонда глобальной войны с терроризмом было воспринято американскими аналитиками, во-первых, как свидетельство приближающегося окончания глобальной войны с терроризмом, наиболее ярким проявлением чего явился вывод американских войск из Афганистана [14], и, во-вторых, как нарастание бюджетных трудностей в финансировании военной машины США.

Несмотря на то что важнейшим приоритетом в военном строительстве США объявлена модернизация вооружённых сил на основе новейших достижений науки и техники, параметры военного бюджета на 2022 фин. г. рисуют гораздо более сложную картину подхода Министерства обороны к ранжированию приоритетов своей деятельности. Во-первых, расходы на научные исследования и опытно-конструкторские работы (НИОКР) сокращаются по сравнению с 2021 фин. г. на 2,1 млрд долл. – с 16,8 млрд долл. до 14,7 млрд долл., в том числе на фундаментальные исследования на 0,3 млрд долл., на прикладные исследования на 0,9 млрд долл., на опытно-конструкторские разработки также на 0,9 млрд долл. [13: 3-2]. И хотя общие расходы на военные НИОКР (по показателю бюджетных полномочий) в 2022 фин. г. должны вырасти на 5,5 млрд долл. по сравнению с 2021 фин. г., то есть с 106,5 млрд до 112 млрд долл. [15: A-1], свыше 60% объёма этих средств будут приходиться на программы, призванные обеспечить операционную готовность уже имеющихся видов техники и созданных опытных образцов [18: 2]. Закупки новой техники сокращаются на 8 млрд долл., или почти на 6% — со 141,7 млрд до 133,7 млрд долл. [13: A-1], в условиях постоянно ведущихся дискуссий в военном сообществе США о стремительном устаревании американской военной техники практически всех видов вооружённых сил.

Растущая неопределённость в финансировании министерств и ведомств, отвечающих за обеспечение национальной безопасности в широком смысле этого слова, связана с одним принципиально важным фактором, а именно со всё более стирающимися различиями между внешней и внутренней политикой. Как подчеркивалось в докладе Атлантического совета, в США растёт убеждение, что американская внешняя политика становится «всё более оторванной от экономических реальностей, в которых живёт большая часть американцев и которая хотела бы, чтобы расходы на внутренние программы имели бы больший приоритет по отношению к военным расходам» [14].

Возможно, именно этим и объясняется фундаментальный сдвиг в приоритетах распределения дискреционных расходов между расходами военного и гражданского назначения: если в 2021 фин. г. их соотношение составляло 52,7 : 47,3 в пользу военных расходов, то с приходом администрации Дж. Байдена оно стало составлять 49,5 : 50,5 в пользу расходов на гражданские программы [17: 39]. Иными словами, расходы по многим видам социальных программ, особенно в сфере здравоохранения, обеспечивают не меньший вклад в обеспечение национальной безопасности американского общества, чем военные расходы.

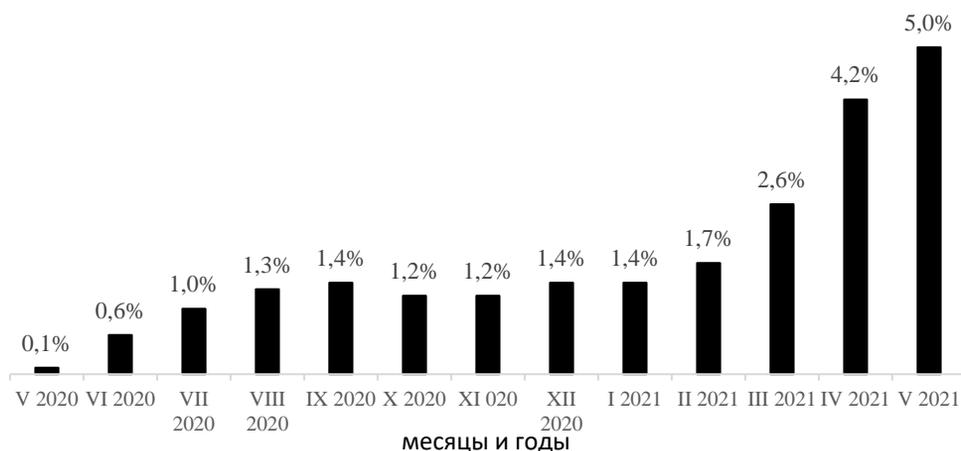
Весьма показательны также, что, следуя устоявшейся многолетней практике, БУК тем не менее с большим опозданием подготовило абсолютно формальный и аналитически малопонятный анализ некоторых положений проекта федерального бюджета на 2022 фин. г., разработанного администрацией Дж. Байдена, сведённый всего к пяти таблицам, именно по причине неопределённости и статистической ненадёжности большинства содержащихся в нём бюджетных параметров и показателей.

ИНФЛЯЦИОННЫЙ ИМПЕРАТИВ УМЕНЬШЕНИЯ ДОЛГОВОЙ НАГРУЗКИ НА ЭКОНОМИКУ

Стремительный рост валового долга федерального правительства на протяжении 2021 г. совпал с резким всплеском инфляции, измеряемой индексом потребительских цен (ИПЦ), рекордным после 2008 г. Динамика роста ИПЦ в 2020–2021 гг. приводится на графике 1.

График 1

Динамика инфляции в США в 2020–2021 гг.

Trading Economics. United States Inflation Rate. //https://tradingeconomics.com/united-states/inflation-cpi

Резкий всплеск инфляции в экономике США с весны 2021 г. следует оценивать на фоне стратегического решения Федеральной резервной системы (ФРС) США, принятого ещё в 2012 г., согласно которому среднемесячные темпы инфляционного повышения цен в долгосрочной перспективе не должны превышать 2% [18:20]. На протяжении 12 лет, начиная с 2009 г., ФРС в общем и целом удалось удерживать инфляцию в этих пределах.

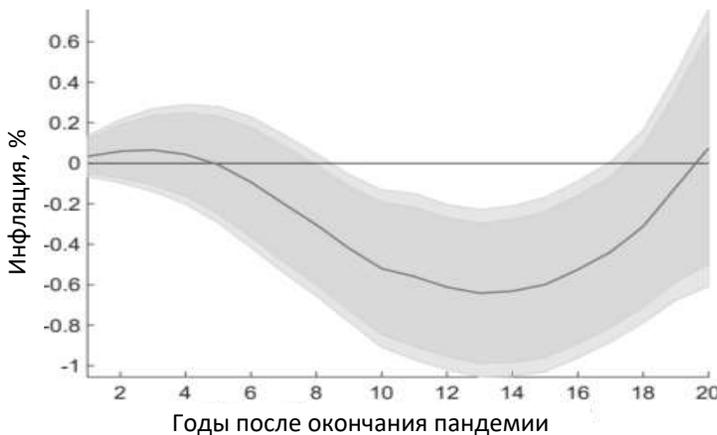
Резкое ухудшение экономической ситуации в США с весны 2020 г. под влиянием коронавирусной пандемии привело к тому, что ФРС, прибегнув к печатному станку, начала проводить политику скачкообразного увеличения объёмов денежной массы в экономике на фоне падающих темпов экономического роста, составившее в 2020 г. 3,4% в постоянных ценах 2012 г. [19: 8]. Так, если в январе 2020 г. объём денежного агрегата М1 (наличные денежные средства, чеки и банковские вклады до востребования), обращающегося в экономике США, составлял 4 трлн долл., то в мае 2020 г. ФРС увеличила его объём в 4 раза (! – *авт.*), который достиг 16,3 трлн долл., а к маю 2021 г. он увеличился до 19,2 трлн долл., то есть практически сравнялся с объёмом ВВП. За это время произошло также заметное

увеличение объёмов денежного агрегата M2 (M1 + срочные вклады), который увеличился почти на одну треть – с 15,4 трлн долл. до 20,4 трлн долл., то есть также сравнялся с объёмом ВВП [20, Table 1].

Помимо этого, уже по инициативе администрации Дж. Байдена, 11 марта 2021 г. в качестве меры фискального стимулирования экономики был принят План спасения американской экономики объёмом в 1,9 трлн долл. (P.L.117-2). Согласно расчётам БУК, 95% этой суммы, то есть 1,7 трлн долл., будет израсходовано в 2021–2023 фин. гт. [21: 1]. Видный американский экономист Л. Саммерс, главный разработчик Плана американского возрождения и реинвестиций в 2009 г., прямо охарактеризовал его как один из наиболее безответственных планов фискального стимулирования экономики, принятых в США за последние 40 лет, который вряд ли выведет экономику на траекторию устойчивого роста, но в колоссальной степени будет способствовать разгону инфляции и формированию ситуации экономической стагнации в США [22].

График 2

Общетеоретическая модель взаимосвязи пандемий и инфляции

— продолжительность пандемии

Bonam D., Smadu A. The long-run effects of pandemics on inflation: Why this time may be different. — “VOXEU / CEPR”, 18 July 2021. // <https://voxeu.org/article/long-run-effects-pandemics-inflation>

В связи с этим зарубежные экономисты указывают, что глобальная пандемия может в принципе способствовать усилению инфляции в долгосрочном плане. Рост инфляционных ожиданий связан с падением инвестиционной активности в период пандемии и повышением нормы личных сбережений домовладельцев в ожидании очередных волн пандемии. В частности, согласно теоретическим расчётам нидерландских экономистов Д. Бонама и А. Смаду, первые месяцы после окончания пандемии ведут к увеличению темпов роста инфляции, которая затем может пойти на спад, однако впоследствии через год-полтора инфляция может вновь заявить о себе. Их теоретическая модель в самом общем виде воспроизведена на графике 2.

По мере нарастания пирамиды долга федерального правительства и ускорения темпов инфляции представители банковского сообщества заговорили об отрывающемся «окне возможностей» для монетизации задолженности федерального правительств. Общий смысл политики «монетизации федерального долга» сводится к тому, что в структуре ценных бумаг Министерство финансов значительно увеличивает долю краткосрочных векселей с высокой степенью доходности, которые выступают фактически в роли наличных денег, находящихся в обращении. Инфляционная среда, господствующая в экономике, активно способствует «монетизации федерального долга», и таким образом его нагрузка в среднесрочной и долгосрочной перспективе заметно уменьшается [23].

После Второй мировой войны федеральные власти активно прибегли к политике «монетизации» долговой задолженности федерального правительства, в известной степени искусственно породив инфляционную среду в американской экономике. Сразу же после окончания Второй мировой войны система государственного контроля над ценами, в том числе розничными, была отменена, и инфляция, измеряемая ИПЦ, в 1947 г. взлетала с 2% до 20%. В результате имела место дефляция пирамиды накопленных к концу войны долговых обязательств федерального правительства общим объёмом 271 млрд долл., реальная стоимость которых к концу 1948 г. уменьшилась на 40% [24: 11]. Столь резкий скачок в ценах привёл к тому, что в 1947 г. американская экономика «повалилась» в рецессию, которая, правда, оказалась непродолжительной. Но тем не менее, американские экономисты приходят к выводу, что в настоящее время «экономическая ситуация в США напоминает ситуацию, сложившуюся в американской экономике после Второй мировой войны. Сейчас, как и 75 лет назад, три фактора определяют динамику инфляционного роста цен: замедленная скорость обращения денег, бюджетный дефицит и ограничения на частное потребление. Падение скорости обращения денег во время войны привело к сдерживаемой инфляции, а последовавший затем переход к мирному времени обернулся всплеском инфляции» [24: 17]. Более высокие относительные уровни задолженности (соотношение валового долга и ВВП) выступают важным косвенным фактором того, что инфляционное давление на экономику США будет ощущаться ещё сравнительно долго.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. КАЗНАЧЕЙСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ФИСКАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

В условиях хронических дефицитов федерального бюджета монотонное возрастание долга федерального правительства следует считать фундаментальной структурной особенностью состояния всей системы федеральных финансов в долгосрочной перспективе. Согласно прогнозу БУК, опубликованному в июле 2021 г., к началу следующего десятилетия следует ожидать увеличения валового долга федерального правительства примерно в 1,7 раза; иными словами, он может возрасти с нынешнего уровня в 28,5 трлн долл. (по состоянию на июль 2021 г.) до 47,6 трлн долл. [25: 2]

Фискальная политика традиционно выполняла две основные функции: во-первых, была инструментом мобилизации финансовых средств в казну федерального правительства и, во-вторых, выступала инструментом стимулирования развития американской экономики и ускорения темпов экономического роста за счёт снижения налоговой нагрузки на экономику и расширения финансирования государственных экономических программ для увеличения совокупного спроса. Сформировавшаяся к началу третьего десятилетия «заоблачная» пирамида валового долга федерального правительства практически исключает второе направление в качестве её эффективного инструмента. Главным приоритетом становится стабилизация соотношения валового долга и ВВП, которое в свою очередь предполагает проведение политики повышения налогов и снижения расходов как основной формы поддержания в более или менее удовлетворительном состоянии казны федерального правительства. Американские оценки показывают, что гипотетическая стабилизация соотношения валового долга и ВВП на уровне 100% требует в большей степени использования механизма роста налоговой нагрузки на экономику, нежели сокращения расходной части федерального бюджета [26]. А это означает, что стимулирующая роль фискальной политики будет иметь устойчивую тенденцию к падению, что в итоге будет означать как рост её неэффективности в качестве одного из основных регуляторов экономической активности, так и общее замедление темпов экономического развития США в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

В связи с этим необходимо также указать на одно немаловажное обстоятельство в реализации фискальной политики при администрации Дж. Байдена. Традиционно в новое и новейшее время одним из первых шагов вновь избранного главы исполнительной власти было назначение директора Административно-бюджетного управления в составе Исполнительного управления Белого дома. Директор АБУ всегда считался ключевой фигурой администрации, её главным финансовым руководителем. На эту должность ещё в конце 2020 г. Дж. Байден выдвинул видного деятеля Демократической партии Н. Танден. Однако оказавшись в Сенате перед лицом мощной оппозиции со стороны как республиканцев, так и демократов, в конце марта 2021 г. её кандидатура была снята с рассмотрения. 24 марта Сенат утвердил в должности заместителя директора АБУ Ш. Янг, которая до этого на протяжении 14 лет работала в аппарате сенатского Комитета по ассигнованиям. Она также стала временно исполнять обязанности директора АБУ. 17 мая Дж. Байден назначил Н. Танден своим старшим советником; это назначение можно истолковать таким образом, что она стала неофициальным директором управления. Вместе с тем проволочка с поиском новой кандидатуры в Белом доме объяснили тем, что в руководстве Демократической партии считают, что новый претендент должен прежде всего иметь индоамериканские корни, как они есть у Н. Танден. Такой подход к выбору ключевой фигуры финансово-экономического блока администрации Дж. Байдена, возможно, будет определять её кадровую политику и в дальнейшем со всеми вытекающими отсюда непредсказуемыми последствиями.

Беспрецедентная по американским стандартам ситуация с руководством одного из наиболее важных ведомств в системе вашингтонской бюрократии также является ещё одним важнейшим признаком не только функционального расстройств всей системы федеральных финансов, но и её растущей управленческой неэффективности.

ИСТОЧНИКИ

1. Составлено и рассчитано по: Budget of the U. S. Government. Fiscal Year 2022. Historical Tables. A) Table 1.3—Summary of Receipts, Outlays, and Surpluses or Deficits (-) in Current Dollars, Constant (FY 2012) Dollars, and as Percentages of GDP: 1940–2026; B) Table 7.1—Federal Debt at the End of Year: 1940–2026; C) Table 8.3—Percentage Distribution of Outlays by Budget Enforcement Act Category: 1962–2026. Available at: <https://www.whitehouse.gov/omb/historical-tables> (accessed 20.07.2021)

2. Budget of the U. S. Government. Fiscal Year 2022. Analytical Perspectives. Washington, USGPO, 2021, ix + 233 pp.

3. Рассчитано по: U.S. Treasury. Major Foreign Holders of Treasury Securities (in billions of dollars). Holdings at End of Period. June 15, 2021. Available at: <https://ticdata.treasury.gov/Publish/mfh.txt> (accessed 20.07.2021)

4. Президент России. Сессия онлайн-форума «Давосская повестка дня 2021». Владимир Путин выступил на сессии онлайн-форума «Давосская повестка дня 2021», организованного Всемирным экономическим форумом. 27 января 2021 года. Москва, Кремль. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/64938> (accessed 20.07.2021)

5. CRS Report. Introduction to the Federal Budget Process. February 26, 2020. R46240.

6. Committee for a Responsible Federal Budget. Eight Gimmicks to Look Out For This iii + 38 pp. Available at: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf> (accessed 20.07.2021)
Budget Season. May 16, 2017. 5 pp. Available at: <https://www.crfb.org/papers/eight-gimmicks-look-out-budget-season> (accessed 20.07.2021).

7. CBO. What is the difference between mandatory and discretionary spending? Available at: <https://www.cbo.gov/content/what-difference-between-mandatory-and-discretionary-spending> (accessed 20.07.2021)

8. The White House. OMB. The President’s FY 2022 Discretionary Request. April 9, 2021. P. 39. Available at: <https://www.whitehouse.gov/omb/fy-2022-discretionary-request> (accessed 20.07.2021)

9. Рассчитано по: Budget of the U. S. Government. Fiscal Year 2022. Wash: U.S.GPO, 2021, ii + 66 pp.

10. United States Senate Committee on Armed Services. OPEN/CLOSED: Department of Defense Budget Posture in review of the Defense Authorization Request for Fiscal Year 2022. Secretary of Defense Lloyd J. Austin III. Prepared Remarks Before the Senate Armed Services Committee. June 10, 2021. 13 pp. Available at: <https://www.armed-services.senate.gov/hearings/department-of-defense-budget-posture-in-review-of-the-defense-authorization-request-for-fiscal-year-2022> (accessed 20.07.2021)

11. Stenographic Transcript Before the Committee on Armed Services, United States Senate. Hearings to Receive Testimony on the Department of Defense Budget Posture in Review of the Defense Authorization request for Fiscal Year 2022. June 10, 2021. 131 pp.

Available at: <https://www.armed-services.senate.gov/hearings/department-of-defense-budget-posture-in-review-of-the-defense-authorization-request-for-fiscal-year-2022> (accessed 20.07.2021)

12. Kennedy S. End the Pentagon's OCO slush fund. *Defense News*, October 14, 2020. Available at: <https://www.defensenews.com/opinion/commentary/2020/10/14/end-the-pentagons-oco-slush-fund> (accessed 20.07.2021).

13. United States Department of Defense. Defense Budget Overview. Fiscal Year 2022 Budget Request. Wash.: U.S.GPO, 2021, IV + 144 pp. Как отмечалось в июньском докладе Атлантического совета, спустя 20 лет американского военного присутствия в странах Ближнего и Среднего Востока администрация Дж. Байдена наконец-то признала, что «ближневосточная политика США делала слишком большой упор на военное присутствие и зачастую являлась контрпродуктивной» (Ashford E. Reality Check #7: Red-teaming the Interim National Security Strategic Guidance. Jun 14, 2021. Available at: <https://www.atlanticcouncil.org/content-series/reality-check/reality-check-7-red-teaming-the-interim-national-security-strategic-guidance> (accessed 20.07.2021).

15. CRS. Defense Primer: In Focus. RDT&E. June 14, 2021, 3 pp. Available at: <https://fas.org/s/gp/crs/natsec.pdf> (accessed 20.07.2021).

16. Ashford E. Reality Check #7: Red-teaming the Interim National Security Strategic Guidance. Jun 14, 2021. Available at: <https://www.atlanticcouncil.org/content-series/reality-check/reality-check-7-red-teaming-the-interim-national-security-strategic-guidance> (accessed 20.07.2021).

17. Рассчитано по: The White House. OMB. The President's FY 2022 Discretionary Request. April 9, 2021. 58 pp. Available at: <https://www.whitehouse.gov/omb/fy-2022-discretionary-request> (accessed 20.07.2021).

18. Board of Governors of the Federal Reserve System. Monetary Policy Report. July 9, 2021. iii + 67 pp. Available at: <https://www.federalreserve.gov/files/2021070> (accessed 20.07.2021).

19. BEA. Gross Domestic Product (Third Estimate), Corporate Profits (Revised Estimate), and GDP by Industry, First Quarter 2021. June 24, 2021. BEA 21-29. 28 pp. Available at: <https://www.bea.gov/data/gdp/gross-domestic-product> (accessed 20.07.2021)

20. Board of Governors of the Federal Reserve System. Money Stock Measures - H.6 Release. June 22, 2021. Tables 1-3. Available at: <https://www.federalreserve.gov/releases/h6/current/default.htm> (accessed 20.07.2021)

21. Рассчитано по: CBO. Estimated Budgetary Effects of H.R. 1319, American Rescue Plan Act of 2021. March 10, 2021. Cost Estimate. As Passed by the Senate on March 6, 2021. 2 pp. Available at: <https://www.cbo.gov/publication/57056> (accessed 20.07.2021)

22. Williams J. Larry Summers blasts \$1.9 T stimulus as 'least responsible economic policy in 40 years. *The Hill*, 03/20/21. Available at: <https://thehill.com/policy/finance/544188-larry-summers-blasts-least-responsible-economic-policy-in-40-years> (accessed 20.07.2021).

23. Does Rising National Debt Portend Rising Inflation? — "St. Louis Fed On The Economy Blog". March 2, 2021. Available at: <https://www.stlouisfed.org/on-the-economy/2021/march/does-rising-national-debt-portend-rising-inflation> (accessed 20.07.2021).

24. Mandelman F. Money Aggregates, Debt, Pent-Up Demand, and Inflation: Evidence from WWII. — “Federal Reserve Bank of Atlanta’s Policy Hub”, No. 2021-4, 19 pp.

25. Рассчитано по: CBO. An Update to the Budget and Economic Outlook: 2021 to 2031. July 1, 2021. 5 pp.; U.S. Department of Treasury. FiscalData. Debt to the Penny. Available at: <https://fiscaldata.treasury.gov/datasets/debt-to-the-penny/debt-to-the-penny> (accessed 20.07.2021).

26. Committee for a Responsible Federal Budget, What Would it Take to Stabilize the Debt? May 21, 2021. Available at: <https://www.crfb.org/blogs/what-would-it-take-stabilize-debt> (accessed 20.07.2021).

27. Samuels B. and Lane S. Biden's budget vacancy raises eyebrows. *The Hill*, 07/20/21. Available at: <https://thehill.com/policy/finance/563779-bidens-budget-vacancy-raises-eyebrows> (accessed 20.07.2021).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ВАСИЛЬЕВ Владимир Сергеевич, Vladimir S. VASILIEV, Doc. Sci. доктор экономических наук, главный (Economics), Chief Researcher, Institute научный сотрудник Института США и for the U.S. and Canadian Studies, Russian Канады Российской академии наук Academy of Sciences (ISKRAN). 2/3, (ИСКРАН). Российская Федерация, Khlebny per., Moscow, 121069, Russian Federation. 121069 Москва, Хлебный пер., д. 2/3.

Статья поступила в редакцию / Received 21.07.2021.

Статья поступила после рецензирования / Revised 4.08.2021.

Статья принята к публикации / Accepted 12.08.2021.

JEL: G20; G28; O16; O51

УДК 330.354; 336.025

DOI: 10.31857/S268667300016896-5

Финансовая инклюзия как фактор экономического роста в США и других развитых странах

П.А. Патрон

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, дом 1, строение 46.
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0565-5818> e-mail: patron@econ.msu.ru*

Д.И. Пехальский

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, дом 1, строение 46.
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5769-7326> e-mail: pehalskiy@yandex.ru*

Резюме: В статье исследуется влияние финансовой инклюзии на экономический рост в развитых странах, в первую очередь в США. Показано, что, несмотря на широкое освещение в экономической литературе и пристальное внимание властей, не существует универсального определения финансовой инклюзии. На основе анализа ряда существующих теоретических концепций формулируется авторское определение финансовой инклюзии, а также систематизируются основные методики её измерения. В работе также освещаются основные каналы, через которые увеличение финансовой инклюзии может транслироваться в экономический рост. Подробно рассматриваются современные тенденции расширения финансовой инклюзии в развитых странах, в том числе в условиях пандемии COVID-19. На примере США показано, что колоссальные объёмы антикризисного стимулирования экономики в сочетании с высокими показателями финансовой инклюзии могут оказать дестабилизирующее воздействие на макроэкономические показатели. В то же время, несмотря на благоприятные тенденции последних лет, некоторые слои населения США, в основном с низкими доходами, не имеют доступа к базовым финансовым услугам. Показано, что оптимальная экономическая политика в области финансовой инклюзии должна в первую очередь ориентироваться на специфические особенности национальной финансовой системы; выделяется несколько направлений такой политики для США.

Ключевые слова: финансовая инклюзия, экономический рост, финансовая доступность

Для цитирования: Патрон П.А., Пехальский Д.И. Финансовая инклюзия как фактор экономического роста в США и других развитых странах. *США & Канада: экономика, политика, культура*, 2021; 51 (10): 22-42. DOI: 10.31857/S268667300016896-5

Financial Inclusion as a Factor of Economic Growth in the United States and Other Developed Countries

Petr A. Patron

Lomonosov Moscow State University

GSP-1, 1 Leninskiye Gory, Moscow, 119991, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0565-5818> e-mail: patron@econ.msu.ru

Denis I. Pekhalskii

Lomonosov Moscow State University
GSP-1, 1 Leninskiye Gory, Moscow, 119991, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5769-7326> e-mail: pehalskiy@yandex.ru

Abstract: The article examines the impact of financial inclusion on economic growth in developed countries, especially in the United States. It is shown that, despite extensive coverage in the economic literature and close attention of the authorities, there is no universal definition of financial inclusion. Based on the analysis of a number of existing theoretical concepts, we formulate our own definition of financial inclusion and systematize the main methods of its measurement. The paper also highlights the main channels through which increased financial inclusion can be translated into economic growth. Current trends in the expansion of financial inclusion in developed countries, including the context of the COVID-19 pandemic, are discussed in detail. Using the example of the United States, it is shown that colossal volumes of anti-crisis stimulation of the economy, combined with high rates of financial inclusion, can have a destabilizing effect on macroeconomic indices. At the same time, despite favorable trends in recent years, a number of strata of American citizens, mostly with low-income levels, do not have access to the basic financial services. It is shown that the optimal economic policy in the field of financial inclusion should primarily be guided by the specific features of the national financial system; we formulate several directions of such policy for the United States.

Key words: financial inclusion, economic growth, financial accessibility

For citation: Patron P.A., Pekhalskii D.I. Financial inclusion as a factor of economic growth in the United States and other developed countries. *USA & Canada: economics, politics, culture*. 2021; 51(10): 22-42 (*In Russ.*). DOI: 10.31857/S268667300016896-5

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы отмечается стремительный рост различных показателей финансового сектора экономики. К примеру, относительный показатель капитализации фондового рынка в среднем по миру вырос с 30% ВВП в 1980 г. практически до 80% в 2018 г., причём в США и других развитых странах рост ещё более значительный [29]. Объёмы кредитования, активы банковского сектора, балансы центральных банков — все эти показатели демонстрируют кратный рост в силу тех или иных причин, и последствия этого роста ставят перед экономистами целый ряд вопросов. Наибольший интерес представляют те вопросы, которые затрагивают взаимосвязь финансового и реального секторов экономики, поскольку история знает немало примеров, когда кризисные явления в одном из них транслировались в другой и приводили к крайне неблагоприятным последствиям.

Влияние финансов на реальный сектор, в частности экономический рост, исследуется уже давно. На ранних этапах высказывались теоретические соображения относительно характера взаимосвязи этих частей экономики, причём были мнения как о том, что финансы являются движущей силой экономического роста [Schumpeter J., 2017], так и противоположные [Robinson J., 1979]. В 1990-х про-

изошёл методологический прорыв: на фоне улучшения собираемости статистических данных и совершенствования эконометрического аппарата появляется довольно много работ, в которых характер взаимосвязи финансов и экономического роста устанавливается эмпирически. Подавляющее большинство научных статей утверждает, что именно показатели финансового сектора значимо и положительно влияют на экономический рост (см., например, [Beck T., Levine R., Loayza N., 2000], [King R., Levine R., 1993], [Levine R., Zervos S., 1998]). Особенностью данных исследований является то, что в качестве переменных, отражающих развитие финансового сектора, использовались показатели финансовой глубины (отношение кредитов, депозитов, страховых премий, капитализации фондового рынка и др. к ВВП).

Осмысление уроков мирового экономического кризиса 2008 года, или «Великой рецессии», отчасти обусловило изменение подхода к анализу и идентификации финансового развития. Появляются исследования, доказывающие, что показатели финансовой глубины влияют на экономический рост немонотонно: существует предел, после которого благоприятное влияние сменяется неблагоприятным [6], [Arcand J.L., Berkes E., Panizza U., 2015]. Также большое внимание уделяется альтернативным показателям финансового развития, одним из которых является финансовая инклюзия (*financial inclusion*).

Финансовая инклюзия занимает важнейшее место в современной экономической повестке различных международных организаций. ООН рассматривает её в качестве ключевого инструмента по достижению 7 из 15 Целей устойчивого развития [26]. Всемирный банк отводит финансовой инклюзии одну из главных ролей в борьбе с бедностью и неравенством [27]. Со стороны властей различных стран, в том числе и США, ведётся активная работа в области международного сотрудничества по вопросам увеличения финансовой инклюзии: об этом свидетельствует создание международного Альянса за финансовую доступность (*Alliance for Financial Inclusion, AFI*), членами которого являются 88 стран, а также Глобального партнёрства за финансовую доступность Группы двадцати (*Global Partnership for Financial Inclusion G20, G20 GFI*), в работе которого могут участвовать страны Группы двадцати, а также любые другие государства, заинтересованные в повышении финансовой инклюзии.

Пандемия COVID-19 в 2020 г. и сопутствовавший ей кризис стали катализаторами анализа вопросов, связанных с влиянием финансовой инклюзии на экономический рост. Низкие процентные ставки наряду с колоссальными объёмами антикризисного стимулирования привели к массивному притоку ликвидности на фондовом рынке, причём наиболее ярко данная тенденция прослеживается именно в развитых странах, особенно в США. Поэтому представляется важным сконцентрировать внимание именно на США и развитых странах: проанализировать современные тенденции развития финансовой инклюзии, а также рассмотреть её влияние на экономический рост.

ФИНАНСОВАЯ ИНКЛЮЗИЯ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ И ИЗМЕРЕНИЕ

Для того чтобы понять роль финансовой инклюзии в современной экономической системе, необходимо сначала дать определение самому понятию «финансовая инклюзия». На первый взгляд может показаться, что данная задача вполне тривиальна, но это не совсем так. Несмотря на внушительный массив исследований, посвящённых финансовой инклюзии, на текущий момент не существует её общепринятого определения.

В статьях 1990-х годов редко можно встретить словосочетание «финансовая инклюзия», поскольку в основном речь шла о её противоположности – финансовой эксклюзии (*financial exclusion*), которая была результатом социальной поляризации общества. К примеру, в известной работе А. Лейшона и Н. Трифта говорится, что финансовая эксклюзия складывается вследствие исключения определённых социальных групп населения из финансовой системы [Leyshon A., Thrift N., 1995]. Авторы отмечают, что причины исключения могут быть разными и меняться со временем, но общая закономерность такова, что финансовая система, как правило, в большей степени ориентирована на обеспеченных людей, в то время как малообеспеченные подвергаются дискриминации. Сходное определение приводит М. Соло под финансовой эксклюзией она понимает ситуацию, при которой доступ малообеспеченных групп граждан к различным финансовым услугам (депозитам, сберегательным счетам, платёжным системам и кредиту) оказывается затруднён [Solo T. M., 2008]. Социальный подтекст также прослеживается в дефиниции, предложенной С. Карбó и соавторами: финансовая эксклюзия представляет собой феномен, возникающий вследствие того, что некоторые группы населения не имеют доступа к финансовой системе [Carbó S., Gardener E.P.M., Molyneux P., 2005].

Немного другой подход применяет С. Синклер: автор избегает социально-политической коннотации и указывает на конкретные факторы, влияющие на финансовую эксклюзию, под которой понимается невозможность доступа к финансовым услугам в надлежащей форме. Среди этих факторов выделяются следующие: неготовность финансовых институтов обслуживать малообеспеченных граждан, неразумные условия договоров, ценовые барьеры или намеренное игнорирование финансовых услуг вследствие недоверия к финансовой системе [22]. Такой подход кажется более приемлемым, поскольку социальная составляющая, несомненно, важна, но она не является единственным фактором, влияющим на финансовую эксклюзию (инклюзию). Ещё одной особенностью вышеприведённых определений является то, что в них финансовая инклюзия отождествляется с доступом к финансовым услугам, хотя в действительности это не совсем одно и то же. Другими словами, авторы смотрят только на сторону предложения финансовых услуг, игнорируя спрос, хотя только их совпадение способно создать уравновешенную инклюзивную финансовую систему. Более предметный подход к определению финансовой инклюзии реализуется в ряде других работ.

У М. Сармы финансовая инклюзия рассматривается как многомерное понятие. Автор выделяет несколько параметров, при которых финансовая система

может называться инклюзивной: наличие, доступность и интенсивность использования финансовых услуг [21]. В исследовании Р. Сахай и соавторов выделяются такие измерения финансовой инклюзии, как доступ и использование: финансовая система является инклюзивной, если домашние хозяйства и фирмы имеют доступ к финансовым услугам и используют их [20].

Несмотря на то что подход к формулировке определения финансовой инклюзии, предполагающий выделение определённых факторов, является крайне популярным в данный момент, он не позволяет получить универсальное толкование. Главная проблема заключается в том, что каждый автор по-своему интерпретирует финансовую инклюзию и, соответственно, комбинации факторов различаются от исследования к исследованию, что порой затрудняет валидацию полученных выводов и эконометрических оценок. Монетарные власти различных стран также далеки от консенсуса относительно набора факторов, определяющих инклюзивную финансовую систему. Согласно опросу, проведённому специалистами Банка международных расчётов (*Bank for International Settlements, BIS*), среди представителей центральных банков и других монетарных властей 47 стран мира, наиболее популярными факторами, используемыми при определении финансовой инклюзии, стали: доступность (100%), эффективное использование (100%), качество (90%) и само наличие (90%) финансовых услуг. Менее упоминаемыми являются: спрос на финансовые услуги, финансовая грамотность, финансирование малого и среднего бизнеса и финансовая инфраструктура [12]. С одной стороны, такая ситуация вполне закономерна, поскольку финансовая система каждой страны уникальна. С другой стороны, дисперсность определений серьёзно затрудняет межстрановые сопоставления, базирующиеся на материалах национальных монетарных властей.

Дополнительную ясность в трактовку понятия финансовой инклюзии вносит Всемирный банк (*World Bank*). Так, согласно одному из определений, под финансовой инклюзией понимается доля экономических субъектов (фирм, индивидов), которые пользуются инструментами финансовой системы [27]. При этом справедливо отмечается, что доступность финансовых услуг и финансовая инклюзия — это не всегда синонимы, поскольку нельзя игнорировать тот факт, что определённые экономические агенты, несмотря на наличие полного доступа к финансовым услугам, в силу тех или иных причин не используют их. Если речь идёт о сознательном неиспользовании инструментов финансовой системы по религиозным, моральным или личным причинам, в таком случае можно говорить о добровольном исключении из финансовой системы. Недобровольное исключение возникает, если экономические агенты предъявляют спрос на финансовые услуги, но он не может быть удовлетворён вследствие их дороговизны, географической удалённости, чрезмерной бюрократизации и/или других причин. Не стоит также забывать о дискриминации потенциальных пользователей финансовых услуг по каким-либо признакам, хотя это относится в большей степени к развивающимся странам [8].

Более позднее определение, сформулированное Всемирным банком, гласит, что финансовая инклюзия — это ситуация, при которой физические и юриди-

ческие лица могут воспользоваться полезными и экономически доступными финансовыми продуктами и услугами, предоставляемыми ответственным и устойчивым образом [28]. Несмотря на формальную корректность этого определения, его практическая применимость стремится к нулю, поскольку не заданы чёткие критерии, по которым определяется ответственность и устойчивость предоставляемых услуг.

Таким образом, существует много определений финансовой инклюзии, и научное сообщество далеко от достижения консенсуса в данном вопросе. В наиболее общем виде под финансовой инклюзией стоит понимать вовлечение различных экономических агентов в финансовую систему. На это вовлечение в свою очередь влияет множество факторов, которые можно рассматривать со стороны предложения финансовых услуг и спроса на них. Факторы спроса исходят от самих экономических агентов, среди них обычно выделяются следующие [7], [Allen F., Demirgüç-Kunt A., Klapper L., Martinez Peria M.S., 2016], [Klapper L., Lusardi A., Panos G.A., 2013]:

1. пол, возраст, семейное положение, уровень образования;
2. вероисповедание и убеждения;
3. место проживания;
4. уровень дохода, вид занятости;
5. и многие другие, зачастую ненаблюдаемые.

К факторам предложения финансовых услуг, которые исходят от поставщиков таких услуг и опосредованно от государства, контролирующего деятельность подобных организаций, можно отнести следующие:

1. развитость финансовой инфраструктуры (количество банковских отделений, банкоматов и т.д.);
2. регуляторные барьеры;
3. макропруденциальное регулирование;
4. технологические инновации (финтех – *fintech*, мобильный банкинг).

Для достижения высокого уровня финансовой инклюзии важно именно пересечение спроса и предложения – только так происходит вовлечение экономических агентов в финансовую систему. Но зачастую исследователи (особенно в работах с эмпирической составляющей) вынуждены прибегать к упрощению и рассматривать факторы предложения финансовых услуг в качестве прокси-переменных финансовой инклюзии. Такая ситуация складывается вследствие того, что данных по финансовой инклюзии не так много, а некоторые теоретические концепции и вовсе не квантифицируемы.

Измерение финансовой инклюзии – вопрос столь же сложный и неоднозначный, как и её определение. Существующие международные базы данных можно подразделить на два вида: отражающие сведения о предложении финансовых услуг и спросе на них. К первому виду можно отнести «Исследование доступа к финансам» (*Financial Access Survey, FAS*) Международного валютного фонда (*International Monetary Fund*); «Глобальное исследование внедрения мобильных финансовых услуг» (*Global Adoption Survey for Mobile Financial Services*) Всемирной ассоциации систем мобильной связи (*Global System for Mobile Communications Association*);

«Глобальное исследование платёжных систем» (*Global Payment Systems Survey, GPSS*) Всемирного банка и др. Ко второму виду относятся «Глобал Финдекс» (*Global Findex*) и «Опросы предприятий» (*Enterprise Surveys*) Всемирного банка; «ФинСкоуп» (*FinScope*); «ФинАкセス» (*FinAccess*); «Исследование финансовых институтов» (*Financial Institution Tracker Survey, FITS*) и др. Дополнительные сведения о перечисленных базах данных приведены ниже (см. рис. 1).

Рисунок 1

Классификация баз данных, содержащих сведения о финансовой инклюзии

Составлено авторами на основе статьи М. Эспиноса-Вега и др. [10].

На первый взгляд может показаться, что источников данных довольно много и проблем быть не должно. Однако данные со стороны спроса на финансовые услуги публикуются крайне нерегулярно вследствие того, что их сбор сопряжён со значительными денежными и временными издержками, возникающими в ходе взаимодействия с различными экономическими агентами. К примеру, основная база данных *Findex* обновляется лишь один раз в три года и существует с 2011 г. При этом преимущество подобных баз данных заключается в том, что они позволяют понять причины, которые приводят к исключению из финансовой системы. Данные со стороны предложения финансовых услуг публикуются более регулярно, поскольку в большинстве своём собираются национальными монетарными властями и агрегируются на страновом уровне. Основная база данных «Исследование доступа к финансам» (*Financial Access Survey*) обновляется ежегодно и существует с 2004 года.

Также очень популярным в настоящий момент является построение различных индексов, включающих данные как со стороны спроса на финансовые услуги, так и со стороны их предложения. Подобный подход реализуется во многих исследованиях (см., например, [1], [5], [Gupte R., Venkataramani B., Gupta D., 2012], [Honohan P., 2008]). Очевидным преимуществом данной методики является то, что она позволяет учесть сразу несколько измерений финансовой инклюзии. К недостаткам можно отнести то, что проинтерпретировать полученные в ходе анализа данных результаты весьма затруднительно, равно как и учесть страновую специфику, поскольку один индекс может хорошо описывать ситуацию в определённой стране и быть не совсем релевантным для другой.

Подводя итог вышесказанному, можно отметить, что финансовая инклюзия, несмотря на широкое освещение в современной экономической литературе и пристальное внимание со стороны монетарных и немонетарных властей различных стран, остаётся неоднозначным понятием. При формулировке его определения важно соблюсти баланс между содержательной точностью и практической пригодностью, поскольку одно без другого сильно ограничивает сферу его применения. В самом общем виде под финансовой инклюзией следует понимать вовлечение различных экономических агентов в финансовую систему. На это вовлечение могут воздействовать факторы со стороны спроса на финансовые услуги и со стороны предложения финансовых услуг. Источники данных о финансовой инклюзии также можно подразделить на те, которые отражают сведения о стороне спроса на финансовые услуги и стороне их предложения. Не менее интересным является вопрос каналов, по которым финансовая инклюзия может транслироваться в экономический рост.

КАНАЛЫ ВЛИЯНИЯ ФИНАНСОВОЙ ИНКЛЮЗИИ НА ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ

В новой работе Э. Дабла-Норрис с соавторами разрабатывают модель общего равновесия, описывающую каналы влияния финансовой инклюзии на экономический рост [Dabla-Norris E., Ji Y., Townsend R.M., Filiz Unsal D., 2021]. В модель вводятся три переменные, характеризующие силы трения финансовой системы (*financial frictions*):

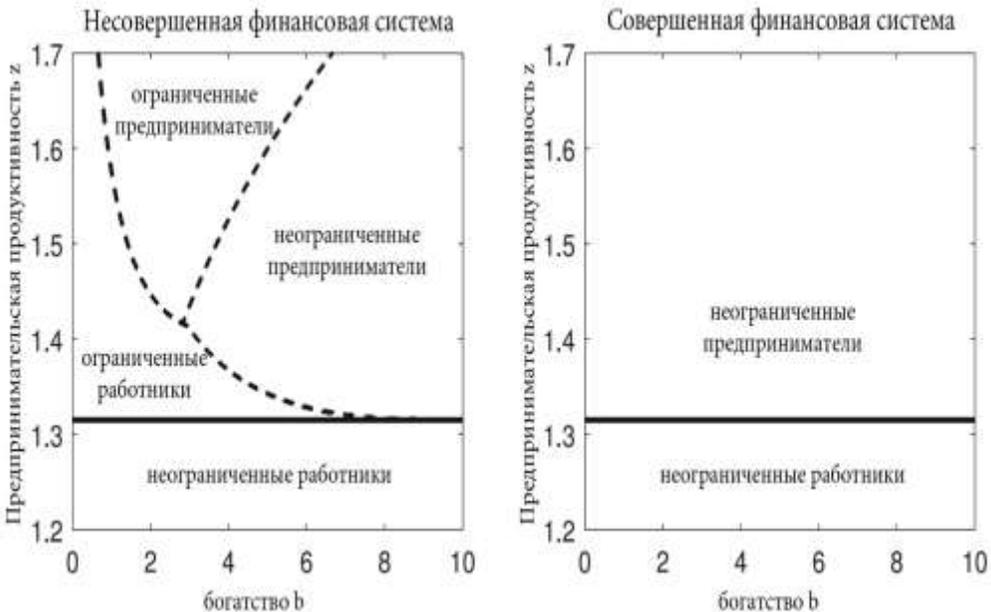
1. ψ – издержки получения кредита (один из критериев финансовой инклюзии);
2. ξ – показатель жесткости ограничения заимствования;
3. χ – показатель эффективности финансовых посредников.

Идея авторов состоит в том, чтобы показать, что влияет на выбор индивидов между работой по найму и предпринимательской деятельностью. Базовая предпосылка модели заключается в том, что каждый индивид обладает каким-то богатством b и уровнем предпринимательской продуктивности z . В условиях несовершенной финансовой системы с ненулевой силой трения, на решение индивида о выборе профессии влияет как его предпринимательская продук-

тивность, так и уровень богатства. В результате возникают случаи, когда определённые индивиды, классифицируемые в статье как ограниченные работники и ограниченные предприниматели, в силу своего невысокого уровня богатства вынуждены работать по найму или вести бизнес не на полную мощность, несмотря на то что их уровень предпринимательской продуктивности довольно высок. В условиях же совершенной финансовой системы ($\psi = \chi = \xi = 0$) на решение индивида об открытии своего бизнеса влияет лишь его предпринимательская продуктивность (рис. 2). Это эквивалентно тому, что любой индивид, обладающий талантом к предпринимательству, при желании может стать неограниченным предпринимателем, бизнес которого будет функционировать без вынужденного ограничения масштабов, с предельной прибылью на капитал, равной предельным издержкам. В свою очередь, индивиды, не обладающие высоким уровнем предпринимательской продуктивности, в условиях как совершенной, так и несовершенной финансовой системы могут стать наёмными работниками (неограниченные работники на рис. 2).

Рисунок 2

Выбор индивидов в условиях совершенной и несовершенной финансовой системы

на графике слева $\psi = 0,05$; $\chi = 0,05$; $\xi = 0,5$.

Составлено авторами по [Dabla-Norris E., Ji Y., Townsend R. M., Filiz Unsal D., 2021].

Авторы строго математически обосновывают, что снижение сил трения финансовой системы (среди прочего увеличение финансовой инклюзии) способ-

ствуует увеличению числа предпринимателей и выпуска продукции уже существующих предприятий, что в итоге ведет к экономическому росту. Несмотря на то, что калибровка модели реализуется на примере развивающихся стран, выводы, полученные авторами, могут быть справедливы как для США, так и развитых стран в целом. Данная модель согласуется с соображениями Й. Шумпетера, который видел в предпринимателях движущую силу экономического роста, а банки, обеспечивающие их средствами, называл феноменом развития [Schumpeter J., 2017].

При этом издержки получения дополнительных средств могут быть уменьшены не только путём упрощения сопутствующих бюрократических процедур, снижения комиссий и улучшения финансовой инфраструктуры, но и за счет появления кардинально новых механизмов взаимодействия заемщиков и кредиторов. В настоящее время большую популярность набирают различные краудфандинговые (*crowdfunding*), краудинвестиционные (*crowdinvesting*) и краудлендинговые (*crowdlending*) платформы, позволяющие в режиме онлайн связать предпринимателей и потенциальных инвесторов. Конечно, подобного рода нововведения таят в себе значительные риски, и, осознавая это, правительства различных стран (в основном развитых) берут их на особый контроль. Специальное законодательство для таких платформ существует в США, Канаде, Испании, Франции, Великобритании, Португалии и других странах [25] [Кузнецов В.А., 2017].

Однако, несмотря на то что в ряде работ именно инклюзия фирм названа главной движущей силой экономического роста [15], существенную роль могут играть и домашние хозяйства. При этом трансмиссионные механизмы могут быть самыми различными: рост располагаемых доходов вследствие более выгодного вложения сбережений; увеличение человеческого капитала и производительности труда вследствие более доступных образовательных кредитов; более продуктивное использование времени вследствие улучшения финансовой инфраструктуры и автоматизации бюрократических процедур и др. Упрощённая схема влияния финансовой инклюзии на экономический рост приведена ниже (см. рис. 3).

Таким образом, существует несколько каналов, через которые финансовая инклюзия может транслироваться в экономический рост. При этом возможен синергетический эффект: к примеру, увеличение доступности и привлекательности различных инвестиционных и банковских продуктов, сопровождающееся притоком сбережений населения, может значительно упрощать предпринимателям доступ к дополнительной ликвидности, позволяя более эффективно реализовывать перспективные проекты или модернизировать существующие. В таком случае можно говорить о том, что финансовая инклюзия является ключевым инструментом, помогающим финансовой системе выполнять одну из важнейших своих функций: перераспределять ресурсы от тех экономических агентов, у кого они в избытке к тем, у кого отмечается их недостаток. Но является ли это панацеей, способной запустить экономический рост там, где финансовая система и так хорошо справляется со своими функциями? В данном случае крайне дискуссионным и неоднозначным представляется вопрос развития финансовой

инклюзии в развитых странах, особенно в период пандемии COVID-19, который будет рассмотрен далее.

Рисунок 3

Каналы влияния финансовой инклюзии на экономический рост

Составлено авторами по [9], [Sethi D., Acharya D., 2018].

РАЗВИТИЕ ФИНАНСОВОЙ ИНКЛЮЗИИ В РАЗВИТЫХ СТРАНАХ

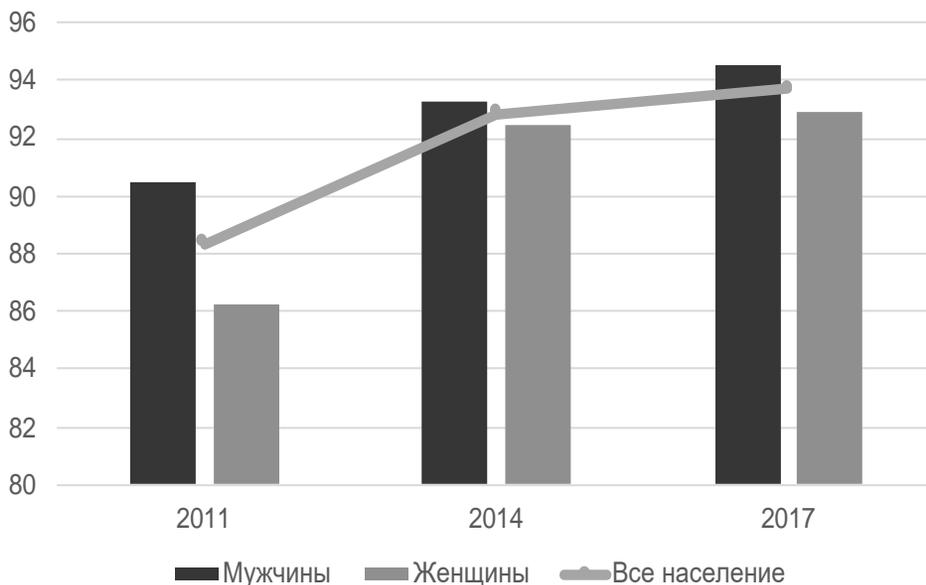
В современной экономической литературе, посвящённой финансовой инклюзии, развитым странам уделяется существенно меньше внимания, нежели развивающимся. Отчасти подобное положение дел вполне логично, поскольку в развитых странах финансовая инклюзия находится на очень высоком уровне, далее поднимать который зачастую не только нецелесообразно, но и невозможно. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть на долю граждан, имеющих счет в каком-либо финансовом учреждении или сервисе (см. рис. 4).

Как видно из графика, в развитых странах эта доля стабильно растёт: с 88% в 2011 г. до 94% в 2017 г. Очень важно также отметить то, что гендерный разрыв в доступе к счетам практически отсутствует: женщины почти так же часто, как и мужчины, открывают счета в каком-либо финансовом учреждении (разница

между долей мужчин и женщин в 2011 г. составлял 4 п.п.; в 2014 г. – менее 1; в 2017 г. – 1,6). Полноценное участие женщин в экономических отношениях благоприятно сказывается на макродинамике: способствует экономическому росту, диверсифицирует экономику и смягчает неравенство доходов [14; 16].

Рисунок 4

Доля граждан, имеющих счёт в каком-либо финансовом учреждении или сервисе, развитые страны (% граждан старше 15 лет)

Источник: составлено авторами по данным Всемирного банка (URL: <https://globalfindex.worldbank.org>)

Важными факторами спроса на финансовые услуги, как это было показано ранее, являются уровни образования и доходов, что справедливо и для развитых стран. В исследовании М. Ампудия и М. Эрманна показывается, что наиболее вероятными причинами исключения из финансовой системы в США и странах еврозоны являются низкие доходы, отсутствие работы и низкий уровень образования [2]. При этом количественная оценка чистого богатства (все активы за вычетом всех обязательств) домохозяйств, имеющих счета, на 74 тыс. евро в еврозоне и 42 тыс. долл. в США превышает аналогичный показатель для домохозяйств без счетов. Авторы отмечают, что одной из причин сложившейся ситуации может быть то, что домохозяйства с открытыми банковскими счетами имеют больше возможностей для аккумуляции активов. Однако в данном случае, кажется, можно говорить о наличии двусторонней причинно-следственной связи между богатством и спросом на финансовые услуги. С одной стороны, открытый банковский счёт действительно позволяет нарастить активы посредством, например, выгодного вложения средств или приобретения имущества в ипотеку. С другой стороны, домохозяйства с высоким уровнем богатства, как правило, чаще прибегают

к услугам различных финансовых организаций для того, чтобы его сохранить или приумножить. Проиллюстрировать данные соображения можно с помощью статистики ФРС США. Согласно ей, в ходе пандемийного 2020 года больше всего нарастить своё благосостояние удалось именно тем домохозяйствам, которые обладали какими-либо активами, причём наилучшую динамику продемонстрировали недвижимость, акции и пенсионные счета [23].

Пандемия COVID-19 внесла серьёзные коррективы во многие экономические процессы, и финансовые взаимоотношения не стали исключением. Одной из главных современных тенденций в сфере финансовых услуг является их цифровизация, включая их перевод в онлайн. Не секрет, что в развитых странах, несмотря на растущую конкуренцию со стороны финтех-компаний, ведущими поставщиками подобных услуг остаются банки. В новейшем исследовании Э. Лиу подчёркивается, что преобладание банков в развитых странах обусловлено укоренившимися привычками населения к более традиционным способам расчёта, например, кредитными или дебетовыми картами [17]. При этом благоприятная институциональная среда, способствующая появлению различных инноваций, не перевешивает поведенческий аспект, что сдерживает цифровизацию и ставит под вопрос дальнейшую устойчивость к различным катаклизмам. Нельзя также забывать о старении населения развитых стран, которое в последние годы заметно ускорилось, – это также ограничивает распространение различных нововведений. Безусловно, цифровизация таит в себе значительные риски, такие как киберпреступность и технические сбои [3], но в то же время позволяет диверсифицировать способы получения финансовых услуг, что благоприятно сказывается на общественном благосостоянии и здоровье населения в случае глобальной пандемии.

Ещё одним важным результатом глобального экономического кризиса, вызванного COVID-19, а вернее, борьбой с ним, являются беспрецедентные объёмы антикризисной поддержки, осуществлённой правительствами различных стран, в первую очередь развитых. Во многих из них размеры фискального стимулирования, предполагающего в том числе безвозвратные денежные выплаты различным экономическим агентам, превышают 15% ВВП, и безусловным лидером выступают США, где на дополнительные расходы и выпадающие доходы приходится 25,5%, а на государственные гарантии – 2,5% ВВП (см. рис. 5).

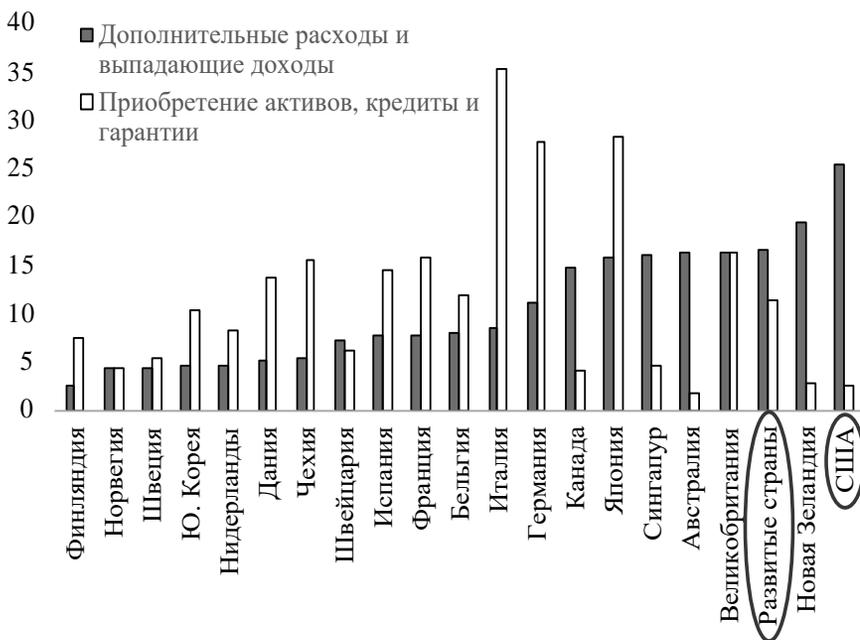
Разумеется, подобная реакция властей позволила минимизировать негативное воздействие кризисных явлений на экономику, но в то же время породила новые риски. Как было отмечено выше, финансовая инклюзия в развитых странах находится на весьма высоком уровне, а население тесно взаимодействует с финансовой системой. В результате наложения этого факта на рекордные влияния ликвидности в экономику складывается взрывоопасная ситуация: фондовый и другие рынки переполняются «вертолётными» деньгами, что способствует возникновению различных пузырей и росту волатильности.

В дополнение к этому люди не знали, чем себя занять во время локдаунов и других ограничений, что и побудило наиболее авантюрных из них совершать рискованные действия на бирже. К примеру, в США широкую общественную

огласку получил инцидент с акциями компании «ГеймСтоп» (*GameStop*), курс которых за короткий промежуток времени вырос более чем в 20 раз в результате скоординированного поведения большого количества мелких инвесторов. Инвесторы согласовывали свои действия на сайте «Реддит» (*Reddit*), в частности на форумах «р/уоллстритбетс» (*r/wallstreetbets*) и «р/суперстонк» (*r/superstonk*), и убеждали участников форума покупать акции «ГеймСтоп» для того, чтобы уменьшить количество акций, свободно обращающихся на рынке (так называемое «свободное плавание» – *freefloat*). Это было нужно, чтобы затруднить закрытие существовавших на тот момент коротких позиций институциональных инвесторов. В результате цена акций оказалась намного выше любых фундаментальных оценок, крупные институциональные инвесторы, державшие шорт-позиции, вынуждены были их закрыть и понесли значительные убытки.

Рисунок 5

Относительные размеры стимулирования экономик развитых стран с начала пандемии по январь 2021 г., % ВВП

Составлено авторами по данным МВФ (URL: <https://www.imf.org/en/Topics/imf-and-covid19/Fiscal-Policies-Database-in-Response-to-COVID-19>)

Стоит подчеркнуть, что подобное поведение частных инвесторов на рынке США стало возможным именно из-за развития финансовой инклюзии, в частности из-за снижения комиссий брокеров и транзакционных издержек входа на финансовые рынки. Финтех-компании, такие как «Робингуд» (*Robinhood*), революционизировали торговлю финансовыми инструментами. Их бизнес-модель строится

не на классических брокерских комиссиях, которые платит сам клиент, а на комиссиях и компенсациях от других финансовых посредников, которые «Робингуд» получает за осуществление сделок через них. Сам «Робингуд» называет эти платежи «скидками от маркетмейкеров и торговых площадок» [19]. Помимо этого, «Робингуд» извлекает доходы из выдачи контрагентам кредитов акциями, из использования свободных средств на счетах клиентов и из маржинальной торговли.

Безусловно, ситуация с «ГеймСтоп» не осталась без внимания регулирующих органов, которые директивно приостановили на несколько дней торги акциями и инициировали разбирательства на предмет манипулирования рынком. Данный прецедент не является единственным: не так давно судьбу акций «ГеймСтоп» повторили акции переживающей не лучшие времена сети кинотеатров AMC, выросшие с начала года более чем на 3000%.

Исследование Бредли и др. проливает свет на то, что торговая активность в отношении акций «ГеймСтоп» значительно возросла после специфических аналитических постов (*due-diligence posts*) [4]. Предполагается, что данные посты писали более опытные инвесторы (авторы называют их «непрофессиональными аналитиками из социальных медиа»). Именно вследствие этих постов усиливались стадные настроения участников рынка, и индивидуальные инвесторы принимали решения, подчиняясь доминирующему мнению. Следуя за большинством, инвестор начинает чувствовать себя более уверенно, так как неосознанно перекладывает ответственность за часть риска с себя на группу. Также интересна связь финансовой грамотности как одного из компонентов финансовой инклюзии и феномена «ГеймСтоп». В работе Тони Кляйна выявлена двусторонняя взаимосвязь между запросами информации о специфических финансовых терминах и рыночных механизмах, таких как короткие продажи, опционы пут и колл, шорт-сквиз, и распространением новостей о динамике акций *GameStop* [Klein T., 2021]. Таким образом, с одной стороны, именно финансовая инклюзия и высокий уровень финансовой грамотности сделали возможным сам феномен *GameStop*, а с другой стороны, новости о «ГеймСтоп» создали значительный запрос на самообразование и повышение финансовой грамотности среди индивидуальных инвесторов.

По всей видимости, манипулирование рынком, ранее доступное только крупным игрокам и инсайдерам, становится новой нормой и среди частных инвесторов. В результате сложившейся ситуацией заинтересовалась Комиссия по ценным бумагам и биржам США (*The United States Securities and Exchange Commission, SEC*), которая поставила акции, пользующиеся нестандартным интересом у розничных инвесторов, на особый контроль. Очевидно, что геймификация фондового рынка не сулит ничего хорошего как розничным инвесторам, так и институциональным, поскольку привносит значительную неопределённость и вынуждает регуляторов принимать рестриктивные меры, которые могут деформировать естественные процессы, протекающие не только на фондовом рынке, но и во всей рыночной системе. Среди возможных механизмов сдерживания авантюризма неквалифицированных инвесторов обсуждается в том числе и запрет брокерам устанавливать нулевую комиссию при торговле ценными бумагами [24]. Подобная мера является ударом не только по «нечестным» инвесторам, но и по обычным, которые не пре-

следуют никаких авантюрных, а тем более незаконных, интересов. Однако отмена нулевых комиссий кажется меньшим злом по сравнению с повышенной волатильностью фондового рынка, которая негативно отражается на многих макропоказателях, в том числе и на экономическом росте.

Идея компромисса (*trade-off*) между финансовой инклюзией и макроэкономической стабильностью прочно закрепилась в современной экономической литературе. Существуют свидетельства как в пользу благоприятного воздействия инклюзии на стабильность [Allen F., Demirgüç-Kunt A., Klapper L., Martinez Peria M.S., 2016], [Han R., Melecky M., 2017], так и в пользу негативного [18], [Morgan P.J., Zhang Y., 2017]. Хотя выводы относительно характера взаимосвязи этих переменных могут сильно различаться в зависимости от рассматриваемой страны и анализируемого периода времени, не вызывает сомнения то, что этот аспект должен учитываться регулируемыми органами. При этом оптимальная экономическая политика в первую очередь должна опираться на специфические особенности конкретной экономической системы. К примеру, в работе М. Чихака и соавторов выделяются факторы финансовой инклюзии домохозяйств, которые могут оказывать расшатывающее воздействие на макроэкономическую стабильность: фискальная свобода, свобода инвестиций и либерализация финансового сектора [Čihák M., Mare D.S., Melecky M., 2020]. Именно эти факторы присущи США и многим развитым экономикам, что говорит об актуальности подобного регулирования со стороны властей.

Высокий уровень финансовой инклюзии в развитых странах, помимо очевидных выгод, таких как рост выпуска и занятости, повышение уровня жизни и снижение бедности, влечёт и определённые риски. Трансформация традиционно консервативного в развитых странах финансового сектора, происходящая на волне цифровизации, делает многие финансовые услуги более дешёвыми и доступными. В результате на фондовый рынок выходит большое число индивидуальных инвесторов, которые своим оппортунистическим поведением способствуют его геймификации, сближая процесс инвестирования с игрой в рулетку. При этом впрыснутая в экономику ликвидность и низкие ставки ДКП как результат борьбы с экономическим кризисом, порождённым пандемией COVID-19, усиливают шаткость положения, приводя к дальнейшему перегреву фондового рынка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на кажущееся благополучие, в США значительная доля домохозяйств с низкими доходами не имеет доступа к финансовым услугам или их доступ к ним очень сильно затруднён. Около 23% домохозяйств с годовым доходом ниже 15 тыс. долл., 14% афроамериканских домохозяйств и 12% латиноамериканских домохозяйств либо не имеют счёта для транзакций («не охвачены банковскими услугами»), либо используют альтернативные финансовые продукты и услуги [11]. Даже когда домохозяйства хотят владеть транзакционными счетами, препятствиями могут быть высокие комиссии за ведение счёта, значительный первоначальный депозит, отсутствие необходимой идентификации для открытия

счёта и недоверие к банковской системе в целом. Вместе с тем нельзя не отметить, что отчёт Федеральной корпорации по страхованию вкладов (FDIC) 2019 г. показал значительную положительную динамику финансовой инклюзии в США. Общая доля не охваченных банковскими услугами домохозяйств опустилась до 5,4%, что является минимальным значением за 10 лет публикаций данного отчёта.

Закон «О реинвестициях в сообщества» (*Community Reinvestment Act, CRA*) 1977 г. был разработан, чтобы компенсировать провалы рынка в финансовом секторе и улучшить доступ к финансовым услугам за счёт поощрения банков, застрахованных корпорацией, инвестировать в недостаточно обслуживаемые сообщества [13]. С этой точки зрения, закон создан для поддержки усилий банков по расширению финансовой инклюзии. Банки зарабатывают баллы для увеличения их рейтинга в категориях кредитования, инвестиций и обслуживания. Однако банки зарабатывают гораздо меньше баллов в категории услуг, где деятельность напрямую связана с финансовой инклюзией, например, открытие новых отделений или предоставление недорогих транзакционных счетов. Хотя закон поощряет инвестиции в сообщества с недостаточным уровнем обеспеченности финансовыми услугами, в настоящее время он слишком слаб, чтобы значительно повлиять на финансовую инклюзию.

Среди специфических особенностей финансовой системы США, на которые должна ориентироваться экономическая политика в области финансовой инклюзии, можно выделить следующие:

1. Необходимо улучшать продвижение доступных, безопасных и удобных банковских счетов, в том числе путём установления стандартов и поощрения финансовых учреждений к соблюдению этих стандартов в отношении своих продуктов. «Бэнк Он» (*Bank On*) — это инициатива фонда «Города за расширение финансовых возможностей» (*Cities for Financial Empowerment Fund*), который создал программу сертификации финансовых учреждений о соответствии национальным стандартам безопасных и доступных банковских счетов. Эти стандарты включают минимальные начальные депозиты в размере 25 долл. США или меньше, ежемесячную плату за обслуживание в размере не более 5-10 долл., бесплатные сберегательные счета и переводы со счетов, а также отсутствие возможности овердрафта.

2. Доступ к потребительскому кредитованию является важнейшим аспектом финансовой инклюзии. Доходы и расходы особенно непредсказуемы для многих домохозяйств с низким уровнем дохода. Такие домохозяйства испытывают трудности со своевременной оплатой счетов и накоплением средств. Следовательно, когда они сталкиваются с финансовыми потрясениями (например, крупными и неожиданными расходами и/или потерей дохода), им необходимо получить доступ к недорогим краткосрочным кредитам для покрытия краткосрочных расходов. Это особенно важно, если доступ к кредитным картам затруднён из-за плохой кредитной истории.

3. Альтернативой дорогостоящим микрораймам до зарплаты и кредитам под залог автомобиля могут быть ссуды, доступные напрямую через работодателей. Продукты для выплаты авансового платежа позволяют сотрудникам получить доступ к своим начисленным заработкам для оплаты счетов, подлежащих оплате до дня выплаты жалования. Как уже говорилось выше, развитие финансовых технологий вносит не только деструктивный, но и значительный

позитивный вклад. Мобильные и цифровые платформы, такие как «Эпл Пэй» (*Apple Pay*), «Гугл Уоллет» (*Google Wallet*), «Страйп» (*Stripe*) и «ПэйПал» (*PayPal*), помогают проводить безналичные платежи, снижают банковские комиссии и даже помогают в учёте расходов и доходов семейного бюджета. Более глубокое проникновение данных платформ позволит предоставлять качественные финансовые услуги даже наименее обеспеченным домохозяйствам.

ИСТОЧНИКИ

1. Amidžić G., Massara A., & Mialou A. (2014). Assessing Countries' Financial Inclusion Standing – A New Composite Index. *IMF Working Paper 14/36*. Available at: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2014/wp1436.pdf> (accessed 01.06.2021).
2. Ampudia, M., & Ehrmann, M. (2017). Financial inclusion: what's it worth? *Working Paper Series, No. 1990*, European Central Bank. Available at: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/154423/1/ecbwp1990.pdf> (accessed 01.06.2021).
3. Baur-Yazbeck S., Frickenstein J., & Medine D. (2019). Cyber Security in Financial Sector Development: Challenges and Potential Solutions for Financial Inclusion. *CGAP Background Documents*. Available at: <https://www.findevgateway.org/paper/2019/11/cyber-security-financial-sector-development-challenges-and-potential-solutions> (accessed 01.06.2021).
4. Bradley D., Hanousek Jr. J., Jame R., & Xiao Z. (2021). Place Your Bets? The Market Consequences of Investment Advice on Reddit's Wallstreetbets. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3806065 (accessed 01.06.2021).
5. Camara, N., & Tuesta, D. (2014). Measuring Financial Inclusion: A Multidimensional Index. *Working Papers 1426*, BBVA Bank, Economic Research Department. Available at: http://center4affordablehousing.org/wp-content/uploads/2019/01/UPLOADED_BBVA-Paper-on-Financial-Inclusion1.pdf (accessed 01.06.2021)
6. Cecchetti, S. G., & Kharroubi, E. (2012). Reassessing the impact of finance on growth. *BIS Working Paper No. 381*, Bank for International Settlements. Available at: <https://sirc.rbi.org.in/downloads/4cecchetti.pdf> (accessed 01.06.2021)
7. Čihák, M., Sahay, R., Barajas, A., Chen, S., Fouejieu, A., & Xie, P. (2020). Finance and inequality. *Staff Discussion Notes No. 20/01*. Washington, DC: International Monetary Fund. Available at: <https://www.imf.org/en/Publications/Staff-Discussion-Notes/Issues/2020/01/16/Finance-and-Inequality-45129> (accessed 01.06.2021)
8. Demirgüç-Kunt, A., Beck, T., & Honohan, P. (2008). *Finance for All? Policies and Pitfalls in Expanding Access*. Washington, DC: World Bank. Available at: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/6905> (accessed 01.06.2021)
9. Demirgüç-Kunt, A., Klapper, L., Singer, D., Ansar, S., & Hess, J. (2018). *The Global Findex Database 2017: Measuring Financial Inclusion and the Fintech Revolution*. Washington, DC: World Bank. Available at: <https://doi.org/doi:10.1596/978-1-4648-1259-0> (accessed 01.06.2021)
10. Espinosa-Vega, M. A., Shirono, M. K., Villanova, M. H. C., Chhabra, M., Das, M. B., & Fan, M. Y. (2020). Measuring Financial Access: 10 Years of the IMF Financial Access Survey. *Departmental Papers 2020 (008)*. Washington, DC: International Monetary Fund. Available at: <https://doi.org/10.5089/9781513538853.087> (accessed 01.06.2021)
11. Federal Deposit Insurance Corporation. (2019). *How America Banks: Household Use of Banking and Financial Services*. Available at: <https://www.fdic.gov/analysis/household-survey/2019report.pdf> (accessed 01.06.2021)

12. Gadanez, B., & Tissot, B. (2016). Measures of financial inclusion - a central bank perspective. *IFC Report No 5*. Basel: Bank for International Settlements. Available at: https://www.bis.org/ifc/publ/ifc_finan_inclu.pdf (accessed 01.06.2021)
13. Getter, D. E. (2015). *The Effectiveness of the Community Reinvestment Act*. Washington, DC: Congressional Research Service. Available at: <https://www.newyorkfed.org/medialibrary/media/outreach-and-education/cra/reports/CRS-The-Effectiveness-of-the-Community-Reinvestment-Act.pdf> (accessed 01.06.2021)
14. Gonzales, M. C., Jain-Chandra, M. S., Kochhar, M. K., Newiak, M. M., & Zeinullayev, M. T. (2015). Catalyst for Change: Empowering Women and Tackling Income Inequality. *IMF Staff Discussion Note 15/20*. Washington, DC: International Monetary Fund. Available at: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/sdn/2015/sdn1520.pdf> (accessed 01.06.2021)
15. Gould, D. M., & Melecky, M. (2017). *Risks and Returns: Managing Financial Trade-Offs for Inclusive Growth in Europe and Central Asia*. Washington, DC: World Bank. Available at: <https://doi.org/10.1596/978-1-4648-0967-5> (accessed 01.06.2021)
16. Kochhar, K., Jain-Chandra, S., & Newiak, M. (2017). *Women, work, and economic growth: Leveling the playing field*. Washington, DC: International Monetary Fund. Available at: <https://www.imf.org/en/Publications/Books/Issues/2017/03/17/Women-Work-and-Economic-Growth-Leveling-the-Playing-Field-43640> (accessed 01.06.2021)
17. Liu, E. X. (2021). Stay Competitive in the Digital Age: The Future of Banks. *IMF Working Paper WP/21/46*. Washington, DC: International Monetary Fund. Available at: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2021/02/19/Stay-Competitive-in-the-Digital-Age-The-Future-of-Banks-50071> (accessed 01.06.2021)
18. Mehrotra, A. N., & Yetman, J. (2014). Financial inclusion and optimal monetary policy. *BIS Working Paper No. 476*. Basel: Bank for International Settlements. Available at: <https://www.bis.org/publ/work476.htm> (accessed 01.06.2021)
19. Robinhood. (2021). *How Robinhood Makes Money*. Available at: <https://robinhood.com/us/en/support/articles/how-robinhood-makes-money/> (accessed 01.06.2021)
20. Sahay, R., Čihák, M., N'Diaye, P. M. P., Barajas, A., Mitra, S., Kyobe, A., Mooi, Y. N., & Yousefi, S. R. (2015). Financial Inclusion: Can It Meet Multiple Macroeconomic Goals? *IMF Staff Discussion Note No 15/17*. Washington, DC: International Monetary Fund. Available at: <https://doi.org/10.5089/9781513585154.006> (accessed 01.06.2021)
21. Sarma, M. (2008). Index of financial inclusion. *ICRIER Working paper No. 215*. Available at: https://www.icrier.org/pdf/Working_Paper_215.pdf (accessed 01.06.2021)
22. Sinclair, S. P. (2001). *Financial exclusion: An introductory survey*. Edinburgh: CRSIS, Heriot Watt University. Available at: <https://inlnk.ru/bKoQa> (accessed 01.06.2021)
23. The Federal Reserve. (2021). Distribution of Household Wealth in the U.S. since 1989. Available at: <https://www.federalreserve.gov/releases/z1/dataviz/dfa/distribute/chart/> (accessed 01.06.2021)
24. The Wall Street Journal. (2021). *The SEC Takes on Retail Traders*. Available at: <https://www.wsj.com/articles/the-sec-takes-on-retail-traders-11623709966> (accessed 01.06.2021)
25. U. S. Government. (2021). *Electronic Code of Federal Regulations*. Available at: https://www.ecfr.gov/cgi-bin/text-idx?SID=34b3261feed0101e23a49dd3ae21f087&mc=true&tpl=/ecfrbrowse/Title17/17cfr227_main_02.tpl (accessed 01.06.2021)

26. United Nations. (2015). *Transforming Our World: the 2030 Agenda for Sustainable Development*. Available at: <https://sdgs.un.org/2030agenda> (accessed 01.06.2021)
27. World Bank. (2014). *Global Financial Development Report 2014: Financial Inclusion*. Washington, DC: World Bank. Available at: <https://doi.org/10.1596/978-0-8213-9985-9> (accessed 01.06.2021)
28. World Bank. (2018). *Financial Inclusion*. Available at: <https://www.worldbank.org/en/topic/financialinclusion/overview> (accessed 01.06.2021)
29. World Bank. (2019). *Global Financial Development*. Available at: <https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=1250&series=GFDD.DM.01> (accessed 01.06.2021)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Кузнецов, В.А. (2017). Краудфандинг: актуальные вопросы регулирования. *Деньги и Кредит*, 1, 65–73.

REFERENCES

- Allen, F., Demirgüç-Kunt, A., Klapper, L., & Martinez Peria, M. S. (2016). The foundations of financial inclusion: Understanding ownership and use of formal accounts. *Journal of Financial Intermediation*, 27, 1–30. <https://doi.org/10.1016/j.jfi.2015.12.003>
- Arcand, J. L., Berkes, E., & Panizza, U. (2015). Too much finance? *Journal of Economic Growth*, 20(2), 105–148. <https://doi.org/10.1007/s10887-015-9115-2>
- Beck, T., Levine, R., & Loayza, N. (2000). Finance and the sources of growth. *Journal of Financial Economics*, 58(1), 261–300. [https://doi.org/10.1016/S0304-405X\(00\)00072-6](https://doi.org/10.1016/S0304-405X(00)00072-6)
- Carbó S., Gardener E.P.M., Molyneux P. (2005) Financial Exclusion in Europe. In: Financial Exclusion. Palgrave Macmillan Studies in Banking and Financial Institutions. London: Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1057/9780230508743_6
- Čihák, M., Mare, D. S., & Melecký, M. (2020). Financial Inclusion and Stability: Review of Theoretical and Empirical Links. *The World Bank Research Observer*. <https://doi.org/10.1093/wbro/lkaa006>
- Dabla-Norris, E., Ji, Y., Townsend, R. M., & Filiz Unsal, D. (2021). Distinguishing constraints on financial inclusion and their impact on GDP, TFP, and the distribution of income. *Journal of Monetary Economics*, 117, 1–18. <https://doi.org/10.1016/j.jmoneco.2020.01.003>
- Gupte, R., Venkataramani, B., & Gupta, D. (2012). Computation of Financial Inclusion Index for India. *Procedia - Social and Behavioral Sciences*, 37, 133–149. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2012.03.281>
- Han, R., & Melecký, M. (2017). Broader use of saving products among people can make deposit funding of the banking system more resilient. *Journal of International Financial Markets, Institutions and Money*, 47, 89–102. <https://doi.org/10.1016/j.intfin.2016.11.005>
- Honohan, P. (2008). Cross-country variation in household access to financial services. *Journal of Banking and Finance*, 32(11), 2493–2500. <https://doi.org/10.1016/j.jbankfin.2008.05.004>
- King, R., & Levine, R. (1993). Finance and Growth: Schumpeter Might Be Right. *The Quarterly Journal of Economics*, 108, 717–737. <https://doi.org/10.2307/2118406>

Klapper, L., Lusardi, A., & Panos, G. A. (2013). Financial literacy and its consequences: Evidence from Russia during the financial crisis. *Journal of Banking and Finance*, 37(10), 3904–3923. <https://doi.org/10.1016/j.jbankfin.2013.07.014>

Klein, T. (2021). A note on GameStop, short squeezes, and autodidactic herding: An evolution in financial literacy? *Finance Research Letters*, 102229. <https://doi.org/10.1016/j.frl.2021.102229>

Kuznecov V.A. (2017). Kraudfanding: actual'nye voprosy regulirovaniya [Crowdfunding: actual regulation issues] (In Russ.). *Russian Journal of Money & Finance*, 1, 65-73.

Levine, R., & Zervos, S. (1998). Stock Markets, Banks, and Economic Growth. *The American Economic Review*, 88(3), 537–558. <http://www.jstor.org/stable/116848>

Leyshon, A., & Thrift, N. (1995). Geographies of Financial Exclusion: Financial Abandonment in Britain and the United States. *Transactions of the Institute of British Geographers*, 20(3), 312–341. <https://doi.org/10.2307/622654>

Morgan, P. J., & Zhang, Y. (2017). Mortgage lending, banking crises, and financial stability in Asia and Europe. *Asia Europe Journal*, 15(4), 463–482. <https://doi.org/10.1007/s10308-017-0489-y>

Robinson, J. (1979). *The Generalisation of the General Theory and other Essays*. London: Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1007/978-1-349-16188-1>

Schumpeter, J. (2017). *Theory of Economic Development (1st ed.)*. New York, NY: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315135564>

Sethi, D., & Acharya, D. (2018). Financial inclusion and economic growth linkage: some cross-country evidence. *Journal of Financial Economic Policy*, 10(3), 369–385. <https://doi.org/10.1108/JFEP-11-2016-0073>

Solo, T. M. (2008). Financial exclusion in Latin America – or the social costs of not banking the urban poor. *Environment and Urbanization*, 20(1), 47–66. <https://doi.org/10.1177/0956247808089148>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Пётр Анатольевич ПАТРОН, кандидат экономических наук, доцент кафедры политической экономии Экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, МГУ, д. 1.

Денис Игоревич ПЕХАЛЬСКИЙ, студент магистратуры Экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, МГУ, д. 1.

Petr A. PATRON, Candidate of Science (Economics), Associate Professor, Lomonosov Moscow State University (MSU).

GSP-1, 1 Leninskiye Gory, Moscow, 119991, Russian Federation.

Denis I. PEKHALSKIY, Masters Program Student, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University (MSU).

GSP-1, 1 Leninskiye Gory, Moscow, 119991, Russian Federation.

Поступила в редакцию / Received 14.07.2021.

Поступила после рецензирования / Revised 25.07.2021.

Принята к публикации / Accepted 30.07.2021.

JEL: Q18

УДК 338.43.02

DOI: 10.31857/S268667300016897-6

Современные тенденции развития аграрного сектора и аграрной политики

Аграрная политика в России и США до пандемии

О.Г. Овчинников

Институт США и Канады РАН (ИСКРАН),

Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный пер.2/3,

ORCID: 0000-0002-8957-5665

e-mail: olego-2005@yandex.ru

Резюме. Статья продолжает серию материалов, посвященных сравнительному анализу аграрной политики в России и США в период кризиса, вызванного пандемией *COVID-19*. Проводится комплексный анализ состояния мер аграрной политики государства накануне кризиса 2020 г. Выявлены основные расхождения – различия между принципами, инструментами и механизмами систем государственного регулирования АПК в России и США, которые оказали основное влияние на характер мер, которые были реализованы для нивелирования последствий пандемии для аграрного сектора экономики.

Ключевые слова: Аграрный сектор России и США, АПК России и США, аграрная политика, система государственного регулирования аграрного сектора, Госпрограмма развития сельского хозяйства, Сельскохозяйственный закон 2018 года.

Для цитирования: Овчинников О.Г. Современные тенденции развития аграрного сектора и аграрной политики. *США & Канада: экономика, политика, культура*, 2021, 51(10):43-62. DOI: 10.31857/S268667300016897-6

Current Trends in the Agricultural Sector and Agricultural Policy Development

Oleg G. Ovchinnikov

Institute for the U.S. and Canadian Studies,

Russian Academy of Sciences (ISKRAN),

2/3 Khlebny per., Moscow 121069, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-8957-5665

e-mail: olego-2005@yandex.ru

Abstract: The article is a continuation of a series of articles devoted to a comparative analysis of agricultural policy in Russia and the United States during the crisis caused by the *COVID-19* pandemic. A comprehensive analysis of the state of the state's agrarian policy measures in both countries on the eve of the 2020 crisis is carried out. The main differences are revealed – differences between the principles, tools and mechanisms of the state regulation of the agro-industrial complex in Russia and the United States, which had a major impact on the nature of the measures that were implemented to level the consequences of the pandemic for the agricultural sector of the economy.

Keywords: The agricultural sector of Russia and the United States, the agro-industrial complex of Russia and the United States, state agricultural policy, the system of state regulation of the agricultural sector, the Russian State Program for the Development of Agriculture, the 2018 Farm Bill

For citation: Oleg G. Ovchinnikov. Current trends in the development of the agricultural sector and agricultural policy. USA & Canada: economics, politics, culture. 2021; 51(10):43-62. DOI: 10.31857/S268667300016897-6

ВВЕДЕНИЕ

Характер действий, предпринятых правительствами США и России в период локдауна 2020 г. для снижения негативных изменений на агропродовольственном рынке, в значительной степени был обусловлен сложившимися к этому времени особенностями систем государственного регулирования аграрного сектора.

В статье проведён анализ основных различий аграрной политики в США и России, которые повлияли на особенности реакции государства на проблемы, вызванные локдауном, на ход принимаемых властями решений, а также на структуру мер, противодействующих кризису в отрасли в 2020 году.

РОЛЬ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ В ФУНКЦИОНИРОВАНИИ АГРАРНОГО СЕКТОРА

Роль государственного регулирования в обеспечении благополучия сельского хозяйства США трудно переоценить. Во многом именно экономические меры политики «Нового курса» администрации Ф.Д. Рузвельта в 1930-е годы, положившие начало новой аграрной политике, позволили преодолеть наиболее сильный в истории американского сельского хозяйства кризис. В дальнейшем роль аграрной политики как гаранта стабильности АПК США только возрастала. В то же время следует отметить одну важную особенность государственного регулирования: оно никогда не замещало рыночные механизмы, не использовало командные методы управления, имело поддерживающий и направляющий характер. В этом смысле показательным является характеристика важнейшей части аграрной политики, фермерской, по поддержке цен на сельхозпродукцию и доходов сельхозпроизводителей, получившей образное название «сети безопасности» (*safety net*). Подобно тому, как страховочная сеть, установленная внизу, страхует гимнастов от травм при случайных падениях, эти программы не допускают ухудшения финансового состояния фермерского хозяйства ниже определённого критического порога. Показательным примером такой поддержки является комплексная Программа продовольственной помощи в период пандемии (*Coronavirus Food Assistance Program - CFAP*), принятая для устранения последствий логистически сбытового кризиса в агропродовольственном секторе экономики США в 2020 г. Оперативно принятые государством меры позволили достаточно быстро нивелировать шок, пережитый рядом отраслей АПК начиная с марта 2020 г., а фермерское хозяйство в целом именно благодаря своевременной государственной поддержке закончило год с хорошими финансовыми показателями.

В России аграрная политика в настоящее время также является основным фактором развития этой отрасли экономики.

Благодаря сочетанию ряда факторов в начале 2000-х годов АПК России начал своё постепенное восстановление. Несомненно, одним из основных стимулов этого процесса стало резкое (в 4 раза) падение курса рубля в августе 1998 г., что кардинальным образом, в сторону улучшения, сказалось на конкурентных преимуществах отечественной сельхозпродукции по сравнению с импортной, существенно вытеснившей к этому времени российскую с рынка. Учитывая сильную инерционность сельхозпроизводства и то, что основные средства были к тому времени в значительной степени утрачены, а покупательная способность российского населения заметно снизилась, переход к периоду устойчивого восстановления отрасли занял некоторое время. В первое десятилетие века меры аграрной политики в целом не имели значительного влияния на этот процесс – существовавшие в то время законодательные акты аграрного содержания носили более декларативный характер и не были подкреплены соответствующими финансовыми ресурсами.

Ситуация существенно изменилась во втором десятилетии века, когда была принята Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы. Меры аграрной политики приняли более конкретный характер, начал практиковаться программный подход, и, что самое главное – финансирование запланированных мероприятий стало упорядоченным и прогнозируемым. Это, а также новое ухудшение экономической ситуации, привело к тому, что значение фактора аграрной политики как условия дальнейшего развития аграрного сектора, постепенно возрастало и к 2020 г. стало решающим.

Об этом, в частности, свидетельствуют результаты опросов, проведённых в 2018–2019 гг. компанией «Делойт» среди представителей российского агробизнеса. Две первые строки среди топ-факторов повышения конкурентоспособности АПК России на мировом рынке неизменно занимали «Государственная поддержка» и «Стабильность законодательной и регулятивной политики». Среди топ-5 факторов последние четыре года неизменно присутствовала позиция «Снижение стоимости энергетических ресурсов» [1]. Учитывая монополию государства на энергоресурсы, этот фактор также имеет непосредственное отношение к государственной экономической политике. Также следует отметить, что основная часть финансового результата деятельности компаний АПК России формируется за счёт государственных субсидий – в 2015–2017 гг. эта доля составила в зависимости от отрасли аграрного сектора 54–79%. Таким образом, субсидии остаются одним из основных факторов, когда частный бизнес принимает инвестиционные решения в АПК [2].

В то же время в этот период проявились серьёзные недостатки, характерные для российской системы государственного регулирования аграрного сектора, которые, до сих пор не позволили реализовать потенциал развития. Ниже, на основе сравнения с практикой США, перечислены основные из них, а также их последствия.

УНИВЕРСАЛЬНЫЕ ПРИНЦИПЫ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ

Безусловно, первым и важнейшим отличием существующих в России и США систем госрегулирования аграрного сектора является подход к основным принципам аграрной политики. В США в результате длительной эволюции сформировались не зависящие от периода действия и конкретных программ принципы реализации мер государственного регулирования аграрного сектора. Учитывая высочайший уровень развития АПК США и исторически важную роль, которую сыграла политика государства, их можно отнести к числу универсальных. В табл. 1 проведён анализ степени соблюдения этих принципов в аграрной политике правительства РФ.

Таблица 1

Универсальные принципы эффективной аграрной политики и степень их соблюдения в аграрной политике правительства России

№	Наименование принципа	Степень соблюдения в АП Правительства РФ
1	Централизация мер аграрной политики на федеральном уровне	Не соблюдается
2	Существование единого органа управления основными процессами в аграрном секторе страны	Отчасти
3	Реализация мер поддержки АПК преимущественно в отношении его второй сферы – сельского хозяйства	Не соблюдается
4	Активная поддержка сферы потребления продовольствия	Не соблюдается
5	Существование одного правового акта комплексного содержания в качестве правовой основы аграрной политики	Отчасти
6	Наличие свода динамично развивающихся программ в широком перечне направлений.	Отчасти
7	Равенство всех участников программ аграрной политики	Не соблюдается
8	Прозрачность реализации мер аграрной политики	Отчасти

Составлено автором.

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что ни один из универсальных принципов эффективной аграрной политики в деятельности аграрного блока правительства России не соблюдается полностью, а половина не соблюдается вообще. На наш взгляд, это значительно снижает эффективность мер, реализуемых российским государством в отношении АПК. Большая часть перечисленных ниже отличий в значительной степени обусловлена именно этим различием.

НАПРАВЛЕНИЯ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ

Одно из основных назначений аграрной политики правительства – обеспечение оптимальных условий функционирования агропродовольственного комплекса страны. Для этого реализуются конкретные меры (программы) в отношении его различных частей, используются разнообразные, с учётом особенностей, подходы. Эти меры группируются в зависимости от назначения в отдельных направлениях. С течением времени, изменением условий функционирования АПК, предпочтений покупателей, ситуации на внешних рынках и т.п. направления могут дополняться, а реализуемые меры – видоизменяться, в том числе пополняться либо, наоборот, прекращаться. Все эти перемены находят отражение в периодически принимаемых законодательных и программных документах. В числе таковых в США основным является Сельскохозяйственный закон (*Farm Bill*), в России – Государственная программа. Они не исключают иных правовых актов, в которых содержатся промежуточные изменения, нормы, регулирующие особые, не включённые в основные документы, сферы жизнедеятельности и т.д.

В отличие от упомянутых универсальных принципов, основные направления госрегулирования в определенной степени отражают национальные особенности, специфику аграрной отрасли, присущую конкретному государству. Тем не менее, перечень направлений регулирования может, в определенной степени, служить мериллом совершенства аграрной политики. В табл. 2 проведен сравнительный анализ основных направлений государственного регулирования аграрного сектора, реализуемых в настоящее время в России и США. За основу взят, как более полный, набор направлений, существующий в США – в соответствии с последним Сельскохозяйственным законом, принятым в декабре 2018 г. При этом направления сгруппированы не в порядке, приведенном в законе, а в зависимости от сферы регулирования, в том числе: (1) поддержка производства сельскохозяйственной продукции; (2) поддержка рынка сбыта сельхозпродукции; (3) прочие направления. Такая группировка приведена для того, чтобы отразить одну из важных особенностей аграрной политики США, следующей универсальным принципам – поддержку преимущественно, с одной стороны, сферы производства сельхозпродукции и, с другой – ее потребления.

Таблица 2

Сравнение направлений аграрной политики в России и США

№	США (Сельскохозяйственный закон 2018 г.)	Россия (Госпрограмма)	Примечания
1	Поддержка сельхозпроизводителей		
1.1	I. Продукция (<i>Commodities</i>) – поддержка цен и доходов фермеров	Развитие отраслей АПК, обеспечивающих ускоренное импортозамещение основных видов сельхозпродукции, сырья и продовольствия	Инструменты регулирования сильно различаются

1.2	XI. Страхование сельхозкультур (<i>Crop Insurance</i>) – федеральная программа аграрного страхования	Страхование (мероприятия в составе «Единой субсидии»)	Инструменты регулирования сильно различаются, в России – малочисленны
1.3	V. Кредит (<i>Credit</i>) – кредитные программы	Стимулирование инвестиционной деятельности в АПК	Инструменты регулирования сильно различаются
1.4	II. Консервация (<i>Conservation</i>) – рациональное природопользование	Отсутствует	-
1.5	X. Садоводство (<i>Horticulture</i>) – регулирование рынка овощей, плодов и ягод	Практически отсутствует	В России – в начале формирования
1.6	IX. Энергия (<i>Energy</i>) – стимулирование энергоэффективности ферм и развития альтернативных технологий получения энергии	Отсутствует	-
1.7	XII. Прочие		
	Местное и региональное продовольствие (<i>Local and Regional Foods</i>)	Практически отсутствует	Особые программы поддержки мелкого производителя
	Органическое сельское хозяйство	Практически отсутствует	В России закон принят, но его практическая реализация пока отсутствует
	Особая поддержка фермеров из числа ветеранов, социально незащищенных, начинающих	В составе «Единой субсидии»	Инструменты регулирования сильно различаются, в России – малочисленны
2	Поддержка рынка сбыта сельхозпродукции		
2.1	III. Внешняя торговля (<i>Trade</i>)– программы стимулирования экспорта	Федеральный проект «Экспорт продукции АПК»	В России перечень инструментов недостаточен

2.2	IV. Питание (<i>Nutrition</i>) – внутренняя продовольственная помощь	Практически отсутствует	В России отчасти реализуются на региональном и местном уровнях (в частности, школьное питание)
3	Прочие программы		
	VI. Сельское развитие (<i>Rural Development</i>) – программы развития сельской местности	Государственная программа «Комплексное развитие сельских территорий»	Перечень инструментов в данном направлении в России существенно меньше
	VII. Исследования и внедрение (<i>Research and Extension</i>) – поддержание сферы аграрных НИР	Ведомственная целевая программа «Научно-техническое обеспечение развития отраслей АПК»	-

Составлено автором.

Анализ представленных в таблице данных позволяет сделать следующие два основных вывода:

- Перечень направлений регулирования аграрного сектора в России заметно меньше, чем в США. Так, из шести основных направлений поддержки сельхозпроизводителей в США, в России два отсутствуют вообще, а одно – практически отсутствует. Поддержка рынка сбыта продукции в России осуществляется в значительно меньшей степени, чем в США (экспорт продукции), либо практически отсутствует (внутренняя продовольственная помощь).
- Перечень применяемых инструментов (программ) в каждом из направлений в России значительно меньше, чем в США.

Как было отмечено выше, сравнение по существующим в обеих странах направлениям аграрной политики является менее показательным, чем анализ ее соответствия универсальным принципам. Тем не менее, указанные выводы, с учётом стоящих перед АПК России насущных проблем позволяют сделать заключение о несовершенстве аграрной политики.

МЕХАНИЗМЫ ПОДДЕРЖКИ СЕЛЬХОЗПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ

Конкретные механизмы госрегулирования являются специфическими атрибутами аграрной политики. Их формирование несёт на себе отпечаток особенностей аграрной отрасли данной страны и социокультурные традиции сельского населения, потребителей аграрной продукции и т.д. Именно поэтому их сравнение является условным и не может быть критерием совершенства систе-

мы, равно, как их заимствование должно производиться с осторожностью, лишь после детального анализа выгод и последствий. В то же время сравнительный анализ применяемых в практике госрегулирования разных стран механизмов может служить действенным инструментом для оценки степени эффективности реализуемых мер. В частности, их разнообразие, прозрачность и динамика развития – весомые показатели совершенства аграрной политики. В табл. 3 и 4 проведён анализ соответствия механизмов аграрной политики в России и США относительно друг друга.

Таблица 3

Механизмы поддержки сельхозпроизводителей в США по сравнению с Россией

№	Россия		США
	Направления / программы	Механизм	
1	Поддержка льготного кредитования организаций АПК	Субсидирование процентной ставки	Отсутствует
2	Поддержка инвестиционного кредитования в АПК	Субсидирование процентной ставки	Отсутствует
3	Компенсация прямых понесенных затрат на создание/ модернизацию объектов АПК	Субсидия на понесенные затраты	Существует отчасти
4	Единая региональная субсидия	Регионы сами определяют объемы, формы и методы господдержки	Такая практика отсутствует
	- краткосрочное кредитование		
	- страхование		
	- поддержка малых хозяйств		
	- селекция и племенное дело		
	- поддержка отдельных подотраслей		
5	Субсидия на повышение продуктивности в молочном скотоводстве	Субсидирование произведенной продукции	Отсутствует
6	Субсидия на оказание несвязной поддержки в растениеводстве	Несвязная поддержка	Отсутствует. Практиковалась в 1996-2002 г. (программа FPC), затем от нее отказались
7	Обновление парка сельскохозяйственной техники	Субсидия производителям техники	Отсутствует

Составлено автором.

Проведённый анализ показывает практически полное различие в применяемых в США и России конкретных механизмов аграрной политики. Следует отметить несколько основных отличий.

Таблица 4

Механизмы поддержки сельхозпроизводителей в России по сравнению с США

№	США		Россия
	Направления / программы	Механизм	
1	Поддержка цен на сельхозпродукцию и доходов фермеров		
1.1.	Кредит на помощь в маркетинге продукции (<i>Nonrecourse Marketing Assistance Loan Program</i>)	Сезонный кредит под залог продукции по заранее установленным ценам	Отсутствует
1.2	Компенсация падения цен / с.-х. риска (<i>Agriculture Risk Coverage/Price Loss Coverage</i>)	Выплаты в зависимости от изменения цен, урожайности, дохода по заранее установленной формуле	Отсутствует
1.3	Помощь в результате стихийных бедствий для незастрахованных сельхозкультур» (<i>Noninsured Crop Disaster Assistance Program</i>)	Единовременные выплаты в случае стихийных бедствий (бесплатная программа страхования)	Отчасти присутствуют
1.4.	Федеральные рынки молока (<i>Federal Milk Marketing Order</i>)	Поддержание зависимости между ценами на ряд молочных продуктов и минимальной ценой закупки молока определенного сорта	Отсутствует
1.5.	Страхование дохода производителей молока (<i>Dairy Margin Coverage Program</i>)	Выплата компенсации фермерам при росте цен на корма выше определенного уровня	Отсутствует
2	Страхование		
2.1.	Несколько программ	Платное страхование цен, дохода, урожайности	Отсутствует
3	Кредитные программы - операционные кредиты (<i>Farm Operating Loans</i>), кредиты на покупку собственности (<i>Farm Ownership Loans</i>)		
3.1.	Гарантии кредитов	Предоставление гарантий государства	Отсутствует
3.2	Прямые кредиты	Займы за счет федерального бюджета	Отсутствует

Составлено автором.

Во-первых, основой прямой государственной поддержки сельхозпроизводителей в России является субсидия, которая в наиболее распространённом случае представляет собой доплату сельхозпроизводителю за единицу произведённой

им продукции, либо несвязную – в расчёте на единицу возделываемых им площадей. Функция распределения большей части субсидий отдана на усмотрение региональных властей, в том числе тех 26-ти, выплаты которых в составе «Единой субсидии» были полностью переданы им в 2017 г. Несмотря на положения и инструкции по начислению субсидий, даже поверхностный анализ их распределения показывает, что субъективный фактор играет в этом процессе не последнюю роль. Это, в частности, является причиной существования в России проблемы неравномерного распределения поддержки между хозяйственными субъектами различного размера.

Во-вторых, выплаты по программам поддержки цен и доходов фермеров в США носят гораздо более прозрачный и универсальный характер, при их начислении роль человеческого фактора сведена к минимуму. Как правило, расчёт величины выплат привязан к ценам на продукцию, зафиксированным показателям урожайности, площадям посевов – то есть величинам, размер которых фиксируется и может быть измерен. Кроме того, максимальные размеры выплат на одно хозяйство законодательно ограничены.

В-третьих, в России отсутствуют развитые механизмы страхования сельхозпроизводителей. Следует отметить, что в США это направление получило значительный импульс в развитии после того, как был принят Сельскохозяйственного закона 1996 г., который предусмотрел меры по большей «ориентации фермеров на рынок». Именно тогда было начато несколько пилотных проектов в области страхования, механизмы которых впоследствии стали основой регулярных государственных программ. Страхование наряду с традиционными программами поддержки цен и дохода составляет основу государственной системы финансовой стабильности фермеров.

Немало вопросов вызывает эффективность программ кредитования сельхозпроизводителей – как инвестиционного, долгосрочного, так и краткосрочного – сезонного. Они вызваны кардинальными отличиями в механизмах российских кредитных программ от применяемых в США. В России механизм кредитования основан на использовании банковского кредита с компенсацией государством «потерь» банков – разницы между текущей ставкой банковского процента и гарантированной ставкой кредита участникам программ (не более 5%).

В результате значительная часть средств поддержки в России не попадает непосредственно к сельхозпроизводителям. Например, в 2018 г. из 172,6 млрд руб., направленных на реализацию мероприятий проектного раздела Госпрограммы, 80,5 млрд руб. (46%) были перечислены банкам – на погашение разницы процентной ставки [3].

В США используются два основных механизма кредитных программ, в том числе (1) государственные гарантии кредитов коммерческих банков и (2) прямые кредиты из средств федерального бюджета. Однако в первом и особенно во втором случае государственные кредитные программы осуществляются на основе принципа «последнего убежища» (*last resort*): их получают фермеры, которые не могут взять их в коммерческих финансовых структурах на общих основаниях. В отличие от российской практики, основными (более 70%) участниками

государственных кредитных программ в США, являются небольшие фермеры - из группы начинающих, социально незащищенных, то есть те, кто испытывает затруднения с обеспечением залога. В отличие от российской практики, практически все бюджетные средства по кредитным аграрным программам в США доходят до их получателей - фермеров.

По существу, в России аграрные кредитные программы являются в определенной мере средствами поддержки банковского сектора. В то же время, учитывая, что основными «уполномоченными» банками по программе являются два квазигосударственных банка - Россельхозбанк и Сбербанк, часть программных средств возвращается затем государству в виде отчислений этими банками в Минфин части своей прибыли.

В-четвертых, в России отсутствует сложившийся в США за десятилетия достаточно эффективный механизм не прямой поддержки производителей молока - «федеральные рынки молока». Этот механизм позволяет предотвращать значительные колебания цен на молоко и поддерживать их на приемлемом для фермеров уровне. В то же время, он требует определенного, достаточно высокого уровня развития координации действий государства и рынка по удалению с рынка для стабилизации цен на молоко «излишней» молочной продукции, направляемой в дальнейшем на нужды различных государственных продовольственных программ. В России действует более простой, и, на наш взгляд, менее эффективный механизм выплаты субсидий на единицу произведенной продукции.

В-пятых, в США отсутствует такой механизм российской поддержки, как субсидирование предприятий, производящих сельскохозяйственную технику и оборудование, и «продающих их сельхозпроизводителям со скидкой». Это соотносится с универсальными принципами эффективной аграрной политики, в соответствии с которыми поддерживаются лишь сферы производства и потребления сельхозпродукции. Предполагается, что в этом случае благополучие сельхозпроизводителей автоматически положительным образом отразится на спросе на необходимую им технику и оборудование.

В-шестых, в США достаточно часто используется механизм предоставления разовой помощи сельхозпроизводителям при наступлении чрезвычайных обстоятельств, приводящих к существенным финансовым потерям фермеров. Такие выплаты осуществляются в соответствии с отдельными законодательными актами или программами. При этом в числе «чрезвычайных» могут быть не только события природного характера (например, засухи, заморозки или наводнения), но также обусловленные политическими причинами. Например, после ухудшения торговых отношений с Китаем на фоне политической конфронтации администрации Д.Трампа в 2018 г., объемы экспорта ряда видов сельхозпродукции в эту страну резко снизились. Это вызвало кратковременный шок на рынке, снижение цен, и привело к потере доходов определенной группы фермеров. Для их компенсации в июле 2018 г. была принята специальная «Программа помощи рынку» (*Market Facilitation Program*) и предусмотрены компенсирующие выплаты фермерам в размере 12 млрд долл. [4]. В России такие выплаты применяются, но не носят, как в США, системного характера.

Наконец, в российской практике не используется, на наш взгляд, достаточно эффективный механизм, который широко применяется в США для производителей большинства видов плодоовощной продукции. В дословном переводе он называется «федеральные рынки сбыта» (*Federal Marketing Orders*), основан на организационных ограничениях предложения продукции на рынке и других вспомогательных инструментах регулирования. Основы этого механизма заложены в 1937 г. законом «О сельскохозяйственных соглашениях маркетинга», его отдельные меры могут изменяться периодически принимаемыми сельскохозяйственными законами (преимущественно в разделе X) [Овчинников О.Г. 1999: 227–239].

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПОЛНОМОЧИЙ МЕЖДУ УРОВНЯМИ ВЛАСТИ

Кардинальное отличие российской практики госрегулирования аграрного сектора от американской заключается в распределении полномочий при реализации мер аграрной политики между уровнями власти. Сосредоточение основной части полномочий на федеральном уровне при выполнении региональными властями вспомогательных функций составляет суть одного из важнейших принципов эффективной аграрной политики. В США он выполняется полностью, в России – нет.

Полномочия по реализации значительной части мер аграрной политики, особенно прямой поддержки производителей, в России переданы на региональный уровень власти. Более того, в части некоторых программ, входящих, например, в «Единую субсидию», регионам отдано на усмотрение также и установление механизмов распределения средств. Объемы федеральной поддержки регионам по программам поддержки сельхозпроизводителей обусловлены рядом условий, в том числе размером софинансирования из регионального бюджета. Учитывая различное благосостояние отдельных территорий России, это приводит к сильным диспропорциям в финансовой обеспеченности в расчете на единицу площади сельхозугодий, даже в соседних регионах. На наш взгляд, практика передачи полномочий по реализации мер аграрной политики в регионы это одна из причин, которая препятствует равномерному развитию сельхозпроизводства на территории страны, усугубляет территориальную экономическую дифференциацию различных частей страны, в целом – тормозит развитие сельского хозяйства, и потому может быть без сомнения признана порочной.

В США формирование всех основных мер аграрной политики сосредоточено на федеральном уровне, реализуется также через представительства федеральных органов (преимущественно Минсельхоза) на местах. Этим достигается унифицированный характер реализуемых программ в любой части страны, что, несомненно, содействует лучшей координации мер госрегулирования, росту их эффективности.

ПОДДЕРЖКА СФЕРЫ ПОТРЕБЛЕНИЯ АГРАРНОЙ ПРОДУКЦИИ

Одним из значительных различий между Россией и США, имеющих существенное влияние на ситуацию на агропродовольственном рынке, является отсутствие в России активной поддержки сферы потребления сельскохозяйственного сырья и продовольствия. Эта поддержка состоит из двух основных частей, в том числе: (1) поддержка экспорта сельхозпродукции и (2) продовольственной помощи нуждающимся гражданам страны. Меры аграрной политики в этих направлениях стимулируют спрос на продукцию АПК, что вносит существенный вклад в стабильность аграрного сектора.

Начало появлению экспортных программ в США было положено в период после Второй мировой войны, когда вследствие реализации программ поддержки фермеров образовались огромные излишки сельхозпродукции, хранящиеся в государственных запасах. Необходимость их утилизации привела сначала к появлению программ гуманитарного экспорта, а впоследствии - программ стимулирования коммерческих поставок. Со временем, структура и механизмы экспортных программ совершенствовались, видоизменялись, особенно в последние 30 лет - в связи с требованиями ВТО (ранее - ГАТТ). Сейчас они представляют эффективный комплекс мер, которые содействуют поставкам и продвижению американской продукции на зарубежных рынках [Овчинников О.Г. 2017 :20 - 41].

В России, несмотря на действие приоритетного проекта «Экспорт продукции АПК», существующего с 2016 г., постановления правительства, и наличие, таким образом, законодательных основ для развития аграрных экспортных программ, реальная работа в этом направлении пока не соответствует возможностям. Достигнутые за последние годы показатели роста экспорта российской сельхозпродукции являются, на наш взгляд, больше результатом сложившейся на внешних рынках благоприятной конъюнктуры, чем целенаправленной работы по стимулированию таких поставок.

Что касается развития программ продовольственной помощи малоимущим гражданам, различие между Россией и США еще более существенное. Блок программ в этом направлении, реализуемый МСХ США, включает четыре основные группы программ: (1) продовольственных талонов (*Supplemental Nutrition Assistance Program*), (2) детского/школьного питания (*Child Nutrition Programs*), (3) «Матери и ребенка» (*Special Supplemental Food Program for Women*), (4) прочие, в которые входит несколько мелких и специализированных программ - летнего питания для школьников, прямого распределения продуктов, чрезвычайной продовольственной помощи и т.д. Ежегодное финансирование этих программ, предусмотренное в бюджете Службы продовольствия и обслуживания потребителей МСХ США (*USDA Food and Nutrition Service*), составляло 103 - 105 млрд долл. ежегодно в 2018 - 2019 гг., выросло почти до 130 млрд долл. в 2020 г., и запланировано в рекордной сумме 160 млрд долл. в 2021 г. [5].

В России федеральные программы продовольственной помощи малоимущим гражданам отсутствуют вообще. Попытки их разработки на федеральном уровне были предприняты в 2013 г., но так ничем не завершились.

В то же время при значительной доле затрат на питание в бюджете среднего россиянина (по разным оценкам от 30 до 50%), они могли бы оказать существенное влияние на поддержание спроса на сельхозпродукцию. Основную часть потребителей продовольствия в России составляет бедное население, доходы которого весь период начиная с 1990-х годов в целом имели тенденцию к существенному снижению. В результате, в периоды экономических спадов, в частности, последнего, начавшегося в 2015 г., тем более резких потрясений рынка (подобных локдауну 2020 г.), такое положение ведет к значительной стагнации спроса на продовольствие, и последующему негативному влиянию на аграрный сектор. Это вынуждает Правительство РФ в целях поддержания социальной стабильности к действиям антирыночного характера – активному регулированию цен на продовольствие. Показательным примером стало административное ограничение цен на ряд продуктов питания, начиная с декабря 2020 г.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ СБАЛАНСИРОВАННОГО РАЗВИТИЯ АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ

Успешное решение этой задачи – одна из важнейших целей аграрной политики, более того – критерий ее успешности. В США она решена практически полностью, о чем отчасти свидетельствует приведенный в предыдущей статье краткий анализ состояния аграрного сектора этой страны [Овчинников О.Г. 2021:15–18]. Внешним проявлением этого является существующая на протяжении многих десятилетий региональная специализация аграрного производства в США – сосредоточение производства определенных видов продукции на территориях с наиболее оптимальными климатическими условиями. При этом сельхозпроизводство ведется на всей пригодной для этого территории страны.

Ситуация в России – во многом противоположная. Первым и явным признаком несовершенства мер аграрной политики является наличие в настоящее время огромных пространств неиспользуемых пахотных земель. По разным оценкам, 35–40 млн га бывшей пашни до сих пор не используется. Сельскохозяйственное производство в России за последние 20 лет получило развитие преимущественно на территориях с благоприятными для этого агроклиматическими и почвенными условиями. Анализ отраслевой динамики развития российского АПК показывает, что основные достижения были преимущественно в отраслях с коротким производственным циклом (птицеводство, свиноводство) либо экспорториентированных (зерновые, масличные). В то же время, существует ряд отраслей, представляющих интерес с народнохозяйственной точки зрения – их развитие необходимо для всемерного удовлетворения потребностей населения в продукции АПК, а также как условие поддержания жизнедеятельности на сельских территориях. Однако они так и не получили должного развития. Показательным примером является производство фруктов и овощей, площади под которыми практически во все годы рыночных реформ сокращались. Объемы их производства, которые, по данным официальной статистики, выросли, все еще недостаточны для удовлетворения потребностей населения по плодоовощной

продукции. Второй пример - отсутствие должного прогресса в развитии льноводства, которое в советское время вносило значительный вклад в благополучие аграрного сектора регионов Нечерноземной зоны России.

Важно отметить и тот факт, что земельные ресурсы в районах интенсивного земледелия эксплуатируются достаточно активно, но без должных мер по сохранению почвенного плодородия. На значительной части земель возделываются культуры, сильно истощающие почвы (например, подсолнечник). В то же время программы рационального природопользования в пакете мер госрегулирования в России практически отсутствуют.

Приведенные факты подтверждают, что современная аграрная политика российского правительства, хотя и является важным фактором развития аграрного сектора страны, но сформирована однобоко, без учета необходимости развития всего АПК на всех территориях. Это позволяет подтвердить вывод о низкой эффективности существующих мер госрегулирования аграрного сектора в России.

РАВЕНСТВО ВСЕХ УЧАСТНИКОВ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОГРАММ

В аграрном производстве традиционно участвуют хозяйства различных размеров и форм собственности – от мелких крестьянских хозяйств до крупных корпоративных и агрохолдингов. Каждая группа играет свою особую роль – не только как участник процесса производства, но также как элемент социально-экономической инфраструктуры сельской местности. Понимание этого факта стало причиной особой классификации ферм, которая появилась в США в конце прошлого столетия. Если раньше все фермы ранжировались в зависимости от объема выпуска продукции, то принят иной подход. В табл. 5 представлена его нынешняя версия.

Таблица 5

Анализ степени участия ферм в государственных программах США, в зависимости от типа, 2017 г., %

Тип ферм	Кол-во	1	2	3	4	5	6
Малые семейные фермы							
пенсионные фермы	10,7	1,3	3,9	1,7	21,6	1,5	5,3
внефермерской занятости	40,8	4,9	17,1	5,9	28,6	10,5	10,9
Заняты на ферме							
с низкими продажами	31,7	9,5	18,2	8,7	21,9	6,4	11,0
небольшие объемы продажи	5,7	10,3	12,7	11,3	6,5	14,2	10,9
Семейные среднего размера	6,3	22,7	23,2	33,0	10,3	29,3	28,1
Фермы крупного размера							
большие фермы	2,5	23,1	15,9	30,5	5,4	29,9	25,7
очень большие фермы	0,3	15,6	2,4	3,8	0,4	4,0	3,2
Несемейные фермы	2,2	12,4	6,5	5,2	5,2	4,2	5,0
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Примечания. Типы ферм: «пенсионные фермы» - их основные операторы вышли на пенсию, однако продолжают вести хозяйство в небольших размерах; «Внефермерской

занятости» - основная занятость операторов таких ферм иная, чем сельское хозяйство; «Заняты на ферме» - операторы таких ферм сообщили, что сельское хозяйство - их основная занятость; «С низкими продажами» - валовые продажи менее 150 тыс. долл.; «Небольшие объемы продажи» - валовые продажи составляют 150 - 349 тыс. долл.; «Семейные среднего размера» - валовые продажи составляют 350 - 1000 тыс. долл.; «Фермы крупного размера» - валовые продажи превышают 1000 тыс. долл.; «Большие фермы» - валовые продажи составляют 1000 - 4999 тыс. долл.; «Очень большие фермы» - валовые продажи превышают 5000 тыс. долл.; «Несемейные фермы» - фермы оператор которых не владеет большей частью бизнеса

Сокращения: 1 - Доля в объеме производства; 2 - Доля в общей площади обрабатываемой земли; 3 - Доля участия в программах поддержки цен и доходов; 4 - Доля участия в консервационных программах; 5 - Доля участия в программах рационального земледелия; 6 - Доля полученных сумм платежей по госпрограммам, всего.

Agricultural Resources and Environmental Indicators, 2019, EIB-208, USDA, Economic Research Service, p. 3-4

Очевидно, что меры эффективной аграрной политики, особенно по программам поддержки сельхозпроизводителей, должны учитывать особую «ценность» каждой категории ферм. Это нашло отражение в принципе равенства всех ферм как участников государственных программ. Нетрудно заметить, что наиболее крупные фермы (три последние строки в таблице), производящие 51,1% сельхозпродукции в стране, получают отнюдь не львиную долю средств по перечисленным госпрограммам - 33,9%. Таким образом, при распределении средств государственной поддержки явных бенефициаров нет.

Подобная «равномерность» распределения средств по программам в США достигается посредством нескольких условий, в числе которых следует назвать две основных. Во-первых, реализация всех фермерских программ МСХ ведется непосредственно через более, чем 2500 офисов министерства, расположенных во всех важных в сельскохозяйственном отношении округах страны по прозрачным, одинаковым для всех участников условиям. Во-вторых, существующие ограничения по условиям и суммам выплат не позволяют отдельным участникам получать поддержку в размере более определенного лимита. Например, наиболее распространенные программы поддержки дохода предусматривают ограничение по выплате на одно хозяйство в сумме не более 125 тыс. долл. Выплаты господдержки по другим программам привязаны к площадям и конкретным объемам производства за предшествующие годы, а программы страхования являются хотя и субсидируемыми, но платными со стороны их участников. В России ни первое, ни второе условие не выполняются. Это, а также высокая коррупционность при распределении средств государственных программ приводит к тому, что основная часть средств по ним распределяется крупным агрохолдингам.

Точные данные, подобные тем, какие представляет МСХ США по получателям платежей в зависимости от их размера, российский Минсельхоз не предоставляет. По некоторым оценкам, доля крупных агропредприятий в государственной поддержке несоразмерна доле остальных. Например, в 2015 г. 248 предприятий - получателей субсидий (100 млн руб. и более), составивших

1,2% общего числа, получили около 41% всей средств господдержки. В то же время, доля 17 500 сельхозобъединений (86,4%) составила 18,8% [6]. По оценкам экспертов, к настоящему времени ситуация с ущемлением прав малых хозяйствующих субъектов при получении господдержки еще более усугубилась. Отчасти следствием этой ситуации стала необходимость введения для них отдельной программы – федерального проекта «Создание системы поддержки фермеров и развитие сельской кооперации».

Описанная для России ситуация отсутствует в США. В перечне мер, предусмотренных разделом Сельскохозяйственного закона 2018 г. «Прочее» предусмотрен отдельный блок программ для начинающих и малых производителей. Однако эти программы рассчитаны главным образом на начинающих фермеров и производителей из «группы риска», а также направлены преимущественно на облегчение маркетинга продукции малыми производителями. Все меры прямой поддержки, как было отмечено выше, равнодоступны фермерам всех размеров на одинаковых основаниях.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В ПЛАНИРОВАНИИ ЦЕЛЕВЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ

В российских программных документах активно используются целевые количественные показатели развития отрасли. Такому планированию отводится весьма существенное место – они, и их обоснование, занимают значительный объем текста программ. Эта практика не используется (по крайней мере, в официальных законодательных/программных документах) в аграрной политике США. Это касается всех перечисленных в российской Госпрограмме целей, чему можно найти вполне разумные объяснения.

Во-первых, весьма высокий уровень продовольственной безопасности, существующий в США уже достаточно длительное время, не требует подтверждения в качестве целевого ориентира. Во-вторых, функционирование рыночной экономики сопряжено с циклическими колебаниями цен и конъюнктуры рынка, что заранее обуславливает ненадежность запланированных стоимостных показателей. То же касается и показателей, характеризующих экспорт аграрной продукции. В-третьих, сама «концепция» аграрной политики правительства США в части мер поддержки фермеров, хорошо характеризуемая определением «сеть безопасности» (*safety net*), ставит своей целью, как это не покажется странным, не столько развивать сельское хозяйство, сколько не допустить колебаний финансовых показателей. Оставляя при этом цель развития АПК действию рыночных механизмов.

В России с ее неразвитой до сих пор рыночной экономикой, и деформированными, в силу наличия фактически узаконенных квази-государственных монополий и коррупции государственного аппарата, рыночных отношений, такой подход оказывается в принципе невозможен.

В практической плоскости очевидны различные механизмы поддержки сельхозпроизводителей, предусмотренные в российской Госпрограмме, и теми, которые заложены в Сельскохозяйственном законе. Так, выплаты фермерам по американским программам определяются формулами, в основе которых лежат

стоимостные показатели – поддерживающие и рыночные цены, вернее, их разница. Как следствие, выплаты сельхозпроизводителям по этим программам в течение срока их действия производятся в суммах, исходя из сложившейся рыночной ситуации, а не из утвержденных бюджетных ассигнований.

В целом существующая российская практика целевого планирования выглядит неудачным пережитком советской системы планирования. Однако, в отличие от последней, которая, будучи основой централизованной экономики, была в основном обеспечена как управленческими, так и финансовыми ресурсами, и потому более прогнозируемой, российская система более декларативна, а целевые показатели – зачастую из области «благих пожеланий».

Здесь следует отметить два важных момента. Во-первых, большинство целевых показателей российской Госпрограммы, как и показателей ее финансирования, каждый год обязательно корректируются, а последние годы, как правило, в сторону снижения. Во-вторых, даже достоверность достигнутых скорректированных показателей вызывает сомнения. Особенностью российского статистического учета и, очевидно, следствием существующей «плановой системы» является используемая на всех уровнях управления аграрным сектором практика фальсификации отчетных статданных. Это подтверждают результаты Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 г., которая выявила многочисленные несоответствия результатов переписи с официальными данными. Учитывая, что уровень профессиональной компетенции органов управления аграрным сектором постепенно снижается, а требования к отчетности и достижению поставленных целей, как основного показателя эффективности работы растут, можно предположить, что масштаб фальсификации данных о состоянии аграрного сектора России будет только возрастать.

Проведенное в работе исследование позволило сделать следующие выводы:

1. Аграрная политика государства является в настоящее время основным фактором, обеспечивающим стабильное состояние и развитие агропродовольственного рынка как в России, так и в США.

2. Принципы, направления и механизмы аграрной политики в США и России сильно различаются. Часть этих различий имеет принципиальный характер и негативно влияет на состояние аграрного сектора экономики, часть – обусловлена различными специфическими национальными особенностями.

3. Несоответствие принципов аграрной политики правительства России универсальным принципам эффективной политики является, на наш взгляд, важнейшим препятствием дальнейшего развития отечественного АПК. Эти принципы, отработанные и доказавшие свою эффективность в течение многих десятилетий в США, должны быть тщательно изучены и апробированы в российской практике.

4. Аграрную политику правительства России отличает недостаточное количество направлений регулирования, что косвенно может свидетельствовать о ее несовершенстве и нахождении на начальной стадии своего формирования.

5. Число механизмов, используемых в практике госрегулирования аграрного сектора в России в сравнении с практикой в США, крайне незначительно. Их отличает непрозрачность, излишняя бюрократическая зарегулированность, и т.п., и, как результат, существенное снижение эффективности проводимых программ.

6. Передача значительной части полномочий по реализации мер аграрной политики правительства России с федерального на региональный уровень можно признать грубой ошибкой, приводящей к существенному снижению эффективности мер всей системы госрегулирования. Практика США показывает, что единственно верным решением, обеспечивающим оптимальное функционирование аграрного сектора, является централизация управления исключительно на федеральном уровне.

7. В России в отличие от США фактически отсутствуют программы поддержки сферы потребления продовольствия, прежде всего – продовольственной помощи малоимущему населению. В результате, сельское хозяйство лишено эффективного механизма дополнительного спроса на свою продукцию, а социальная сфера – весомого инструмента социальной стабильности.

8. Видимым признаком несовершенства аграрной политики правительства России является отсутствие сбалансированного развития агропродовольственного сектора страны. Это проявляется в огромном незадействованном в стране ресурсе пашни, диспропорциях в развитии отдельных отраслей сельского хозяйства, отсутствии критерия народнохозяйственной эффективности, и т.д.

9. Ярко выраженным, особенно в сравнении с аналогичной практикой в США, является отсутствие в России равенства всех участников государственных программ. Преимущество при распределении субсидий и прочих выгод от участия в госпрограммах в России отдано крупным хозяйствам, преимущественно – агрохолдингам.

10. Налицо значительные несоответствия аграрной политики правительства России требованиям эффективности. В то же время, учитывая наличие богатого опыта, накопленного в зарубежной практике, особенно в США, такое состояние может свидетельствовать о недостаточной квалификации разработчиков программ, законодателей и чиновников, ответственных за реализацию мер аграрной политики и игнорирование ими практики работы с независимым экспертным сообществом.

ИСТОЧНИКИ

1. Обзор рынка сельского хозяйства. - Исследовательский центр компании «Делойт» в СНГ, Москва: 2019 г., с.9. Available at:

<https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/consumer-business/russian/obzor-rynka-selskogo-hozyajstva-2019.pdf>(accessed 15 .04. 2021).

2. Обзор рынка сельского хозяйства. Исследовательский центр компании «Делойт» в СНГ, Москва: 2018 г., с.9. Available at:

<https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/research-center/obzor-rynka-selskogo-hozyajstva.pdf> (accessed 15 .04 2021).

3. Национальный доклад о ходе и результатах реализации в 2018 году государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия. – МСХ РФ. – 2019. Available at:

<http://government.ru/docs/37271/>

<http://mcx.ru/upload/iblock/61d/61d430039b8863186a4fbb1f60fab1c6.pdf> (accessed 10.10.2019).

4. USDA 2020 Budget Summary. – USDA, 2019, Available at:

<https://www.usda.gov/sites/default/files/documents/fy2020-budget-summary.pdf> (accessed 25.06. 2021)

5. 2020 USDA Budget Summary. - USDA, 2020, p.44, Available at:

<https://www.obpa.usda.gov/budsum/fy2020budsum.pdf>, Accepted June 25, 2021; 2022

USDA Budget Summary, USDA, 2020, p.72, Available at:

<https://www.usda.gov/sites/default/files/documents/2022-budget-summary.pdf> (accessed 25.06.2021).

6. Уровень господдержки, создание равных условий конкуренции на внутреннем и внешних рынках – Агровестник, 30.07.2018. Available at:

<https://agrovesti.net/lib/industries/uroven-gospodderzhki-sozdanie-ravnykh-uslovij-konkurentsii-na-vnutrennem-i-vneshnikh-rynkakh.html>, (accessed 15.04.2021).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Овчинников О.Г. 2017. Внешнеторговая аграрная политика США. *США ❖ Канада: экономика, политика, культура*, №9, с.20-41.

Овчинников О.Г. 1999. Государственное регулирование аграрного сектора США. – М.: ООО «ДеЛи», с.227-239.

Овчинников О.Г. 2021. Современные тенденции развития аграрного сектора и аграрной политики. *США & Канада: экономика, политика, культура*, № 9), с. 5–30. DOI: 10.31857/S268667300016430-3

REFERENCES

Ovchinnikov O.G. 2017. Vneshnetorgovaya agrarnaia politika SShA [U.S. Foreign Agricultural Trade Policy] (In Russ.). *USA ❖ Canada: economics, politics, culture*, No. 9, p 20-41.

Ovchinnikov O.G. 2021. Sovremennye tendentsii razvitiia agrarnogo sektora i agrarnoi politiki [Current Trends in the Development of the Agricultural Sector and Agricultural Policy] (In Russ.). *USA & Canada: economics, politics, culture*, No. 9, p. 5-30. DOI: 10.31857/S268667300016430-3

Ovchinnikov O.G. 1999. Gosudarstvennoe regulirovanie agrarnogo sektora SShA [Government Regulation of Agriculture in the United States]. (in Russ.). Moscow, DeLi, P. 227-239.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ОВЧИННИКОВ Олег Григорьевич, доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института США и Канады РАН (ИСКРАН),

Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный пер.2/3

Статья поступила 18.05.2021.

Поступила после рецензирования 8.06.2021.

Принята к публикации 14.06.2021.

Oleg G. OVCHINNIKOV, Senior Researcher, *Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN)*,

2/3 Khlebny per., Moscow 121069, Russian Federation

УДК 327.8

DOI: 10.31857/S268667300016898-7

Упадок «мягкой силы» США

К.В. Козлов

Институт США и Канады РАН (ИСКРАН)

Российская Федерация, Москва, Хлебный пер., 2/3.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6741-4764>

e-mail: korneykozlov@gmail.com

Резюме. Автор концепции «мягкой» (и впоследствии «умной») силы Джозеф Най-младший определял её как способность достигать поставленных целей в мировой политике благодаря формированию привлекательного образа, а не с помощью “жесткой силы” и подавления, хотя и предостерегал от слишком узкого понимания, включая в концепцию и экономику, и военную мощь (но не её применение). Первоначально цель «мягкой силы» заключалась в оптимизации внешнеполитической стратегии США, на концепцию возлагались надежды на улучшение эффективности американской внешней политики и её имиджа в мире после краха СССР и мирового коммунистического движения. Основой концепции был определен дипломатический, несилевой, подход к решению международных проблем. Большое внимание должно было уделяться и таким компонентам, как привлекательность личности политических лидеров, культурным аспектам, политическим ценностям и свободе слова, моральному авторитету внешней политики, положительному международному имиджу и репутации страны, формируемым с помощью публичной дипломатии, плодотворному участию в международных организациях и уважительному отношению к международным договорам.

Однако за последние годы произошло существенное падение уровня привлекательности США, страна потеряла свои позиции в рейтинге «мягкой силы». В статье рассматриваются причины и события, из-за которых Соединённые Штаты теряют позитивный образ на мировой арене.

Ключевые слова: «мягкая сила», «жесткая сила», умная сила, IT-корпорации, свобода слова, СМИ, демократия, упадок, COVID-19, Д. Трамп, Дж. Байден

Для цитирования: Козлов К.В. Упадок «мягкой силы» США. *США & Канада: экономика, политика, культура*, 2021; 51(10):63-77. DOI: 10.31857/S268667300016898-7

The Decline of the U.S. «Soft Power»

Korney V. Kozlov

Institute for the U.S. and Canadian Studies,

Russian Academy of Sciences.

2/3 Khlebny per., 121069 Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6741-4764>

e-mail: korneykozlov@gmail.com

Abstract: Joseph S. Nye, Jr, the author of both “soft power” and “smart power” conceptions, defined it as an ability to achieve country’s goals in the world politics via promoting its democratic values, freedom of speech, its political culture and an attractive international image. The “soft power” approach was successful enough at the turn of the 20th century, but George W. Bush’s militant foreign policy and two wars in Iraq and Afghanistan considerably damaged the U.S. image and the world attitude. In spite of Barack Obama’s efforts to improve the

situation, recently, while Donald J. Trump's presidency, the country has continued to lose its positions in the rating of the "soft power", and the author analyzes the reasons of it.

Keywords: *soft power, hard power, smart power*, IT- corporations, freedom of speech, mass-media, democracy, decline, *COVID-19*, Donald J. Trump, Joseph Biden

For citation: Kozlov K.V. The decline of the U.S. *soft power*. USA & Canada: Economics, Politics, Culture. 2021; 51(10):63-77. DOI: 10.31857/S268667300016898-7

ВВЕДЕНИЕ

Как известно, способность расположить к себе, увлечь своими ценностями, идеями, привлекательностью образа, стилем жизни — это мягкая сила в её классическом понимании. На противоположной стороне находится “жёсткая сила”, сила принуждения, проявляющаяся в форме военных операций, санкционных пакетов, различных видов эмбарго и блокад. К составляющим «мягкой силы» относятся многие компоненты, в частности, язык, культура, идеология и менталитет нации, стиль и уровень жизни населения, политические ценности государства и его цивилизационный статус, авторитет на международной арене, экономическая модель развития, информационные ресурсы, креативный потенциал [1]. Однако основополагающими аспектами «мягкой силы» являются три основных источника: культура (в тех странах и регионах, где она может быть привлекательна для других), политические ценности (при условии, что они применяются на практике) и внешняя политика страны (когда другие считают её законной и имеющей моральное право). Важно отметить, что информация, информационные ресурсы — ключевой аспект каждого из них [см.: Козлов К.В. 2014: с.75-81].

Само понятие «мягкой силы» было сформулировано ещё в 1990 г. профессором Гарвардского университета США Дж. Наем, после выхода в свет его книги «Призвание к лидерству. Изменение природы американской власти» [см.: Joseph S. Nye, Jr. 1990].

Культура как один из источников «мягкой силы» базируется в современном мире на привлекательности её «массового» варианта, т.е. массовой культуры. «Мягкая сила» распространяется посредством продвижения национальных товаров или услуг: например, сетевых заведений фастфуда, каких-либо брендовых товаров, присущих конкретной стране. Как правило, к культурному аспекту «мягкой силы» относят киноленты (комедии, фантастика, боевики, ленты известных франшиз, в большинстве случаев голливудского производства), популяризируемые посредством активной рекламы и информационной поддержки международного телевидения и СМИ, а также популярную музыку и её исполнителей.

Международная привлекательность политической модели государства формируется посредством дипломатии (официальной и публичной), продвижения ее в крупных мировых изданиях и телеканалах. С помощью официальной дипломатии государство доносит свою позицию через различные переговорные площадки, международные форумы (например, Всемирный экономический форум в Давосе, дискуссионный клуб «Валдай» и т.п.), в то время как публичная дипломатия (по сути, синоним «народной дипломатии») способствует форми-

рованию позитивного образа страны посредством личного общения в политических целях через различные некоммерческие организации, программы школьных и студенческих обменов и т.п.

Помимо этого, могут использоваться и экономические возможности государства, в виде оказания финансовой помощи странам со сложным экономическим положением посредством выдачи кредитов (через МВФ или напрямую), либо благодаря гуманитарным миссиям (например, направление помощи пострадавшим государствам от стихийных бедствий или иного рода катастроф) [см. Чихарев И.А., Столетов О.В. 2014: с. 55-71].

Основная цель стратегии «мягкой силы» заключается во влиянии на внешнюю политику государств, поддающихся такому влиянию, для того чтобы заставить их действовать в интересах определенной страны (или группы стран) на международной арене. Результат применения такой стратегии может выражаться в формировании пула государств, лояльных политически и экономически стране, реализующей политику «мягкой силы».

Стоит отметить, что применение «мягкой силы» достаточно растянуто во времени и рассчитано на долгосрочную перспективу, а также эффективно только в том случае, если государство само действительно придерживается своих политических ценностей, а не подходит к этому аспекту лишь декларативно.

«Мягкая сила» США имела большое влияние в 1990-х – начале 2000-х годов, однако позже военные авантюры Дж.Буша-младшего в Ираке и Афганистане существенно подорвали её влияние, как и в целом имидж США на мировой арене. И попытка Б. Обамы реанимировать положительный имидж с помощью стратегии «умной силы» – оптимизированным сочетанием «мягкой» и «жесткой» силы – дала лишь временный эффект: уже после 2011 г. положение дел постепенно продолжало ухудшаться, и особенно явно это проявилось с приходом Д. Трампа.

ПАДЕНИЕ В РЕЙТИНГАХ И ВЫХОД ИЗ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ

Согласно опросу, проведенному институтом Гэллага в 2018 г. в 134 странах, малопредсказуемые внешнеполитические шаги президента Дональда Трампа существенно ослабили "мягкую силу" США. Выяснилось, что только 30% опрошенных положительно относились к США [2], в то время как при Б. Обаме данный показатель был выше на 20%. В 2019 - 2020 г. ситуация не улучшилась – США с уровнем одобрения в 33% от опрошенных из 135 стран практически сравнялись с Китаем (32%) и – немыслимо – с Россией (30%), в то время как первое место уверенно заняла Германия (44%) [3]. В британском рейтинге по оценке уровня "мягкой силы" *The Soft Power - 30* Америка также потеряла позиции, опустившись с первого места в 2016 на третье место в 2017 г., продолжив падение в 2018 и 2019 г. (4 и 5 места соответственно) [4]. 2020 год только добавил неприятностей: в рейтинге «мягкой силы» от консалтинговой компании *Brand Finance* США опустились на 6-е место – результат крайне скверной работы по противодействию пандемии коронавируса [5].

Президентство Трампа, прошедшее под лозунгом «Америка прежде всего», было отмечено также рекордным ростом военного бюджета, в то время как финансирование Госдепартамента и Американского агентства по международному развитию было урезано на 30%, что свидетельствовало об отсутствии интереса главы Белого дома и его сторонников к тезису о важности продвижения американской "мягкой силы" в мире [6]. Впрочем, это можно объяснить тем, что во внешней политике Трамп скорее придерживался антиглобалистских позиций и его больше волновали внутренние проблемы страны, а не проблемы союзников, прав человека за рубежом, демократии и т.п., о чем свидетельствует, например, его речь на заседании Генеральной Ассамблеи ООН в 2018 г.: «...я уважаю право каждой страны, представленной в этом зале, следовать своим обычаям, верованиям и традициям. Соединённые Штаты не будут указывать вам, как вам жить, работать или молиться и отправлять религиозные обряды. Мы лишь просим вас уважать наш суверенитет в ответ. Мы отвергаем идеологию глобализма и принимаем идеологию патриотизма. По всему миру народы должны противостоять новым формам принуждения и доминирования» [7]. Однако всё это не отменяет последствий, которые начали происходить в результате такого подхода экс-президента Д.Трампа.

Как уже упоминалось, «мягкая сила» основывается на принципах привлекательности культуры страны, её политических принципах (если страна сама следует этим принципам) и её политики, если она воспринимается другими странами как правомерная и разумная, так как должна учитывать и интересы прочих государств), а также отношении к международным организациям и объединениям (уважение разных мнений и подходов). И во всех этих сферах доверие к США было подорвано. Так, в течение президентского срока Трампа США вышли из ряда международных соглашений, достигнутых его предшественниками. В частности, из Парижского соглашения по климату [8] - оно, по мнению Трампа, было невыгодным для страны, поскольку грозило лишить американцев до двух с лишним миллионов рабочих мест. Учитывая степень вовлеченности Европы в проблемы экологии и продвижение экологической повестки, решение Трампа выглядело не самым рациональным по отношению к своим союзникам. По той же причине (невыгодность, по словам Трампа) США вышли и из соглашения о Транстихоокеанском партнёрстве [9]. В обоих случаях такими шагами Трамп выполнил свои предвыборные обещания. В 2018 г. было объявлено и о выходе из ядерной сделки по Ирану, чем были очень недовольны остальные страны-участники [10]. Тогда американская сторона обвинила Иран в незаконном обогащении урана и создании ядерного оружия в нарушение условий сделки.

Впрочем, это не единственные договоренности и соглашения, которые были подвергнуты ревизии. Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности также был прекращен в 2019 г., перед этим из США регулярно звучали обвинения России в нарушении прописанных в нем обязательств, российская сторона категорически отвергала их [11]. Трамп также выдвигал малопримлемые условия и по новому договору СНВ-3 (в частности, включить в него Китай), срок

действия которого истекал в феврале 2021 г., и который был в итоге продлен буквально в последний момент уже при новом президенте Дж. Байдене.

Негативным шагом, с точки зрения международного имиджа США как страны, твёрдо придерживающейся демократических принципов и выступающих за их активное продвижение в мире, стало и решение (июнь 2018-го года) выйти из Совета по правам человека ООН [12]. В качестве причины было заявлено о несогласии США с более чем критическими резолюциями Совета в отношении Израиля – главного американского союзника на Ближнем Востоке.

Однако не ко всем своим союзникам Трамп проявлял должное уважение. В период его президентства периодически циркулировали слухи о том, что США могут покинуть НАТО, поскольку Трамп был недоволен низким уровнем расходов европейских членов альянса на поддержание коллективной безопасности. Слухи, тем не менее, остались просто слухами, но осадок у европейских союзников США остался. Иначе вряд ли можно было бы услышать заявления лидеров ведущих стран ЕС, например, канцлера ФРГ А. Меркель о необходимости для Европы надеяться только на свои силы [13] и задуматься о её будущем в случае ухода США как глобального мирового лидера. А также и президента Франции Э. Макрона о том, что ЕС должен создать собственную общеевропейскую армию, независимую от США [14]. Масла в огонь напряженных отношений с Европой подливали и экономические шаги 45-го президента в виде увеличенных таможенных тарифов на часть европейских товаров в рамках лозунга «Америка прежде всего» и политики протекционизма, а также довольно напряженные личные отношения с А. Меркель.

Таким образом, односторонняя и непредсказуемая политика, связанная с выполнением своих международных договоров и обязательств, а также довольно пренебрежительное отношение Трампа к ряду своих союзников привела к закономерному результату: Соединённые Штаты стали восприниматься менее надежным и привлекательным партнером, а ключевые страны Европы в своих действиях на международной арене стали отходить от постоянной оглядки на Вашингтон. Хотя в защиту Трампа можно привести неоспоримый факт – он стал первым президентом за последние несколько десятилетий, который не начал ни одной новой войны, несмотря на достаточно агрессивную и иногда грубоватую риторику. Социальная сеть «Твиттер» (*Twitter*), на заре своего существования известная как площадка для свободных высказываний, стала его любимым средством выражения своего мнения по поводу различных мировых событий. И впоследствии именно эта социальная сеть вкупе с другими глобальными американскими интернет-компаниями сыграла очень заметную роль в происходящем в США и до выборов 2020 года, и особенно после них.

СВОЕВОЛИЕ АМЕРИКАНСКИХ ИНТЕРНЕТ-ГИГАНТОВ

Интернет в целом, и крупнейшие американские социальные сети, в частности, являются одним из глобальных каналов продвижения американской повестки и точки зрения США (да и коллективного Запада в целом) в мировом информационном

пространстве, представляя собой, по сути, чрезвычайно удобный и эффективный инструмент “мягкой силы”, инструмент распространения информации параллельно традиционным СМИ с зачастую альтернативными или противоположными взглядами. Однако, за полтора десятилетия своего существования, набрав колоссальную аудиторию, американские интернет-гиганты, такие как “Гугл” (Google) (и принадлежащий ему “Ютуб” (YouTube), “Фейсбук” (Facebook), “Твиттер” (Twitter), постепенно начали оказывать активное влияние на информационную повестку дня, и особенно заметно это стало в последние годы. Конкуренты, которые ещё могли как-то угрожать положению американских компаний (например, китайская соцсеть “Тик-Ток” (TikTok) подвергались мощному давлению и угрозам со стороны США [15].

Однако, превратившись фактически в самостоятельный центр силы, IT-гиганты сами подставили себя под огонь критики, подпортив свой привлекательный имидж. Причина заключается в активной цензуре иных точек зрения, кроме леволиберальных, причем не только в США (что вылилось в их противостояние с предыдущим президентом США Д.Трампом), но и во всём мире. В 2020 г. американские технологические корпорации вышли на совершенно новый уровень регулирования и цензурирования интернет-контента, причем не только в социальных сетях, но и в результатах выдачи поисковиков. И пожизненная блокировка самого Трампа после событий 6 января 2021 года (а также «чистки» и блокировки его сторонников) на всех ресурсах – это только самый яркий и показательный пример [16].

Отсюда напрашивается вывод: учитывая появившиеся тенденции, мировое интернет-пространство уже сложно называть местом, где можно свободно выражать своё мнение, особенно если оно отличается от так называемого либерального мейнстрима. Стоит заметить при этом, что такие аспекты, как свобода слова и ответственность за те или иные высказывания, в том числе в интернете, регулируются национальным законодательством. Однако руководство американских социальных сетей и интернет-платформ в одностороннем порядке, согласно своим политическим взглядам и неким внутренним правилам, начало практиковать цензуру, фактически подменяя собой государство без такого мандата. Неудивительно, что в результате таких действий уровень доверия к ним существенно снизился, стали чаще звучать мнения о необходимости переходить на альтернативные платформы, а также принуждать американские корпорации к соблюдению местных законов.

Безусловно, американские IT-гиганты сыграли очень большую роль в ходе президентской избирательной кампании 2020 года и добились определенного успеха. Но каковы будут последствия такого «успеха»? Специфическая политика по трансформации интернет-пространства могла воодушевить лишь сторонников ультралиберальных воззрений, то время как все остальные восприняли происходящее как явное ограничение свободы слова в интернете и вполне очевидное «закручивание гаек».

Будучи изначально весьма привлекательными и довольно удобными ресурсами для свободного обмена мнениями и дискуссий, социальные сети в итоге стали символом односторонней информационной политики, цензуры и травли тех, чья точка зрения отличается от считающейся «правильной» и политкорректной. И это теперь будет означать для интернет-корпораций совсем другую реальность.

Да, им удалось «победить» Трампа, а также, по их мнению, популистские, «пророссийские», «прокитайские» и иные «неправильные» точки зрения, попросту «зачистив» их, но цена такой «победы» достаточно велика – разрушение имиджа и собственной привлекательности. Можно не сомневаться в том, что “Гугл”, “Фейсбук” и прочие компании продолжают такую политику, поскольку имеют для этого все возможности, и главное, желание. Однако это уже будет политика принуждения (и в каком-то смысле силы), но никак не убеждения и привлечения, не говоря уже о свободе слова, одного из столпов “мягкой силы”. И идея свободного интернета оказалась иллюзией.

АНГАЖИРОВАННОСТЬ АМЕРИКАНСКИХ СМИ

Заметную роль в происходящем в последние несколько лет в США (а особенно в ходе выборной кампании 2020 года) наравне с интернет-корпорациями сыграли и традиционные СМИ. И едва ли можно сказать, что их активность способствовала укреплению «мягкой силы» США – скорее, наоборот.

Ещё относительно недавно, несколько десятилетий назад, американские СМИ (да и западные СМИ в целом) считались примером того (по крайней мере, на постсоветском пространстве), как нужно правильно, объективно и непредвзято освещать события, хотя по этому поводу могут быть дискуссии и иные мнения. В 1990-е годы и “Нью-Йорк таймс”, и “Си-эн-эн”, а особенно информационные агентства “Ассошиэйтед пресс” и “Ройтерз”, которые отличались особым стилем подачи информации (только факты без оценочных суждений и политической интерпретации) считались в России очень авторитетными и уважаемыми. Качество публикуемого материала, достоверность информации, как правило, были на достойном уровне, хотя сам материал мог быть достаточно критическим. Неприглядные вещи вроде замалчивания неудобных фактов, их подтасовки или искажения в угоду политической конъюнктуры в таких уважаемых изданиях казались совершенно невозможными.

Существовали (и существуют) издания, отличающиеся своей направленностью, ориентированные на разные политические и социальные предпочтения своих читателей, т.е. и для республиканцев, и для демократов, и для сторонников консервативных ценностей, и для либералов. Но главное в них оставалось неизменным – все они, пусть и с некоторыми отличиями, исправно рассказывали о главных новостях в стране и мире.

Однако с началом нового XXI века картина начала меняться. Причем ещё в 2000-х годах казалось, что разного рода «выверты» и явные «ляпы» не носят системного характера, то уже к середине 2010-х годов, а особенно к концу десятилетия, стало очевидно, что такая точка зрения ошибочна, и ситуация продолжает деградировать. Принципы непредвзятости, объективности и профессионализма были принесены в жертву политической целесообразности. Самый показательный пример – война либеральных американских СМИ с экс-президентом Д.Трампом и его сторонниками, и прозвище, которое он им дал, – «фейк ньюс» (*fake news*, фальшивые новости) [см. Самуйлов С.М. 2019: с.5-23]. Что характерно, даже информагентства стали позволять себе эмоциональные заголовки и допус-

кать односторонний переко́с (разумеется, либеральный) при освещении событий. К примеру, после итогов президентского голосования в 2020 г. все заявления Д.Трампа о множественных фальсификациях либеральные СМИ объявляли бездоказательными и ложными, в то время как в отношении Дж. Байдена не было никаких критических публикаций (в республиканских СМИ тогда же активно раскручивались истории о сыне Джозефа Байдена – Хантере, его распутном образе жизни и тёмных делах на Украине, а сам Байден обвинялся в сговоре с Китаем), а его победа была ими названа «честной» и «справедливой».

С учётом сказанного можно говорить о том, что раскол в американском обществе отразился и на СМИ, потому что фактически теперь существуют два противоположных медийных лагеря, и оба они не допускают никаких компромиссов с противоположной стороной.

Следствием этого становится тот факт, что СМИ всё больше фрагментируются, а их роль размывается, поскольку они в немалой степени являются выразителями республиканской либо демократической (леволиберальной) повесток, и поэтому становятся всё более зависимыми от своей аудитории. Четкие, точные, выверенные материалы с объективной оценкой ситуации – в эпоху «пост-правды» это теперь мало кому интересно, поскольку задача таких СМИ состоит в поддержании нужных настроений и мнений в общественных и социальных группах. Это у них получается весьма неплохо, судя по тому, как, например, развивалась ситуация на протяжении последнего года с акциями движения BLM, в каком ключе освещались эти протесты (погромы, поджоги и грабежи назывались «мирными протестами»), и как это всё отразилось на итогах президентских выборов 2020 года. Однако насколько это хорошо для американского общества и к чему может привести в перспективе – вопрос риторический.

ОСОБЕННОСТИ АМЕРИКАНСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

Президентская кампания в США 2016 года имела достаточно скандалов и неожиданностей, главной из которых стала победа кандидата от Республиканской партии, эксцентричного миллиардера Дональда Трампа. Казалось, с рациональной точки зрения имиджа и рекламы демократических ценностей, это был бы отличный ход – показать всему миру образцовость политической системы США, основанной на честных выборах и свободе волеизъявления избирателей.

Однако вместо того, чтобы поздравить Трампа с победой и заняться анализом причин неудачи, его триумф был назван «угрозой для демократии», после чего против вновь избранного президента с подачи его противников-демократов были открыты расследования по поводу его возможной связи с Кремлем и потенциального вмешательства России в итоговый результат выборов [17]. Сам Трамп постоянно подвергался беспрецедентной критике в СМИ и интернете, зачастую смешанной с прямыми оскорблениями. В свою очередь, он в долгу тоже не оставался, регулярно заявляя, в частности, о том, намерен «осушить Вашингтонское болото» и что Хиллари Клинтон, его соперница по выборам,

должна получить большой тюремный срок за ведение официальной переписки на частном сервере, которая позднее попала в сеть [18].

Политика «навешивания ярлыков» быстро распространилась и на его сторонников. Степень неприязни сторон друг к другу накалялась в обществе и дошла до такой степени, что проголосовавшие за Трампа зачастую предпочитали не афишировать свои политические предпочтения, поскольку это могло вызвать непредсказуемую реакцию и последствия. Известны случаи, когда избиратели Трампа подвергались нападениям за демонстрацию его политической символики (например, красные бейсболки с надписью «*Make America Great Again*»). Раскол в обществе стал приобретать всё более глубокие и непримиримые формы.

Дальнейшее обострение ситуации произошло в мае 2020 г., когда в Миннеаполисе в результате задержания полицейскими погиб чернокожий Джордж Флойд, имевший к тому моменту несколько судимостей. Это спровоцировало колоссальный подъем массовых беспорядков, погромов, поджогов и грабежей по всей стране со стороны чернокожих американцев, поставило в унижительное положение полицию и Нацгвардию (им пришлось вставать на колени в качестве «покаяния» за содеянное их коллегами). Буквально за несколько месяцев до президентских выборов 2020 года положение, когда ещё в начале года явным фаворитом выглядел Трамп, изменилось. С приближением дня голосования вариант развития событий, при котором итоговый результат мог быть определен при помощи уличного силового противостояния сторон, уже не казался немыслимым и невозможным.

Демократы, однако, прибегли к иному шагу. В ряде ключевых штатов при подсчете голосов были осуществлены явные махинации с бюллетенями в пользу их кандидата Джозефа Байдена, согласно показаниям свидетелей. Итоговый подсчет также показал, что в ряде «колеблющихся» и не только штатов первоначально побеждал Трамп, однако позднее, ночью, результат вдруг стал нехарактерно быстро меняться в пользу Байдена, причем впоследствии Трамп утверждал, что голоса, отданные за Байдена, исчислялись десятками тысяч подряд, и ни одного – за него. Скандалы возникали и в ходе подсчета голосов, когда наблюдателей просто выгоняли с участков, не давая им работать, и после, когда выяснялось, что за Байдена «проголосовали» давно умершие люди или что в некоторых штатах для голосования не требовалось даже удостоверение личности (что позволяло таким образом отдать голос не один раз). Все судебные иски команды Трампа судами нижней инстанции не были удовлетворены, равно как и иск штата Техас и некоторых других об итогах выборов в Верховный суд.

Между тем, примерно три четверти избирателей, отдавших свой голос в пользу республиканского кандидата, считали, что результат выборов сфальсифицирован [19]. Учитывая самую высокую в истории явку, это более 55 млн человек, что очень значительно. И то, что такое количество людей сомневаются в честности выборов, и в их глазах избирательная система страны больше не вызывает доверия, говорит о многом. События 6 января 2021 г., когда толпа сторонников Трампа прорвалась в Капитолий, вообще фактически поставили всех публично сочувствующих ему и митингующим вне закона, когда они были объявлены «внутренними террористами» и многие из них были приговорены к тюремному заключе-

нию. Те же, кто публично высказывал в Интернете какие-либо сомнения в честности победы Байдена, клеймились как «конспирологи», подвергались травле со стороны сторонников демократов и блокировке в социальных сетях.

В итоге Дж. Байден всеми правдами и неправдами всё же победил, но вопрос – какой ценой. Ради победы демократам пришлось пойти на беспрецедентные меры, в том числе, даже на явные махинации – с бюллетенями проголосовавших досрочно (а таких из-за пандемии было очень большое число) и их подсчётом, учётом бюллетеней, поступивших уже после окончания времени голосования, препятствованию работы наблюдателей и т.п. Однако репутация избирательной системы США в целом и конкретной избирательной кампании в частности, тем не менее, была сильно испорчена, несмотря на все заявления либеральных СМИ и их сторонников о том, что победа Байдена была «чистой» и справедливой. Ранее эти же самые люди называли подобные нарушения на выборах в других странах «чудовищными» и отказывались признавать их легитимность, но вот произошло то же самое в США, но их реакция была уже совершенно другой. Немало критики прозвучало также и по поводу самой системы не прямых выборов через коллегию выборщиков. Последствия этой избирательной кампании будут ещё обсуждаться и анализироваться, однако можно утверждать, что ради сиюминутного результата демократы заложили под всю избирательную систему США мину замедленного действия: теперь в будущем любая проигравшая выборы сторона с большой долей вероятности будет считать, что победа их соперников сфальсифицирована, что голоса могли быть неправильно подсчитаны и т.п. А с учетом того, что во время президентской кампании обе стороны активно демонизировали друг друга и угрожали разными репрессивными мерами в случае своей победы, то теперь поражение проигравшей стороной будет восприниматься особенно болезненно, не просто как поражение, а как экзистенциальный крах.

В таких условиях и в такой ситуации собственно демократия и демократический процесс отходит на второй план, поскольку на первый выходит задача победить любой ценой, какой бы высокой она ни была. Возможно, через какой-то период времени ситуация теоретически может вернуться в прежнее русло, но пока что в среднесрочной перспективе предпосылок к этому не просматривается – слишком глубок раскол в обществе и слишком велики противоречия между сторонами. А это всё играет совсем не в пользу «мягкой силы».

ПАНДЕМИЯ COVID-19: РЕЙТИНГИ И РЕАЛЬНОСТЬ

Ещё одна проблема, которая сильно ударила по «мягкой силе» США – эффективность противодействия пандемии *COVID-19*. В 2019 г. журнал “Экономист” и Университет Джонса Хопкинса опубликовали рейтинг безопасности 195 стран по их устойчивости и подготовленности к ситуации эпидемии/пандемии [20]. Выводы по большинству стран были неутешительные, однако США в этом рейтинге заняли первое место. Реальность уже менее чем через год показала обратное. Достаточно неприятная болезнь с весьма высокими рис-

ками летального исхода для пожилых, лиц, страдающих хроническими заболеваниями и с ослабленным иммунитетом, но, тем не менее, не столь смертельная, как столетие назад «испанский грипп», практически поставила на грань коллапса системы здравоохранения многих стран, а мир закрыла на карантин и тотальный «локдаун», причем несколько раз. 2020 год показал, что США (да и Запад в целом) скорее не справился с пандемией. По причине запоздалой реакции на необходимость принимать меры социальной изоляции и существенной децентрализации национальной системы здравоохранения рост числа заболевших в США был стремительным, и страна очень быстро вышла в лидеры по количеству больных в расчёте на 1 миллион населения, а уровень смертности также оказался выше (3,2), чем в других странах.

Пандемия показала, что страны Запада во главе с США, имеющие, казалось бы, в своём распоряжении огромные финансовые возможности, развитую науку, передовую медицину, множество продвинутых технологий и эффективный госаппарат, оказались абсолютно не готовы к такому развитию событий, несмотря на все рейтинги. Потому что если бы они соответствовали действительности, то тогда ещё весной - летом 2020 г. были бы приняты необходимые меры, и мирового кризиса не случилось бы. Однако всё получилось иначе: к примеру, декларируемое единство Евросоюза куда-то быстро исчезло, когда страны тут же закрыли свои национальные границы, оставили Италию в тяжелейшей ситуации с COVID-19 на произвол судьбы в марте 2020 г. (помогали ей в итоге Россия, Китай и Куба), практически на лету перехватывали друг у друга партии средств индивидуальной защиты, которых катастрофически не хватало, и заперли всех жителей по домам. Госуправление стало хаотичным, быстро проявились недостатки западных медицинских систем (особенно в США, когда люди без страховки боялись попасть в больницу, потому что в ином случае они становились бы пожизненными должниками, выплачивая огромные суммы за оказанные услуги), проблемы с логистикой и обеспечением простейшими средствами защиты медперсонала и населения (в США имели место случаи, когда медработникам приходилось одевать на себя мусорные мешки вместо специальных костюмов защиты из-за их жесточайшей нехватки [21]), да и с разработкой вакцин получилось не всё гладко (ряд из них оказался с побочными эффектами, в некоторых случаях приводящих к летальному исходу). Особенно болезненной для репутации США стала ситуация с наличием фур-рефрижераторов на улицах опустевшего Нью-Йорка для складирования тел умерших (морги были переполнены), а также их последующее захоронение в братской могиле на острове Харт [22].

Таким образом, можно говорить о том, что коронавирус оказался для Запада очень тяжелым вызовом, с которым должным образом справиться не удалось. Пожалуй, единственной западной страной, которой удалось относительно успешно противостоять болезни, оказалась Германия. Во всех остальных странах ЕС, а также в США, уровень смертности оказался на очень высоком уровне. Однако вскоре, несмотря на все риски, решения властей стран Запада о повторных локдаунах стали восприниматься жителями в штыки, особенно в период «второй волны» пандемии. Во многих странах Европы и в США неоднократно про-

исходили массовые протесты и выступления против ограничительных мер, зачастую переходящие в настоящие бои с полицией.

И эти протесты объяснимы. Ещё в ходе «первой волны» пандемии, когда практически весь мир находился в полном карантине, финансовые ресурсы и разного рода «подушки безопасности» у населения либо сильно истощились, либо полностью закончились, и новые локдауны в отсутствие работы и доходов грозили людям полной нищетой. И экономическое благополучие своего населения, которым всегда гордились западные страны, фактически свелось к тому, какие выплаты в рамках мер поддержки могут обеспечить власти. Учитывая высокий уровень закредитованности населения и высокие налоги, перспективы экономик стран Европы и США могли бы быть довольно мрачными, если бы не массивные денежные вливания Европейского Центробанка (ЕЦБ) и ФРС США.

Большое раздражение у консервативно настроенной части населения вызывает также и безудержная защита прав разнообразных и специфических меньшинств, мигрантов, «жизней черных» (BLM) и т.п., в то время как права коренного белого населения зачастую не защищаются никак, а только притесняются. В условиях пандемии это выглядит как полное издевательство. При таких обстоятельствах неудивительно, что влияние «мягкой силы» США ослабевает, а в большинстве незападных, и, тем более, мусульманских, стран не торопятся перенимать «передовой» американский опыт по защите прав, к примеру, трансгендеров или всех «пострадавших от рабства». И поэтому словосочетание «как в Европе» или «как в США», а в более широком смысле «как на Западе», по отношению к разным аспектам жизни, политики и общества, сегодня имеет уже совершенно не тот привлекательный смысл и оттенок, чем раньше, а скорее наоборот.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изначальный смысл концепции «мягкой силы» США состоял в том, чтобы с помощью своих ценностей, культуры, образа жизни, политической модели сформировать у основной массы населения других стран, а также политических элит, положительный и позитивный имидж своей страны, лояльное и дружественное к себе отношение невоенными методами. Однако позднее эта концепция фактически видоизменилась с несколько иными целями – воздействовать на умы и мировоззрение людей для изменения настроения элит для последующей политической трансформации конкретной страны, чей политический режим по каким-либо причинам не устраивает Вашингтон. Об этом заявил министр иностранных дел России Сергей Лавров: *«Американцы определяют термин "мягкая сила" как попытку продвигать политику влияния на умы и сердца в политическом плане не для того, чтобы пропагандировать свою культуру и язык, а чтобы менять настроение политического класса с целью последующего изменения режима. Они занимаются этим повседневно и даже не хотят скрывать этого, везде говорят, что должны нести мир и демократию во все остальные страны»* [23].

Министр также напомнил (сентябрь 2020 г.), что бывший американский президент Барак Обама многократно заявлял, что Америка – "исключительная нация", она должна показывать пример всему миру. *«Сейчас мой коллега Майкл Помпео едет в Чехию и говорит: "Не надо вам русских пускать к атомной энергетике, выгоните их из списка компаний, которые участвуют в тендере". В Венгрии было примерно то же самое. Потом поехал в Африку, сказал громогласно африканским странам: "Не имейте никаких дел с русскими и китайцами, они торгуют с вами из корыстных соображений, а мы налаживаем с вами экономическое сотрудничество для того, чтобы вы процветали". Я цитирую»,* – указал он. Сергей Лавров также заметил, что *«...если мягкая сила задумана для того, чтобы "продвигать свою культуру, язык, традиции и взамен получать знания о том, как живут другие народы и цивилизации, – это тот подход, который РФ всячески поддерживает»* [23]. Однако Соединённые Штаты под видом «мягкой силы» продвигают несколько иные подходы.

Существенное ослабление ключевых аспектов западной «мягкой силы», таких как свобода слова, независимость и объективность СМИ, привлекательность политической модели, а также подходы «двойных стандартов», к которым регулярно прибегает Запад (к слову, не только в отношении России или Белоруссии), не делают его в целом, и США в частности, сильнее, а ведут только к потере морального лидерства и снижению международного авторитета, даже несмотря на большой политический опыт, а также развитость науки и технологий, которые, тем не менее, всё равно остаются на достаточно высоком уровне. Просто теперь, в силу всё большей развитости и доступности интернета в мире, когда всё больше государств начинают понимать, как противодействовать такого рода влиянию, и делают это, США будут испытывать соблазн вновь вернуться к ещё более выраженной силовой и односторонней политике, по причине невозможности добиться своих целей «мягкими» методами, что может создавать угрозу для международной стабильности и безопасности.

ИСТОЧНИКИ

1. А. Вирясов. Мягкая сила как инструмент внешней политики США. Сетевое издание «International Studies». 04/02/2016. Available at: <https://internationalstudies.ru/myagkaya-sila-kak-instrument-vneshnej-politiki-ssha/> (accessed: 15.06.2021).
2. Rating World Leaders: 2018. Gallup Report. Available at: <https://news.gallup.com/reports/225587/rating-world-leaders-2018.aspx> (accessed 20.06.2021).
3. Ray, J. U.S. Leadership Remains Unpopular Worldwide. Gallup News, 27/07/2020. Available at: <https://news.gallup.com/poll/316133/leadership-remains-unpopular-worldwide.aspx> (accessed 20.06.2021).
4. The Soft Power 30 – A Global Ranking of Soft Power. Portland – USC Center on Public Diplomacy. Available at: <https://softpower30.com/wp-content/uploads/2019/10/The-Soft-Power-30-Report-2019-1.pdf> (accessed 30.06.2021).
5. Global Soft Power Index 2021 – Brand Finance Report. Available at: <https://brandirectory.com/globalsoftpower/> (accessed 25.06.2021).

6. Berman, R. President Trump's 'Hard Power' Budget. *The Atlantic*. 16.03.2017. Available at: <https://www.theatlantic.com/politics/archive/2017/03/president-trumps-hard-power-budget/519702/> (accessed 25.06.2021)

7. Ward, Alex. Read Trump's speech to the UN General Assembly. *The Vox*. Available at: <https://www.vox.com/2018/9/25/17901082/trump-un-2018-speech-full-text> (accessed 01.07.2021).

8. Daley, J. U.S. Exits Paris Climate Accord After Trump Stalls Global Warming Action for Four Years. *Scientific American*. 04.11.2020. Available at: <https://www.scientificamerican.com/article/u-s-exits-paris-climate-accord-after-trump-stalls-global-warming-action-for-four-years/> (accessed 25.06.2021).

9. Baker, P. Trump Abandons Trans-Pacific Partnership, Obama's Signature Trade Deal. *The New York Times*. 23.01.2017. Available at: <https://www.nytimes.com/2017/01/23/us/politics/tpp-trump-trade-nafta.html> (accessed 25.06.2021).

10. Landler, M. Trump Abandons Iran Nuclear Deal He Long Scorned. *The New York Times*. 08.05.2018. Available at: <https://www.nytimes.com/2018/05/08/world/middleeast/trump-iran-nuclear-deal.html> (accessed: 25.06.2021).

11. Bugos, S. U.S. Completes INF Treaty Withdrawal. The Arms Control Association. September, 2019. Available at: <https://www.armscontrol.org/act/2019-09/news/us-completes-inf-treaty-withdrawal> (accessed: 25.06.2021)

12. Harris, G. Trump Administration Withdraws U.S. From U.N. Human Rights Council. *The New York Times*. 19.06.2018. Available at: <https://www.nytimes.com/2018/06/19/us/politics/trump-israel-palestinians-human-rights.html> (accessed 25.06.2021)

13. А.Долгунов. На фоне разногласий в G7 Меркель призвала Европу полагаться только на свои силы. ТАСС, 28.05.2017. Available at: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4288950> (accessed 26.06.2021)

14. Макрон предложил создать общеевропейскую армию. РИА Новости. 06.11.2018. Available at: <https://ria.ru/20181106/1532176979.html> (accessed 26.06.2021).

15. Fung, B. Trump Says He Has Approved a Deal for Purchase of Tik Tok. CNN Business. 21/09/2020. Available at: <https://edition.cnn.com/2020/09/19/tech/donald-trump-tiktok-deal-approval/index.html> (accessed 30.06.2021).

16. Available at: https://blog.twitter.com/en_us/topics/company/2020/suspension (accessed 25.06.2021).

17. Levitsky, Steven; Ziblatt, D. Is Donald Trump a Threat to Democracy? *The New York Times*. 16.12.2016. Available at: <https://www.nytimes.com/2016/12/16/opinion/sunday/is-donald-trump-a-threat-to-democracy.html> (accessed 30.06.2021).

18. Hughes, T. Trump Calls To 'Drain the Swamp' of Washington. *USA Today*. 18/10/2016. Available at: <https://www.usatoday.com/story/news/politics/elections/2016/2016/10/18/donald-trump-rally-colorado-springs-ethics-lobbying-limitations/92377656/> (accessed 30.06.2021).

19. Cillizza, C. Three-quarters of republicans believe a lie about the 2020 election. *CNN Politics*. 04/02/2021. Available at: <https://edition.cnn.com/2021/02/04/politics/2020-election-donald-trump-voter-fraud/index.html> (accessed 29.06.2021).

20. Global Health Security Index Report. 2019. Available at: <https://www.ghsindex.org/wp-content/uploads/2020/04/2019-Global-Health-Security-Index.pdf> (accessed 01.07.2021).

21. Norman, G. NYC hospital staff seen wearing trash bags for protection, co-worker dies from coronavirus. *Fox News*. 26.03.2020. Available at: <https://www.foxnews.com/us/hospital-staff-wear-trash-bags-coronavirus> (accessed: 01.07.2021).

22. Samuels, E. Usero, A. 'New York City's family tomb': The sad history of Hart Island. *The Washington Post*. 27.04.2020. Available at: <https://www.washingtonpost.com/history/2020/04/27/hart-island-mass-grave-coronavirus-burials/> (accessed: 01.07.2021).

23. С. Лавров: США вкладывают в понятие «мягкой силы» промывку мозгов. ТАСС. 17/09/2020. Available at: <https://tass.ru/politika/9488129> (accessed: 01/07/2021).

ЛИТЕРАТУРА

Козлов К.В. 2014. Стратегия “умной силы” и вызовы американскому мировому лидерству в XXI веке. «США & Канада: экономика, политика, культура». No.9. с. 75-81.

Самуйлов С.М. 2019. Президентство Дональда Трампа и промежуточные выборы 2018 года. «США & Канада: экономика, политика, культура». No.1. с. 5-23. DOI: 10.31857/S032120680003603-7

Чихарев И.А., Столетов О.В. 2014. К вопросу разумного использования мягкой силы во внешней политике России. «Геополитический журнал». No.4. с 55-71.

REFERENCES

Chikharev I.A., Stoletov O.V. 2014. K voprosu razumnogo ispol'zovaniia miagkoi sily vo vnesheinei politike Rossii [The issue of the reasonable use of the «soft power» in the Russian foreign policy] (In Russ.). *Geopolitical magazine*. No. 4. P. 55-71.

Kozlov K.V. 2014. Strategiiia “umnnoi sily” i vyzovy amerikanskomu mirovomu liderstvu v XXI veke [“Smart power” strategy and challenges to the American world leadership in the XXI century] (In Russ.). *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. No. 9. P. 75-81.

Nye S. 1990. Joseph Jr. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. N.Y., Basic Books, p. 336.

Samuilov S.M. 2019. Prezidentstvo Donal'da Trampa i promezhutochnye vybory 2018 goda [The Donald Trump Presidency and the 2018 Midterm Elections] (In Russ.). *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. No.1. P.5-23. DOI: 10.31857/S032120680003603-7

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

КОЗЛОВ Корней Викторович,
научный сотрудник Института США и
Канады РАН.

Российская Федерация, Москва,
121069, Хлебный пер. 2/3

Korney V. KOZLOV, Researcher,
Institute for the U.S. and Canadian
Studies, Russian Academy of Sciences.

2/3 Khlebyny per., Moscow, 121069
Russia

Статья поступила в редакцию / Received: 3.07.2021.

Поступила после рецензирования / Revised 25.07.2021.

Принята к публикации / Accepted 30.07.2021.

УДК 94(714)

DOI: 10.31857/S268667300016899-8

От «Кленовой весны» к «третьему пути»: внутриполитическое развитие Квебека в 2010-е годы

Ю.Г. Акимов

Санкт-Петербургский государственный университет.

Российская Федерация. 199034 Санкт-Петербург Университетская наб., д. 7–9.

ORCID 0000-0002-2989-8868

e-mail: y.akimov@spbu.ru

Резюме: В статье рассматриваются основные тенденции политического развития канадской провинции Квебек в 2010-е годы (до начала пандемии ковид-19). Показывается влияние событий «Кленовой весны» 2012 г. на ход партийно-политической борьбы в провинции. Вскрываются факторы, повлиявшие на смену политических предпочтений квебекского электората в провинциальных выборах 2012, 2014 и 2018 гг. Отмечаются причины падения популярности проекта суверенистов и причины стремления к поиску «третьего пути» между федералистскими установками провинциальных либералов и сепаратизмом «пекистов».

Ключевые слова: Квебек, выборы, Кленовая весна, Либеральная партия Квебека, Квебекская партия, Коалиция за будущее Квебека, Солидарный Квебек, Жан Шаре, Полин Маруа, Филипп Куйяр, Франсуа Лего

Для цитирования: Акимов Ю.Г. От «Кленовой весны» к третьему пути»: внутриполитическое развитие Квебека в 2010-е годы. *США & Канада: экономика, политика, культура*, 2021; 51 (10): 78–90. DOI: 10.31857/S268667300016899-8

From Maple Spring to the Third Way: Quebec Politics in 2010s

Yury G. Akimov

Saint-Petersburg State University.

13B Universitetskaya Emb., St. Petersburg 199034, Russia

ORCID 0000-0002-2989-8868

e-mail: y.akimov@spbu.ru

Abstract: The article reviews the main trends in Quebec politics in the 2010s (till the beginning of COVID-19 Pandemic). It shows the impact of the Maple Spring-2012 on the provincial parties' politics, considers the factors that influenced the political preferences of the Quebec electorate in the provincial elections of 2012, 2014 and 2018 years. Special attention is given to reasons of the decline of the sovereignist project's popularity and the desire of Quebecers to find a third way between the federalist approaches of the provincial liberals and the separatism of the Parti québécois.

Keywords: Quebec, Elections, Maple Spring, Quebec Liberal Party, Parti québécois, Coalition Avenir Québec, Québec solidaire, Jean Charest, Poline Marois, Philippe Couillard, François Legault

For citation: Akimov Y.G. From Maple Spring to the Third Way: Quebec Politics in 2010s, *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2021; 51 (10):78-90. DOI: 10.31857/S268667300016899-8

ВВЕДЕНИЕ

Весной 2012 г. в период студенческих протестов в Квебеке, вызванных намерением провинциального правительства повысить плату за учёбу в университетах, популярная здесь автор-исполнительница Доминик Бошан, выступающая под псевдонимом *Douce Rebelle* (это можно перевести как «Нежный мятежник») записала песню под названием «В стране суверенистов» (*Au pays des souverainistes*). В ней Д. Бошан, известная своей активной гражданской позицией и бескомпромиссной борьбой в защиту французского языка, пела о «тех, кто давно знает, что должно быть независимым и голосовать за правительство, которое объединит всех на сто процентов», о «тех, кто выбрал улицу, чтобы быть увиденным и услышанным», о «тех, кто верит в справедливость, кто поднялся и сопротивляется, даже если это кажется нереалистичным», о «молодых выразителях надежды» [Bauchamps D., 2012]. В словах этой песни отразились как реалии квебекской политики, так и те надежды и иллюзии, которые разделяли многие жители Прекрасной провинции в начале 2010-х годов.

В настоящей статье рассматриваются основные тенденции политического развития Квебека второго десятилетия XXI века и делается попытка ответить на вопрос, чем были вызваны сдвиги, произошедшие в то время на его политическом поле, а также предположить, насколько серьёзными и долговременными будут их последствия.

НА ПУТИ К «КЛЕНОВОЙ ВЕСНЕ»

Квебекская политика середины 2000-х – начала 2010-х годов, то есть периода, непосредственно предшествовавшего студенческому «взрыву» 2012 г., на первый взгляд кажется достаточно стабильной и даже рутинной. В 2003 г. к власти в Квебеке пришли либералы под руководством Жана Шаре, получившие в Национальной Ассамблее 76 мест из 125. На провинциальных выборах 2007 г. они потеряли абсолютное большинство, однако остались у власти (это было первое правительство меньшинства в Квебеке с 1878 г.), а в следующем, 2008 г., частично отыграли свои позиции, заняв 66 депутатских мест [3].

Успехи либералов были в известной степени обусловлены теми процессами, которые происходили в лагере «пекистов» (так принято называть членов Квебекской партии / *Partie Québécois, PQ*), которые на протяжении более 30 лет являлись их основными политическими оппонентами. После отставки своего лидера Бернара Ландри, «пекисты» долго не могли найти себе нового лидера, способного мобилизовать электорат и придать новый импульс идее суверенитета Квебека, популярность которой в первой половине 2000-х годов заметно снизилась. В 2005 г. Квебекскую партию возглавил Андре Буаклер – представитель её молодого поколения (на момент назначения ему было 39 лет), в то же время об-

ладавший значительным административным и политическим опытом. Однако он чересчур решительно стал гнуть свою линию, не считаясь с настроениями в партии и мнением влиятельных «групп поддержки» в лице профсоюзов. Вдобавок А. Буаклер опрометчиво «подставился» под критику прессы из-за неосторожных заявлений и демаршей (в частности, осуждение вызвало его участие в скетче, затрагивающем проблемы гомосексуальных отношений). Всё это негативным образом сказалось на электоральных показателях «пекистов». На выборах 2007 г. они получили в Национальной Ассамблее провинции всего 36 мандатов, заняв третье место и перестав быть официальной оппозицией. Спустя два месяца, в мае 2007 г. А. Буаклер объявил о своём уходе с поста лидера Квебекской партии (как утверждалось, под давлением пекистских «динозавров» – прежде всего, Бернара Ландри). На его место была избрана Полин Маруа – представительница «старой гвардии», работавшая в провинциальном правительстве ещё в начале 1980-х гг. при Рене Левеке.

Почти на всём протяжении 2000-х годов, в провинции сохраняла популярность партия Демократическое действие Квебека (ADQ). Это объединение правопопулистского и умеренно-националистического толка было создано в 1994 г. молодым политиком Марио Дюмоном, вышедшим из рядов квебекских либералов. В 1995 г. в период подготовки и проведения второго референдума о суверенитете он поддержал Жака Паризо и Люсьена Бушара [Коленко В.А., 2006: 2]. Однако затем М. Дюмон стал позиционировать Демократическое действие как партию «третьего пути» – автономизма, который, по его мнению, позволял разом избежать негативных последствий «безоговорочного» федерализма либералов и радикального суверенизма «пекистов». Наибольшего успеха Демократическому действию удалось добиться на вышеупомянутых выборах 2007 г., когда оно получило 41 место в Национальной ассамблее и стало партией официальной оппозиции, потеснив «пекистов». Однако повторить свой успех в 2008 г. партия не смогла. В 2009 г. М. Дюмон ушёл из политики, и Демократическое действие, являвшееся в значительной степени партией «вождистского типа», оказалось в кризисе, который не смогло преодолеть. Между тем многие его идеи оставались востребованы.

В начале 2010-х годов лозунг автономизма подхватил бывший пекистский министр Франсуа Лего, который вместе с бизнесменом и лоббистом Шарлем Сируа основал Коалицию за будущее Квебека (*Coalition avenir Québec, CAQ*). В январе 2012 г. к Коалиции присоединилось Демократическое действие; в том же году она была официально зарегистрирована как политическая партия: Коалиция за будущее Квебека – команда Франсуа Лего (по аналогии с «пекистами» её членов стали называть «какистами»).

В 2006 г. в результате слияния двух небольших политических группировок левого толка была образована партия Солидарный Квебек (*Québec solidaire*), которая стала еще одной заметной политической силой в Прекрасной провинции. На выборах 2008 г. ей удалось провести в Национальную Ассамблею одного из своих лидеров – харизматичного врача Амира Хадира (иранского иммигранта в первом поколении). Программные установки Солидарного Квебека сочетали

социал-демократические лозунги, обширную экологическую повестку и весьма категоричные призывы к независимости.

На этом пёстром фоне квебекские либералы достаточно уверенно держали в своих руках бразды правления Квебека на протяжении девяти лет – вплоть до 2012 г. Их лидер Жан Шаре обладал большим политическим опытом, полученным в федеральной политике, и широкими связями (в начале 1990-х он занимал различные министерские посты в Оттаве, в том числе несколько месяцев был заместителем премьер-министра Ким Кэмпбелл). Свою роль играло и то, что в Оттаве с февраля 2006 г. у власти находилось консервативное правительство Стивена Харпера, в котором было немало бывших однопартийцев Шаре (последний в 1993–1998 гг. был лидером Прогрессивно-консервативной партии, в 2003 г. слившейся с Канадским альянсом в новую Консервативную партию Канады). В целом, при нём подтвердилась закономерность канадской и квебекской политики, наметившаяся в последние десятилетия XX века: отношения Прекрасной провинции с федеральным центром были наиболее гармоничными в период пребывания у власти в Оттаве консерваторов, а в Квебеке – либералов; и, наоборот, наиболее конфликтными они бывали в период сосуществования «федеральных» либералов с «пекистами».

Ж. Шаре, оставаясь на федералистских позициях, последовательно отстаивал интересы своей провинции, в том числе в таких чувствительных сферах, как политика идентичности, защита квебекских ценностей и международная деятельность (парадипломатия). К числу знаковых событий его премьерства можно отнести официальное признание квебекцев «нацией в составе единой Канады» (2006 г.) [1], дискуссию о разумных компромиссах и создание комиссии Бушара – Тейлора (2007 г.) [Акимов Ю.Г., 2019], «поправку Шаре» к доктрине Жерен-Лажуа о внешней пролонгации внутренних компетенций («то, что относится к квебекской компетенции у нас, относится к квебекской компетенции везде») [David M., 2004]).

Стремясь к оздоровлению квебекской экономики, Ж. Шаре пытался снизить налоги, повысить эффективность госсектора, наладить эффективное партнёрство с деловыми кругами. Это дало определённый эффект. В частности, Квебек смог относительно легко преодолеть последствия экономического кризиса 2008 г., хотя темпы развития его экономики продолжали несколько отставать от «среднеканадских» [Экономика и политика Канады., 2013: 107] В мае 2011 г. либеральное правительство обнародовало грандиозный проект освоения природных ресурсов Северного Квебека, получивший название «Северный план» (*Plan Nord*) [Максимова Д.Д., 2013].

В то же время пребывание у власти Ж. Шаре было отмечено целым «букетом» конфликтов, скандалов и расследований, связанных с различными сторонами жизни провинции: от коррупции в строительном секторе до махинаций при назначении судей.

СТУДЕНЧЕСКИЕ ПРОТЕСТЫ И ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ ВЫБОРЫ 2012 г.

Главной проверкой на прочность для правительства Ж. Шаре стали события первой половины 2012 г., когда провинцию захлестнула мощная волна молодёжных протестов. За этими событиями закрепилось множество названий: «Студенческий кризис», «Студенческая забастовка», «Квебекская весна» и, наконец, «Кленовая весна» (*printemps érable*), что по аналогии и по созвучию с «Арабской весной» (*printemps arabe*) по-французски звучит похоже. Отправной точкой молодёжных выступлений стало решение провинциальных властей в течение пяти лет повысить плату за обучение в высших учебных заведениях с 2168 до 3793 долларов.

Строго говоря, это решение имело под собой определённые основания, так как со времен «Тихой революции» 1960-х годов высшее образование в Квебеке было одним из самых дешёвых в Канаде (в начале 2010-х годов, в провинции Онтарио, например, студенты платили за обучение в 3 раза больше). Правительство планировало использовать полученные средства для модернизации высших учебных заведений провинции. Однако подавляющее большинство квебекских студентов отнеслось к этому решению крайне негативно. Несмотря на относительно невысокую плату, многие студенты здесь вынуждены брать кредит на обучение, а четверти из них параллельно с учёбой приходится работать более 20 часов в неделю, нарушая тем самым установленный норматив [Maroy Ch., Doray P., Kabore M., 2014: 83-210].

В феврале 2012 г. в Квебеке начались студенческие забастовки в отдельных колледжах и университетах, а к концу марта в провинции бастовало более 300 тыс. студентов (из общего числа 400 тысяч). Забастовочное движение возглавили Федерация студентов колледжей Квебека (*Fédération étudiante collégiale du Québec*), Федерация студентов университетов Квебека (*Fédération étudiante universitaire du Québec*) и Широкая коалиция Ассоциации за профсоюзную солидарность студентов (*Coalition large de l'Association pour une solidarité syndicale étudiante*). Отличительным знаком участников движения стал красный матерчатый квадрат, который носили на одежде. Этот знак получил распространение ещё во время студенческой забастовки 2005 г., спровоцированной резким урезанием стипендий и образовательных кредитов. Он символизировал бедственное положение студента, постоянно находящегося в долгах. Происхождение знака связывают со сленговым выражением «быть в красном» (фр.- *être dans le rouge*, англ. - *to be in the red*), которое в переносном смысле означает «быть в минусе», «быть должником», «иметь задолженность» [Герновая Л.О., 2016: 34].

22 марта в Монреале состоялась грандиозная демонстрация против повышения стоимости обучения, в которой приняли участие, по разным данным, от 100 тыс. до 200 тыс. человек. К студенческому движению присоединилась часть преподавателей. В течение апреля оно приобрело широкий протестный и антиправительственный характер. Наблюдатели признавали, что «Плата за учебу –

это лишь предлог. Тут видна политическая подоплека – они [участники протестов] хотят вообще изменить курс государственной политики» [Мандел Д., 2013].

Провинциальные власти первоначально отказывались идти на уступки и вступать в переговоры со студенческими организациями, предлагая лишь отдельные меры для облегчения материального положения наиболее нуждающихся студентов. Это привело к дальнейшей радикализации протестов. Одним из объектов атак демонстрантов стала рекламная выставка, посвящённая вышеупомянутому Северному плану (*Salon Plan Nord*) в Монреальском дворце конгрессов, на открытие которой приехал Жан Шаре. По этому поводу он язвительно заметил, что польщён такой популярностью своего детища, а всем «стучавшимся в наши двери» (то есть, всем недовольным, пытавшимся помешать открытию выставки), правительство готово предоставить по возможности работу далеко на Севере (*«on pourra leur offrir un emploi, dans le Nord autant que possible»*). Противники премьера сразу обратили это высказывание против него. Популярность приобрёл лозунг: «Шаре вон! Тебе найдется работа на Севере!» [6].

В мае в Монреале и Квебеке студенты и сочувствующие им регулярно проводили различные манифестации (в том числе ставшие популярными марши с кастрюлями). Попытки протестующих помешать проведению Генерального совета Либеральной партии Квебека в Викториавилле привели к ожесточенным стычкам с полицией, в ходе которых с обеих сторон имелись раненые. В этой ситуации правительство пошло на переговоры со студентами, но они ни к чему не привели, так как обе стороны очень неохотно шли на уступки. Отставка провинциального министра образования Лин Бошан мало что изменила.

18 мая Национальная Ассамблея приняла законопроект № 78, продлевающий сроки экзаменационных сессий в учебных заведениях и позволяющий студентам за летние месяцы наверстать пропущенное и продолжить учебу. Руководство колледжей и университетов должно было обеспечить проведение занятий, а студенческие организации не должны были им препятствовать, в том числе запрещалось проводить демонстрации на расстоянии ближе 50 м от учебных заведений [7]. Однако этот законопроект только подлил масла в огонь. Манифестации стали чаще сопровождаться актами вандализма, перерастать в столкновения с силами правопорядка и заканчиваться арестами некоторых участников. Демонстрация, организованная в сотый день забастовки – 22 мая – была поддержана студенческими ассоциациями в разных частях Канады, а также в США и во Франции. В начале июня студенты пытались помешать проведению в Монреале этапа Формулы-1, что вызвало гневную отповедь знаменитого канадского гонщика Жака Вильнёва и усиление полицейских мер.

В июле студенческое движение постепенно пошло на спад. 1 августа Ж. Шаре объявил, что очередные выборы в Национальную Ассамблею пройдут 4 сентября. Очевидно, что он рассчитывал обратить в свою пользу усталость населения от шумных молодёжных протестов и получить поддержку «молчаливого большинства», а также извлечь выгоду из относительно стабильной экономической ситуации в провинции. Действительно в августе некоторые студенческие организации объявили о приостановке забастовки и включились в избирательную кампанию.

Всем политическим партиям Квебека пришлось реагировать на требования студентов, которые касались не только платы за обучение, но также экологических проблем, занятости, государственного управления и других.

Наиболее успешно мобилизовать протестный молодёжный электорат удалось Квебекской партии под руководством опытной Полин Маруа. В частности, одним из пекистских кандидатов стал Лео Бюро-Блуэн – лидер Федерации студентов колледжей, приобретший в период протестов огромную популярность. В итоге «пекисты» получили на выборах 54 места, что дало им возможность сформировать правительство меньшинства во главе с первой в Квебеке женщиной-премьером. Либералы с 50 местами перешли в оппозицию. В Национальной Ассамблее также появились 19 депутатов-«какистов» и два представителя Солидарного Квебека [3]. Однако было совершенно очевидно, что значительная часть квебекских избирателей, отдавшая голоса «пекистам», сделала это, прежде всего, чтобы выразить свое негативное отношение к деятельности правительства Ж. Шаре, а не из-за сочувствия суверенистским лозунгам, тем более что в ходе этой кампании «пекисты» на них особенно и не напирала. Солидарный Квебек и некоторые другие группировки говорили о независимости гораздо больше.

ПРАВИТЕЛЬСТВА П. МАРУА И Ф. КУЙЯРА

На следующий день после выборов было объявлено, что новое правительство не будет повышать плату за обучение; позднее был отменен законопроект № 78. 8 сентября обе студенческие федерации официально объявили о завершении забастовки, но радикальная Широкая коалиция (*CLASSE*) выступала за её продолжение, требуя полной отмены платы за обучение.

В отличие от первых двух периодов пребывания у власти в Квебеке «пекистов» (1976–1985 и 1994–2003 гг.), третий (2012–2014 гг.) не был отмечен проведением нового референдума о суверенитете. Правительство П. Маруа сосредоточилось на решении текущих проблем провинции. Однако добиться за короткий срок сколько-нибудь значительных успехов ему не удалось. Проведённый в начале 2013 г. Саммит по вопросам образования не смог снять всех вопросов, оставшихся от «Кленовой весны» [9]. Инициированная правительством дискуссия о принятии Хартии квебекских ценностей [2], которая должна была закрепить светский характер государства, также вызвала неоднозначную реакцию.

Премьер смогла несколько упрочить свой авторитет решительными действиями по ликвидации последствий колоссальной железнодорожной катастрофы, произошедшей в июле 2013 г. в городе Лак-Мегантик. В начале марта 2014 г., надеясь добиться большинства в Национальной Ассамблее и тем самым развязать себе руки, П. Маруа пошла на проведение досрочных выборов (хотя при ней и был принят закон об их фиксированной дате). Однако 7 апреля квебекские избиратели отдали предпочтение либералам, у которых появился новый лидер – Филипп Куйяр, приобретший популярность в бытность провинциальным министром здравоохранения в 2003–2008 гг. Он смог умело развернуть избирательную кампанию от обсуждения вопросов светскости и политической

судьбы Квебека к «реальным делам», то есть экономическим проблемам, занятости и т.п. Это принесло успех, и 70 депутатских мест, получив которые либералы могли уверенно строить планы на следующие четыре года, не особенно оглядываясь на оппозицию: «пекистов» с их 30 мандатами, «какистов» – с 22 и трёх депутатов от Солидарного Квебека [3].

Правительство Ф. Куйяра сосредоточилось на решении экономических проблем; его приоритетом стало оздоровление провинциальных финансов. Жёсткая бюджетная дисциплина пришлась не по душе многим квебекцам, однако она позволила уже в 2015–2016 фин. г. не только сбалансировать бюджет, но и добиться профицита.

За время пребывания либералов у власти Квебек значительно улучшил свой кредитный рейтинг, обогнав по этому показателю Онтарио. Правительство Ф. Куйяра также довольно успешно справлялось с безработицей – отчасти благодаря созданию новых рабочих мест, отчасти – в силу удачного стечения обстоятельств (начался массовый выход на пенсию представителей многочисленного поколения бэби-бумеров). В какой-то момент в провинции довольно остро встал вопрос нехватки рабочих рук в ряде отраслей.

Проблемы французского языка и идентичности занимали относительно скромное место в повестке либерального правительства (за что его резко критиковали националисты). В ходе дискуссии о светскости Ф. Куйяр выступал против запретов на ношение религиозной символики государственными служащими. Дело ограничилось тем, что в октябре 2017 г. Национальная Ассамблея приняла закон «О религиозной нейтральности» государства», запретивший закрывать лицо при предоставлении и получении государственных услуг [4].

При Ф. Куйяре квебекские либералы затронули (правда, очень осторожно) вопрос урегулирования конституционного кризиса, к которому со времен Б. Малруни и Р. Бурасса (т.е. со второй половины 1980-х – начала 1990-х гг.) никто не притрагивался¹. В 2017 г. провинциальным премьером было опубликовано открытое письмо, озаглавленное «Квебекцы: наш способ быть канадцами». В нём говорилось о необходимости «снять табу на дискуссии о будущем наших отношений в Канаде» то есть, прежде всего, о месте Квебека в федерации. При этом подчёркивалось, что «возобновление диалога должно позволить нам лучше осознать смысл нашего союза и нашего будущего. Тогда можно будет вписать это новое общее понимание в наши конституционные рамки». В документе проводилась мысль о ценности «множественной принадлежности» и «многонациональном видении федерализма» [8]; [Солянова М.В., 2019].

ВЫБОРЫ 2018 г.: КВЕБЕК ГОЛОСУЕТ ЗА «ТРЕТИЙ ПУТЬ»

К очередным выборам в Национальную Ассамблею, заранее намеченным на 1 октября 2018 г., либералы подошли с неплохим багажом. За время своего пре-

¹ Кризис тянется с 1982 г., когда Квебек отказался признать изменения в канадской Конституции, инициированные правительством П.-Э. Трюдо [Канада: взгляд из России, 2002: 94–102].

бывания у власти они не совершили ничего исторического, но зато, по подсчётам экспертов, Ф. Куйяр выполнил 80% предвыборных обещаний, что является очень высоким показателем. В пользу либералов, казалось, было то обстоятельство, что в ходе предвыборной кампании вопрос о суверенитете Квебека и его месте в федерации отошёл на второй план. В значительной степени это было связано с очередными пертурбациями в лагере «пекистов», происходившими после их поражения 2014 г., когда о своей отставке объявила П. Маруа.

В мае 2015 г. лидером Квебекской партии был избран Пьер-Карл Пеладо – крупный предприниматель, владелец компании «Кебекор» (*Québecor*), специализирующейся в области СМИ и телекоммуникаций. Его приход в политику «Глоуб энд мейл» назвала «внезапным подземным толчком» и сравнила с политическими потрясениями 1965 и 1990 гг. [Yakabuski K., 2014], имея в виду в первом случае переход в федеральные структуры по приглашению тогдашнего премьера Л.Б. Пирсона трёх квебекских политиков – П.Э. Трюдо, Ж. Маршана и Ж. Пеллетье, а во втором – выход Л. Бушара из кабинета М.Б. Малруни.

Однако вопреки предсказаниям «звездный кандидат» П.-К. Пеладо не смог стать «Бушаром следующего квебекского референдума». Это было связано с несколькими моментами. Во-первых, к нему с недоверием отнеслись те сторонники «пекистов», которых привлекали социал-демократические установки партии (традиционно она была достаточно тесно связана с профсоюзами, а те в свою очередь не особо жаловали мультимиллионера Пеладо). Во-вторых, он встал на позиции бескомпромиссного суверенизма, не учитывая то обстоятельство, что большинство жителей провинции в тот момент не были готовы к новому витку жёсткого противостояния с Оттавой и с «остальной Канадой». В-третьих, в ноябре 2015 г. он неудачно затронул очень чувствительную тему делимости территории Квебека в случае провозглашения суверенитета. «Территориальная целостность» провинции всегда являлась базовой установкой «пекистов», однако П.-К. Пеладо в ходе дискуссии с Гисленом Пикаром – руководителем региональной ассамблеи первых наций Квебека и Лабрадора признал, что право коренных народов на самоопределение и их требования об отделении от «суверенного Квебека» могут стать предметом обсуждения [Allard C., 2015]. В итоге уже в мае 2016 г. П.-К. Пеладо пришлось объявить о своём уходе из политики. После него Квебекскую партию возглавил Жан-Франсуа Лизе (официально с октября 2016 г.) – известный эксперт, аналитик и журналист, сотрудничавший еще с Ж. Паризо и Л. Бушаром.

В целом в ходе предвыборной кампании 2018 г. вопросу о политической будущности Квебека уделялось относительно небольшое внимание. Даже «пекисты» официально заявили, что в случае победы на выборах новый референдум о суверенитете они собираются проводить только во время второго срока своего пребывания у власти (то есть где-то после 2022 г.). В этой ситуации основными темами дебатов кандидатов в депутаты Национальной Ассамблеи стали проблемы здравоохранения, иммиграционной политики, политики идентичности, образования, охраны окружающей среды, поддержки семей, экономики и транспорта.

Результаты выборов оказались неожиданными. Убедительную победу на них одержала Коалиция за будущее Квебека во главе с Франсуа Лего, получившая 74 места в Национальной ассамблее [3]. Устав от продолжавшихся много десятилетий дебатов либералов-федералистов и «пекистов»-суверенистов, большинство избирателей отдали свои голоса партии, предлагавшей «третий путь» и выступавшей с националистических и правоконсервативных позиций. Очевидно, большую роль в этом сыграли ассимиляционные страхи квебекцев, озабоченных сохранением французского языка и своей идентичности перед лицом наплыва иммигрантов, не желающих разделять их ценности. Ф. Лего же предлагал сократить число прибывающих в Квебек иммигрантов и сделать акцент на их интеграции в квебекское общество. Свою роль также сыграл запрос на новые лица в провинциальной политике, который смог удовлетворить Ф. Лего со своей «командой перемен».

Ещё одной неожиданностью выборов-2018 был значительный рост популярности Солидарного Квебека, который провёл в Национальную Ассамблею 10 депутатов, – столько же, сколько «пекисты»; для последних это был один из худших результатов в их истории – меньше десяти мест они получали только в первой половине 1970-х годов. Кстати, одним из лидеров Солидарного Квебека стал еще один герой «Кленовой весны» – Габриэль Надо-Дюбуа, бывший лидером непримиримой Широкой коалиции за профсоюзную солидарность со студентами.

Таким образом, в политической истории Квебека закончился 48-летний период, в течение которого провинцией попеременно управляли только либералы и «пекисты». Политический спектр стал шире и если раньше эксперты говорили о расколе квебекского общества по линии федерализм – сепаратизм, то теперь, наверное, правильнее говорить о его политической фрагментации и поляризации. Установки Ф. Лего, который на следующий день после выборов заявил, что свою главную задачу он видит в том, чтобы в кошельках квебекцев были деньги, не очень вяжутся с откровенно левыми лозунгами Солидарного Квебека.

«Правительство здравого смысла», сформированное Ф. Лего в первые месяцы пребывания у власти (конец 2018 – начало 2019 г.), осуществило ряд популярных мер, обеспечивших ему широкую поддержку различных слоёв населения (повышение детских пособий, дополнительные выплаты пожилым и т.п.). Наблюдатели с удивлением отмечали, что «медовый месяц» в отношениях квебекцев и «какистского» правительства затянулся. В течение всего 2019 г. Ф. Лего был самым популярным провинциальным премьером Канады.

В июне 2019 г. Национальная Ассамблея приняла закон «О светском характере Квебекского государства» [5]. Помимо прочего он запрещает ношение религиозных символов государственным служащим, являющимся представителями власти, и преподавателям. Сразу после принятия закона из зала заседаний Национальной Ассамблеи было убрано распятие, висевшее над креслом спикера (его поместили в парламентский музей).

К середине 2020 г. «какисты» сохраняли прочные позиции в провинции. Решительные меры Ф. Лего и его правительства в начальный период борьбы с

ковид-19 получили поддержку большинства квебекцев. По опросам общественного мнения, проведённым в 2020 г., уровень одобрения действий провинциального премьера в Квебеке значительно превышал аналогичный показатель главы федерального правительства (72% у Ф. Лего и 54% у Дж.Трюдо).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Насколько долговременными окажутся тенденции, наметившиеся в 2010-е годы, покажет будущее. Очевидно, Квебек будет продолжать отстаивать и укреплять свой особый статус в рамках Канадской Федерации. Вопрос состоит в том, каким образом он будет это делать. События весны 2021 г., когда Ф. Лего поднял вопрос о признании Квебека «нацией», подтверждают, что его правительство не собирается останавливаться на достигнутом.

ИСТОЧНИКИ

1. Canada. House of Commons Debates. Official Report (Hansard). Monday, November 27, 2006 // Available at: <https://www.ourcommons.ca/DocumentViewer/en/39-1/house/sitting-87/hansard#Int-1798655> (accessed 04.05.2021).

2. Charte affirmant les valeurs de laïcité et de neutralité religieuse de l'Etat ainsi que d'égalité entre les femmes et les hommes et encadrant les demandes d'accommodement // Available at: <http://m.assnat.qc.ca/fr/travaux-parlementaires/projets-loi/projet-loi-60-40-1.html> (accessed 05.05.2021).

3. Élections Québec // Available at: <https://www.electionsquebec.qc.ca/francais/provincial/resultats-electoraux/elections-generales.php?e=83#e> (accessed 05.05.2021).

4. Loi favorisant le respect de la neutralité religieuse de l'état et visant notamment à encadrer les demandes d'accommodements pour un motif religieux dans certains organismes // Available at: <http://legisquebec.gouv.qc.ca/fr/showdoc/cs/r-26.2.01> (accessed 05.05.2021).

5. Loi sur la laïcité de l'état // Available at: <http://legisquebec.gouv.qc.ca/fr/showdoc/cs/L-0.3> (accessed 05.05.2021).

6. Manifestations à Montréal : l'humour de Charest ne passe pas // Available at: <https://ici.radio-canada.ca/nouvelle/558483/etudiants-manifestation-reax-politique> (accessed 05.05.2021).

7. Projet de loi n° 78, Loi permettant aux étudiants de recevoir l'enseignement dispensé par les établissements de niveau postsecondaire qu'ils fréquentent // Available at: <http://www.assnat.qc.ca/fr/travaux-parlementaires/projets-loi/projet-loi-78-39-2.html> (accessed 05.05.2021).

8. Québécois, notre façon d'être Canadien. Politique d'affirmation du Québec et de relations canadiennes // Available at: <https://www.sqrc.gouv.qc.ca/documents/rerelations-canadiennes/politique-affirmation.pdf> (accessed 05.05.2021).

9. Sommet sur l'enseignement supérieur. Dossier // Available at: <https://ici.radio-canada.ca/dossier/11070/sommet-enseignement-superieur-2013> (accessed 05.05.2021).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акимов Ю.Г. 2019. К вопросу о гармонизации ценностей иммигрантов и принимающего общества: квебекский интеркультурализм и дискуссии о разумных компромиссах (середина – вторая половина 2000-х гг.). *Вестник Пермского университета. История*, Вып. 4, с. 5–18

Канада: взгляд из России. 2002. Под ред. В.И. Соколова. М.: «Анкил», 288 с.

Коленеко В.А. 2006. Французская Канада в прошлом и настоящем: очерки истории Квебека XVII–XX вв. М.: «Наука», 314 с.

Кузнецова А.В., 2019. Леворадикальные политические партии и движения Канады, *Вестник Пермского университета. Политология*. Т. 13, № 4, с. 58–66.

Максимова Д.Д., 2013, Северная политика провинции Квебек. *Канадский ежегодник*. Вып. 17. М.: ИВИ РАН, с. 109–115.

Мандел Д, 2013, Кленовая весна: Забастовка студентов Квебека в феврале – августе 2012 г. *Альтернативы*, № 3, с. 111–121.

Солянова М.В. 2019. Квебек в федеративной модели Канады: современный этап. *США-Канада: экономика, политика, культура*, № 10 (49), с. 98–117.

Терновая Л.О. 2016, Символика студенческого движения. *Этносоциум*, № 3 (93), с. 30–36.

Экономика и политика Канады. 2013. Под ред. В.И. Соколова и Т.А. Шукиной. М.: Инфо-да, 328 с.

REFERENCES

Akimov Y.G., 2019, On harmonization of the values of immigrants and the host society: Quebec interculturalism and reasonable accommodation' controversies (mid – second half of the 2000s) [In Russ.], *Vestnik Permskogo universiteta, Istoriia*, Vol. 4, p. 5–18.

Allard C., 2015, PKP's gaffe: If Canada is divisible, why isn't Quebec? *The Globe and Mail*, November 26. Available at: <https://www.theglobeandmail.com/opinion/editorials/pkps-gaffe-if-canada-is-divisible-why-isnt-quebec/article27500264/> (accessed 05.05.2021).

Bauchamps D. (Douce Rebellé), 2012, Au Pays des Souverainistes. Available at: https://www.youtube.com/watch?v=H0lb_LGwkg (accessed 05.05.2021).

David M., 2004, La doctrine Charest, *Le Devoir*. Available at: <https://www.ledevoir.com/opinion/chroniques/69191/la-doctrine-charest> (accessed 05.05.2021).

Ekonomika i politika Kanady 2013. Canadian Politics and Econom (in Russ). Ed. by V.I. Sokolov & T.A. Shhukina. Moscow: Info-Da, 328 p.

Canada: Looking from Russia 2002. (In Russ.). Ed. by V.I. Sokolov. Moscow: «Ankil», 288 p.

Koleneko V.A. 2006. [Past and Present of French Canada: Essays in Quebec history in the 17th – 20th centuries (In Russ.), Moscow: «Nauka», 314 p.

Kuznetsova A.V. 2019. Radical left political parties and movements in Canada (In Russ), *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya*, Vol. 13, № 4, p. 58–66.

Maksimova D.D. 2013. Severnaia politika provintsii Kvebek [Northern Dimension of Quebec Politics] (In Russ), *Kanadskii ezhegodnik*, Vol. 17, Moscow: IVI RAN, p. 109–115.

Mandel D. 2013. Maple Spring: Student strike in Quebec, February – August 2012 (In Russ), *Al'ternativy*, # 3, p. 111–121.

Maroy Ch., Doray P., Kabore M., 2014, University Financing Policy in Québec: the test of the 'printemps érable'. *Students, Markets and Social Justice Higher Education Fee and Student Support Policies in Western Europe and Beyond*. Ed. by H. Ertl & C. Dupuy. Oxford: Symposium Books, 216 p.

Solianova M.V. 2019. Quebec in Canada Federal Model: the Modern Stage (In Russ), *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*; 49 (10), p. 98–117.

Ternovaia L.O. 2016. Symbolism of the Student Movement (In Russ), *Etnosotsium*, Vol. 3 (93), p. 30–36.

Tremblay P.-A., Roche M., Tremblay S., 2015, Le printemps Québécois: Le mouvement étudiant de 2012. Montréal: Presses de l'Université du Québec, 234 p.

Trudel C.I. 2015. De la crise d'octobre au printemps érable: Parcours d'un citoyen engagé (1960–2012). Montréal: Québec-Amérique, 307 p.

Yakabuski K., 2014, How Péladeau's PQ bombshell will lead to aftershocks in Ottawa, *The Globe and Mail*, March 10. Available at: <https://www.theglobeandmail.com/news/politics/how-peladeaus-pq-bombshell-will-lead-to-aftershocks-in-ottawa/article17390052/> (accessed 05.05.2021).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

АКИМОВ Юрий Германович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры американских исследований, директор Центра канадских исследований Санкт-Петербургского государственного университета, Российская Федерация, Санкт-Петербург

Yury G. AKIMOV, Doc. of Sci. (History), Full Professor at the Department of American Studies, and Director of Canadian Studies Center, Saint-Petersburg State University. Saint-Petersburg, Russia

Статья поступила в редакцию 15.07.2021.

Статья поступила после рецензирования / Revised 25.07.2021.

Статья принята к публикации / Accepted 9.08.2021.

УДК 327

DOI: 10.31857/S268667300016900-0

Пути развития отношений США и Китая в контексте дискурса американских элит

В.О. Козлов

Институт США и Канады РАН

121069, Москва, Хлебный переулок, 2/3).

НИУ «Высшая школа экономики»

115035, Москва, ул. Малая Ордынка, 17

ORCID: 0000-0002-6874-3965 kozlov-vadm@yandex.ru

А.П. Бочарова

НИУ «Высшая школа экономики»

115035, Москва, ул. Малая Ордынка, 17

ORCID: 0000-0002-2167-8342 apbocharova@hse.ru

Резюме: Приход республиканского президента Д. Трампа в 2017 г. ознаменовал начало новой эры китайско-американских отношений – “декаплинга” (decoupling). Эти отношения переходят от политики экономической интеграции Обамы к активной торговой войне в 2017 - 2021 гг. Стремительный промышленный рост Китая и массовая экспансия китайских высокотехнологичных транснациональных компаний на мировом рынке бросают вызов американской экономической гегемонии в мире. Неоднородность процессов развития отношений обязывает американские элиты проводить эффективную информационную политику для сохранения имиджа правительства среди собственного населения и в то же время давать возможности отступления для стабилизации отношений. Анализ дискурса американской общественно-политической элиты Демократической и Республиканской партий в средствах массовой информации показал разный уровень его радикализации. В отсутствие перспектив серьезного улучшения межстранового диалога с приходом в 2021 г. к власти демократа Джозефа Байдена ведущие американские СМИ акцентируют внимание на Китае как на стратегической угрозе для всего мирового порядка и *Pax Americana* в XXI веке. В ситуации консенсуса среди элиты перспективы улучшения отношений между странами с приходом новой американской администрации весьма ограничены.

Ключевые слова: Китай, США, СМИ, элиты, аналитические центры, торговая война, декаплинг

Для цитирования: Козлов В.О., Бочарова А.П. Пути развития отношений США и Китая в контексте дискурса американских элит. *США & Канада: экономика, политика, культура*, 2021, 51 (10): 91-107. DOI: 10.31857/S268667300016900-0

Tracks of US-China Relations' Development in the Context of the discourse of the American elites

Vadim O. Kozlov

*Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences.
2/3 Khlebnyy per., Moscow, 121069, Russian Federation;
National Research University "Higher School of Economics" (HSE University),
17 Malaya Ordynka Str., Moscow, 115035, Russian Federation.
ORCID: 0000-0002-6874-3965 e-mail: kozlov-vadm@yandex.ru*

Alexandra P. Bocharova

*National Research University "Higher School of Economics" (HSE University), 3 Krivokolen-
ny per., Moscow, 101000, Russian Federation.
ORCID: 0000-0002-2167-8342 e-mail: apbocharova@hse.ru*

Abstract: Coming of the newly elected President D. Trump in 2017 marked the beginning of the new era of Sino-American relations – “decoupling”. The U.S.-China relations are progressing from Obama’s economic integration policy towards active trade war in 2017-2021. Rapid industrial growth of China and massive expansion of Chinese high-tech transnational companies into the world market are challenging the American economic hegemony in the globe. The heterogeneity of the processes of development of the relations oblige the American elites to conduct an effective information policy in order to preserve the image of the government among its own population and at the same time the possibility of retreating of the stabilization of relations. The analysis of the discourse of the American social political elite in mass media demonstrated a different level of the radicalization of the discourse in the parties. In the absence of prospects for the improvement in the inter-country dialogue with the coming of the democrat Joseph Biden to power the American mass media focuses on China as a strategic threat for the whole global order and “Pax Americana” in the 21st century. In situation of the consensus among the elite there are limited perspectives for the improvement in relations between the countries with the upcoming American administration.

Keywords: China, USA, mass media, elites, analytical centers, trade war, decoupling

For citation: Kozlov V.O., Bocharova A.P. Tracks of developing relations between the United States and China in the context of the discourse of the American elites. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*, 2021, 51 (10):91-107 (In Russ.). DOI: 10.31857/S268667300016900-0

ВВЕДЕНИЕ

Американо-китайские отношения и их перспективы – важный предмет интереса среди специалистов по международным отношениям и политических обозревателей. Политика администрации Д. Трампа в отношении США носила двойственный характер: с одной стороны, давление на китайское руководство, стремление ликвидировать торговый дисбаланс, а с другой – стремление не допустить развязывания полноценной холодной войны с Китаем, учитывая огромное влияние этой страны в мире и существование «американо-китайской» экономики, которые трудно отрицать даже заядлым скептикам в американском истеблишменте.

Вопрос отношений с Китаем был одним из важных в ходе президентской избирательной кампании 2020 г. в США. Президент-республиканец Д. Трамп и представители его предвыборного штаба постоянно напоминали критикам торговой войны с Китаем из Демократической партии об опасности увеличения торгового дисбаланса между странами. Начиная с 2018 г. администрация

Д. Трамп ввела беспрецедентное число торгово-экономических рестрикций против Китая. Как утверждают специалисты ЦКЕМИ НИУ ВШЭ, «в результате, санкционное давление, которому подвергается Китай, как минимум, сравнимо, а, вероятнее, по реальному эффекту превосходит то, которому подвергается Россия» [Кашин В.Б., Пятачкова А.С., Смирнова В.А., Аксенов И.В., 2020: 1]. За короткий промежуток времени с 2016 по 2020 г. Китай превратился из главного торгово-экономического партнёра США в годы президентства Б. Обамы в одного из основных противников американской администрации.

В статье мы попытаемся провести анализ причин роста напряжённости в американо-китайских отношениях и торговой войне как апогея этого противостояния, рассмотрим дискурс американских политических элит в средствах массовой информации относительно участия и роли Китая в размежевании между государствами и оценим дальнейшие перспективы отношений двух стран при новой демократической администрации Дж. Байдена с упором на информационную повестку в США.

За последние несколько десятилетий после нормализации отношений между США и Китаем в 1972 г. Вашингтон часто менял вектор своей политики в отношении Пекина от торгового сотрудничества до финансовой войны. В то же время американские компании вели свою собственную игру, активно инвестируя в быстро растущую с конца 1970-х экономику КНР. В начале 2010-х годов США предлагали Китаю (пусть и неравноправный) передел мира на двоих, получивший неофициальное название концепция G2. Администрация Трампа, в свою очередь, сделала ставку на серьёзное обострение отношений между двумя государствами.

На данный момент отношения США и Китая переживают не лучший период своей истории. Ряд американских специалистов небезосновательно считают, что за время работы администрации Д. Трампа уровень взаимоотношений стал стремительно скатываться к дониксоновским временам, когда произошла нормализация американо-китайских связей и США признали коммунистическое правительство в Пекине в качестве официального [Steinbock, D., 2018: 540]. Если с официальной позицией Вашингтона всё ясно, то каков же дискурс американских политических СМИ относительно роли Китая в размежевании между государствами? Есть ли среди элитных кругов и американского истеблишмента запрос на нормализацию отношений с Китаем после прихода на пост президента США демократа Д. Байдена?

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ США И КИТАЯ

Информационная политика государства неразрывно связана с его текущим политическим курсом, поскольку ориентирована на мобилизацию населения, повышение легитимности власти в глазах электората, а также более эффективного решения кризисных явлений в жизни общества. Кроме того, именно посредством информационной политики государства правительство может реализовать стратегию ответа на кризисы как внутреннего политического и экономи-

ческого, так и внешнего характера [Liu W., Lai C., 2018: 815]. При этом, когда мы говорим об информационной политике государства при ответе на внешние вызовы, СМИ и официальные заявления политического истеблишмента зачастую играют роль «мягкой силы» по отношению к собственным гражданам и внешним акторам. При этом основная цель заключается в повышении легитимности власти и удержания авторитета государства как участника международных отношений на международной арене. Такой функции средств массовой информации посвящены ключевые труды специалистов-международников и политологов У. Липпмана [Lippmann, W., 1922], Э.Хермана и Н.Хомски [Herman, E. S., & Chomsky, N., 2010], Дж. Ная [Nye, J. S., 2004] и т.д.

С информационной политикой государства мы связываем понятие «информационная война», которая является важным аспектом растущего американо-китайского размежевания и проявления которой, в частности, выражаются в дезинформации соперников и союзников, дабы удержать лояльность последних, а также идеологизации противостояния между политическими игроками. Впрочем, необходимо отметить, что с начала 2010-х годов российские и западные аналитики используют понятие «информационной войны» в несколько искаженном ключе: так, более ранние теоретические работы рассматривают ее как неотъемлемый аспект вооруженного столкновения [Libicki, M., 2021: 427], что лишено оснований в контексте невоенного экономического и политического американо-китайского размежевания с 2017 г. Модификация этого понятия с 1970-х годов позволила, таким образом, говорить о специфическом виде агрессивной информационной политики государств для понижения авторитета соперника и сохранения лояльности союзников на мировой арене.

Итак, в состоянии информационного противостояния США и Китая каждой стороне необходимо выработать специфическую реакцию на действия противоположной стороны не только экономического и политического характера – санкций, политических задержаний и запретов на технологическое использование продуктов компаний противной стороны, что, в частности, инициировал Вашингтон против Пекина, вызвав, хотя и более слабые и осторожные, ответные действия со стороны Китая. Действия американской и китайской стороны выражаются в необходимости сделать выбор в пользу наиболее выгодной и наименее затратной стратегии ответа на кризис (*crisis-response strategy*), что подводит нас напрямую к политике кризис-менеджмента двух стран. Исследования кризис-менеджмента связаны с теорией атрибуции, классическая интерпретация которой задействует непосредственно проблему восприятия и интерпретации социального поведения, исходя из собственного психологического опыта индивида. Тем не менее, вместо индивидов теория кризис-менеджмента рассматривает целые организации и государства в качестве основных акторов, поскольку они предпринимают те или иные меры психологического характера для реализации собственной информационной политики (отрицание, запугивание, замалчивание информации, намеренное обнародование всей имеющейся информации и т.д.), чтобы решить внутренние и внешние проблемы, угрожающие легитимности текущей власти и имиджу государства [Coombs W. T., 1995: 460].

Кейс нарастающего американо-китайского экономического размежевания является, таким образом, примером рисков для китайского статуса в мировой политике. Активная идеологизация конфронтации, изначально наделённая исключительно экономическим смыслом, вряд ли нанесёт урон Китаю как новому потенциальному мировому лидеру. Тем не менее, она, вне всякого сомнения, представляет опасность для инвестиционной и геополитической привлекательности Китая как нового центра силы, поскольку не только порождает риски перехода сторонников Китая и колеблющихся партнёров на сторону США, но и выполняет своё главное назначение - наносит урон крупнейшему инфраструктурному проекту, позднее ставшему новой моделью регионального управления (*governance*) Китая – проекту «Один пояс – один путь». Обе стороны предпринимают активные усилия по распространению собственной интерпретации происходящих событий посредством СМИ, научных публикаций и официальных заявлений представителей власти [1]. Дискурс представителей Китая относительно участия и роли страны в нарастающей в последнее время конфронтации является, таким образом, примером политики кризис-менеджмента китайского руководства.

ДИСКУРС АМЕРИКАНСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ ПО ОТНОШЕНИЮ К КИТАЮ

Информационная политика США, как и любого другого крупного международного игрока, связана со стремлением укрепить своё влияние не только внутри государства, мобилизовав население, но и реализовать свою собственную стратегию «мягкой», невоенной, силы, утвердив доминирование в том или ином регионе [Nye, J. S., 2004: 22]. В США, в отличие от Китая, существует достаточно большое количество независимых аналитических центров, цель которых посоветовать или повлиять на решения вашингтонской администрации в отношении того или иного международного игрока, и Китай здесь исключением не является. Большой интерес для аналитиков Китайская Народная Республика стала представлять после окончания холодной войны и особенно с начала XXI века, когда ввиду бурного роста китайской экономики стала сокращаться доля США в мировом ВВП. Пекин постепенно превращался в основного торгового конкурента Вашингтона, что неизбежно повлекло за собой необходимость анализа перспектив американо-китайских отношений.

С приходом Д. Трампа на пост президента в 2017 г. началась активная антикитайская кампания новой администрации, поставившая своей официальной целью устранение дефицита торгового баланса между США и Китаем, минимизацию китайского влияния на американскую внутреннюю политику. Ещё во время избирательной кампании 2016 г. Д. Трамп обвинял Китай в замедлении американской экономики и «краже» рабочих мест американцев. В национальной стратегии 2017 г. Китай был обозначен в качестве одной из основных угроз американской безопасности, ревизионистским государством [2]. Рубежным событием стал март 2018 г., когда было завершено расследование торгового представителя Р. Лайтхайзера в отношении Китая, ставшее спусковым крючком для

начала тарифной войны. В расследовании говорилось о том, что китайское правительство нарушило статью 301 закона 1974 г. «Об иностранной торговле»: на американские корпорации (в расследовании упоминались компании «Эпл» и «Гугл») оказывалось сильное давление с целью получения от них новых технологий для КНР, также Пекин обвинялся в хакерских атаках на базы данных американских компаний и в кражах коммерческой информации [3]. В том же году один из самых известных апологетов антикитайской политики в США, автор документального фильма о китайской угрозе «Смерть от Китая», тогдашний руководитель Совета по торговле и промышленности П. Наварро опубликовал доклад, где привёл длинный список обвинений в адрес Пекина, обозначив КНР как экономического агрессора [4]. В 2020 г. администрация Трампа наложила санкции на крупнейшую китайскую IT-корпорацию «Хуавей» (*Huawei*), обвинив её в кибершпионаже, сборе личных данных американцев для правительства КНР [5]. Санкционная политика в отношении Китая последнего года работы республиканской администрации подробно описана исследователями НИУ ВШЭ в аналитической записке [Кашин В.Б., Пятачкова А.С., Смирнова В.А., Аксенов И.В., 2020]. Итогом политики Д. Трампа на китайском направлении стало максимальное с 1974 г. ухудшение отношений между двумя крупнейшими экономическими державами. Можно ли считать это «перегибом» исключительно трампистов или же среди американских СМИ и аналитиков присутствует некоторый консенсус в ужесточении американской политики в отношении Китая?

В публикациях ведущих американских СМИ и аналитических центров на протяжении нескольких лет торговой войны прослеживается явный крен в сторону демонизации Китая [Kwan, Chi., 2019: 11]. Республиканский «мозговой центр» Фонд «Наследие» выпустил в 2020 г. ряд статей, где подчёркивал необходимость блокировки популярной среди американской молодёжи китайской социальной сети «Тик-ток», обуславливая это нелиберальным характером китайской экономики и сотрудничеством всех китайских компаний с руководством Коммунистической партии Китая [Carafano J., 2019]. Таким образом аналитики вслед за федеральным правительством подчёркивали необходимость «американизации» управления офисом компании «БайтДанс» (*ByteDance*), владеющей приложением «Тик-ток» в США для его дальнейшей работы в стране.

Различия между ведущими американскими партиями по отношению к Китаю носят скорее стилистический характер. Обе партии признают угрозу растущего экономического могущества Китая для лидирующих позиций США в мире. Вашингтонский аналитический центр Институт Катона, выступающий с продемократических позиций, критиковал позицию администрации Трампа по Китаю прежде всего с конституционной точки зрения, отмечая, что «ведущая роль в определении внешнеторговой политики, согласно Конституции США, должна принадлежать Конгрессу». С точки зрения аналитиков центра, демократы должны объединить усилия с союзниками, не прибегая к дополнительным рестрикциям в отношении Китая, в качестве отпора внешнеторговому вызову со стороны Поднебесной [Vaschus J., 2020]. Ряд экспертов Демократической партии подчёркивали также, что США не нужно отказываться от политики протекцио-

низма в тех сферах, где производство американских товаров не столь зависимо от КНР. В последние годы всё большее число крупных компаний открывают свои производства в Мексике (чему во многом способствовало подписание в 2017 г. нового соглашения о свободной торговле между США, Канадой и Мексикой взамен устаревшей НАФТА), а также во Вьетнаме в связи с дешёвой рабочей силой в этой стране и лёгкости перемещения производств с территории Китая, что усиливает антикитайскую риторику в СМИ и среди аналитиков.

В ведущих СМИ США, основная масса которых выступает с анти Трамповских позиций, критикуется слабая позиция Трампа по отношению к нарушениям прав человека, в частности уйгуров в Китае [6]. Пресс-секретарь предвыборного штаба Дж. Байдена Э. Бейтс в августе 2020 г. в издании «Аксиос» (*Axios*) обрушился с критикой на республиканца, заявив, что политика Пекина по отношению к уйгурским мусульманам – геноцид и что даже для сохранения торговой сделки США не должны идти на поводу у правительства КНР, откладывая введение санкций против причастных к этим преступлениям [7]. Политика администрации в отношении Тибета и уйгуров – яркий пример того, что для республиканской администрации Трампа был менее важен вопрос о правах человека в Китае, чем экономическое противостояние. Для достижения всеобъемлющей двусторонней торговой сделки президент был готов отложить или закрыть глаза на этот вопрос [8]. Меньшая идеологизированность и смещение внешней политики в сторону «реалполитик» исторически традиционна для республиканских администраций. Именно в сфере внимания к правам человека как основы для рестрикций, наряду с тактикой укрепления отношений с союзниками для проведения скоординированной линии в отношении Пекина и проходит водораздел между представителями истеблишмента Демократической и Республиканской партии по «китайскому» вопросу.

Таким образом, как видно из дискурса американских СМИ политический истеблишмент США не ставит под сомнение необходимость сдерживания Китая, проводя жёсткую антикитайскую пропаганду как внутри страны, так и среди своих союзников. Тенденция демонизировать Китай без сомнения не оставит большого пространства для манёвра новой администрации США во главе с демократом Дж. Байденом. Но как повлияет смена политических элит после выборов на обострение конфликта? Сможет ли новый американский президент предложить коррекцию политики Трампа и каковы перспективы продолжения американо-китайского декаплинга в будущем.

ТЕМАТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ АМЕРИКАНСКИХ СМИ

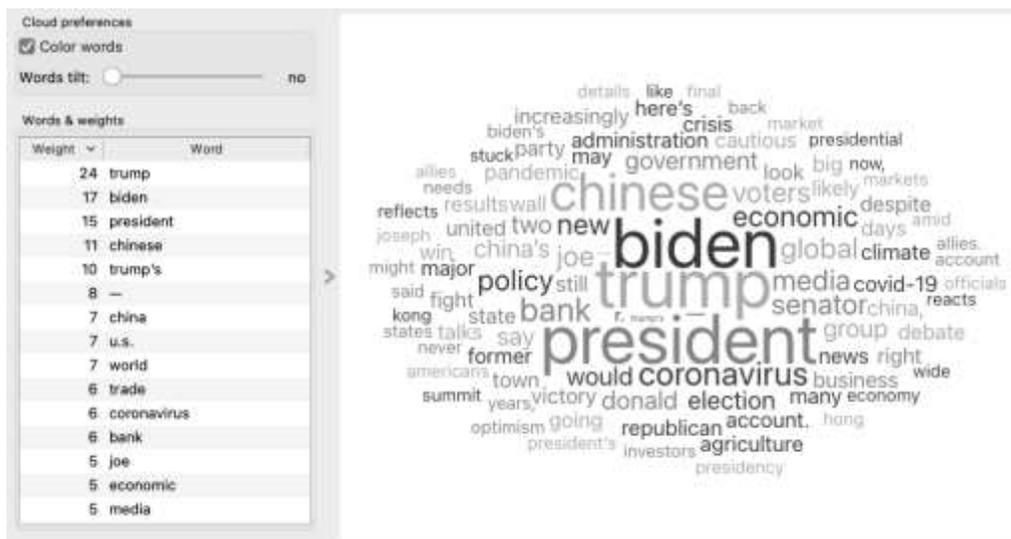
В данной работе были проанализированы информационные материалы главных СМИ США, представляющих взгляды политических элит демократов и республиканцев – «Нью-Йорк таймс» и «Фокс ньюс» соответственно; далее мы предполагаем, что, вследствие широкого охвата аудитории, мы можем обобщить полученные в ходе анализа данных СМИ результаты до национального уровня американских средств массовой информации, проводящих информационную

политику в свете американско-китайских отношений в политике и экономике в контексте торговой войны и экономического размежевания.

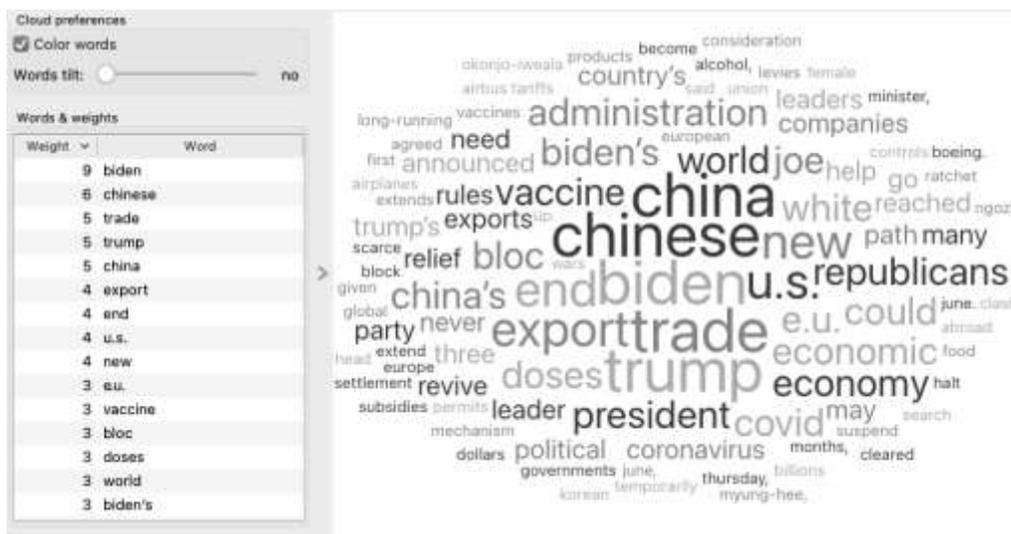
Статьи в «Нью-Йорк таймс» и передачи «Фокс ньюс» (включая телевизионные скрипты) были рассмотрены по ключевым сочетаниям слов *trade war* или *US-China relations* в два временных периода – с 1 октября по 31 декабря 2020 г. (последние месяцы работы администрации Трампа) и с 1 января по 29 марта 2021 г. (администрация Байдена). По каждому из запросов в СМИ получилось связать около 300 статей, классифицировать по проблемным темам и сделать визуализацию. Мы предполагаем, что путём анализа полугодичного периода американской политики можно сделать вывод об изменении дискурса в СМИ не только в свете изменений динамики американско-китайских отношений, но и в связи с приходом к власти демократов и со сменой администрации президента США Джо Байдена, пришедшего на смену республиканцу Дональду Трампу. В качестве ограничений данного исследования выделяется высокая вероятность информационного шума в СМИ, вызванного предвыборной президентской гонкой, в ходе которой закономерно освещение внутренних вопросов, актуальных для американского электората. Кроме того, мы допускаем ошибки в полной внешней достоверности результатов, так как основываемся на предположении о репрезентативности взглядов демократических и республиканских СМИ выбранными для анализа средствами массовой информации. Наконец, мы предполагаем, что на основании полученных результатов можно спрогнозировать информационную политику президента Байдена в дальнейший период его деятельности на основании характера и уровня интенсивности поднимаемых проблемных тематик.

В качестве основного метода анализа дискурса американских СМИ выбрана совокупность методов Обработки естественного языка (*Natural Language Processing – NLP*), включающих в себя системы методов распознавания речи, понимание и генерирование языка и его семантических и лингвистических свойств, дискурсивный анализ текстов и т.д. В частности, в нашем исследовании мы используем такие методы работы с текстом, представленными в виде статей медиаресурсов «Нью-Йорк таймс» и «Фокс ньюс», как создание облака тэгов, или слов, по ключевым темам текстов, а также тематическое моделирование, направленное на выделение ключевых тем и проблем, выделяемых компьютеризированными алгоритмами, которые поднимаются в корпусе текстов. Последние два метода применяются в данной работе для выделения ключевых тем в СМИ по вопросу американско-китайских отношений, а также прогнозирования возможных приоритетных направлений политики администрации Байдена в период его работы.

На первом этапе проанализированы статьи продемократической газеты в электронной версии СМИ, парсинг которых был произведён на основании ключевых слов *trade war* и *US-China relations*. Ниже представлена визуализация («облако слов») наиболее часто используемых слов в период работы президента Трампа в октябре – декабре 2020 года:

Аналогично, ниже представлена визуализация ключевых слов в статьях

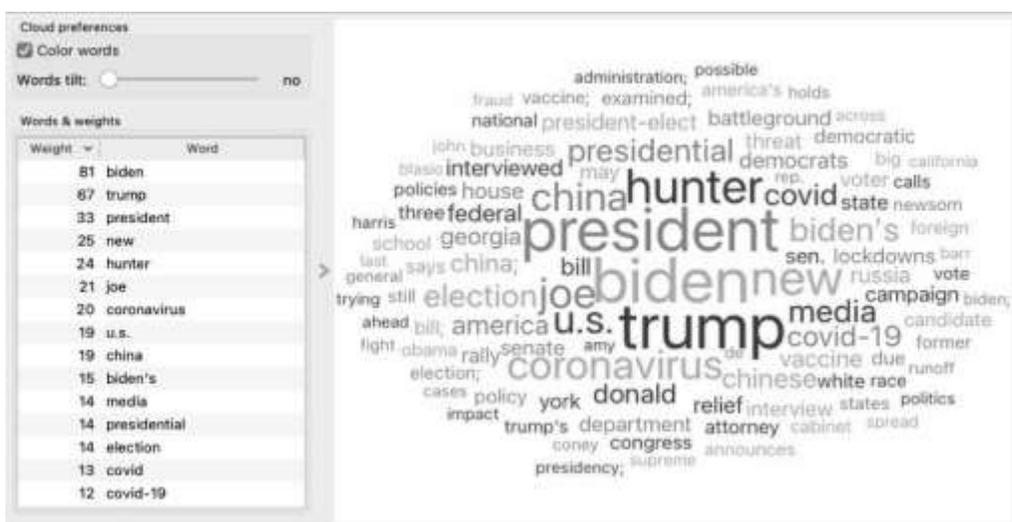

«Нью-Йорк таймс» в течение первых месяцев работы администрации Байдена.

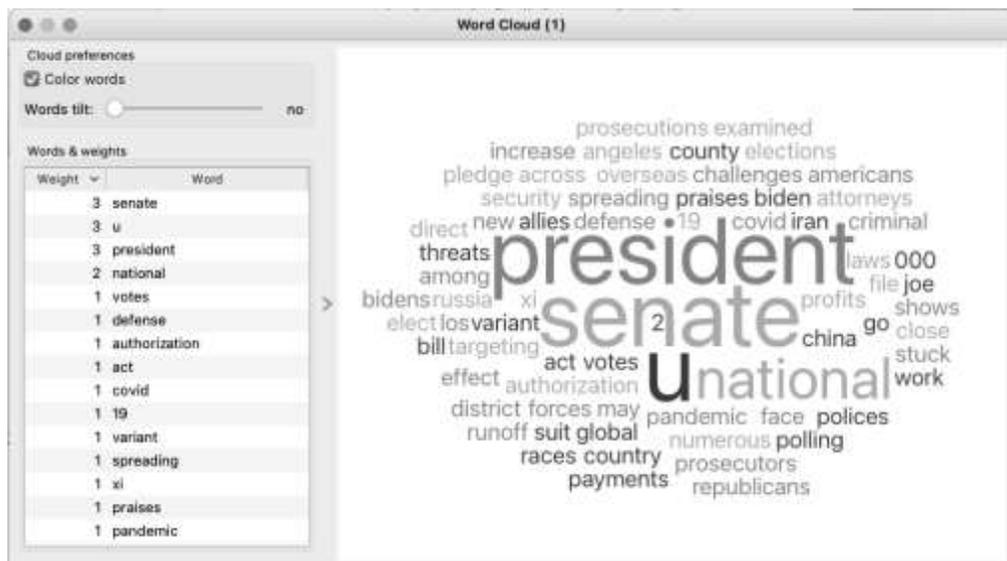
Первое, что бросается в глаза – смещение фокуса внимания СМИ с непосредственно китайского вопроса на другие сферы, включая здравоохранение: за приблизительно равный промежуток времени количество статей в 2021 г. по указанной тематике заметно снизилось – практически вполнину. Кроме того, несмотря на то что в обеих визуализациях видно, что китайский вопрос фигурировал в контексте предвыборной гонки (первый график слов) и легитимации политики Байдена в противовес неудачным решениям Трампа (график слов но-

мер 2), фокус смещается с экономической тематики и политики Трампа по ограничению мигрантов (*policy, fight, wall, business, markets*) на противодействие пандемии коронавируса и решение внутренних проблем населения (*doses, leader, revive, vaccine* и т.д.).

Точно так же, как в «Нью-Йорк таймс», мы проанализировали статьи и скрипты новостей и интервью канала «Фокс ньюс», наряду с «Брейтбарт» (*Breitbart*), считающегося репрезентативным источником информации правых политических элит США. Облако ключевых слов статей по американо-китайской тематике торговой войны и декаплинга в период президентского срока Трампа представлено ниже:

Прежде всего становится очевидным большая вовлечённость прореспубликанских СМИ в американо-китайскую информационную повестку, что подтверждается значительным перевесом ключевых слов в количественном выражении в полученном облаке, по сравнению с облаком того же периода в демократических СМИ. Несмотря на растущее преобладание, так же, как и в первых двух облаках слов, терминов из сферы здравоохранения, ввиду очевидной растущей опасности коронавируса в США, а также переходу противостояния двух стран в сферу здравоохранения, «Фокс ньюс» отходит от популярной для демократов тематики диалога по климату и торговым соглашениям. И в этом случае обилие терминов по сравнению с облаком слов «Фокс ньюс» в первые месяцы работы Байдена показывает наличие информационной повестки внутриполитического курса предстоявших выборов, поскольку, несмотря на сохранение Китая и Си Цзиньпина в полученных облаках, плотность облака тегов намного меньше.

Помимо облака слов, в работе был проведен анализ тематического моделирования найденных статей в обеих СМИ, которые также были разделены на период работы Трампа и первые месяцы работы администрации Байдена. На основании ключевых тем, поднимаемых в газете в период с октября по декабрь 2020 г., мы можем выделить следующие проблемные зоны:

1) *Biden, policy, Trump, president, town, Joe, here, still, going, may* - **Стабильность политики Трампа в случае его победы на выборах (фокус СМИ на слова here, still, policy)**

2) *Party, Republican, right, media, increasingly, two, debate, reflects, wall, senator* - **Президентские дебаты и их отражение в медиа (в том числе политика Сената и Республиканской партии)**

3) *Trump, two, Donald, world, coronavirus, Chinese, crisis, global, town, China* - **Роль Китая в пандемии коронавируса и глобальное противостояние**

4) *going, agriculture, years, now, Americans, figVoters, win, climate* - **Изменения климата и внутренняя политика США, в том числе в сфере сельского хозяйства.**

Соответственно, выделение ключевых тем в газете в период первых месяцев работы администрации Байдена было сделано следующим образом:

1) *doses, EU, bloc, exCovid, tanu, vaccine, port, coronavirus, Trump, export* - **Внешнеторговая политика Трампа и необходимость решения проблемы разработки и использования вакцин коронавируса;**

2) *Economy, Chinese, country, reached, China, trade, never, announced, may, need* - **Принятие дальнейших мер по ограничению торговой политики Китая;**

3) *Biden, revive, US, wworld, Trump, never, go, China, new* - **Пересмотр роли США в мире в период администрации Байдена и дальнейшее противостояние с растущим Китаем;**

4) *Party, China, president, leaders, reached, Trump, administration, white, economic, republicans* - **Ориентация администрации Трампа на белый электорат зажиточных республиканцев.**

Аналогично, тематическое моделирование было проведено в «Фокс ньюс» в два временных периода. Основные тематики, по которым алгоритмы сгруппировали тексты СМИ, в период Трампа были следующими:

1) *School, big, ahead, bill, coronavirus, president, elect, America, election, bill* – **выборы в США и их итоги;**

2) *Joe, vaccine, policy, examined, China, voter, presidency, possible, general, de Blasio* – **выборы в США и китайский дискурс в рамках предвыборной программы;**

3) *Russia, Covid-19, battleground, former, democrat, China, Trump, president, elect, Joe* – **проблемы Китая, России и борьбы с коронавирусом с приходом Байдена к власти.**

Представляется любопытным факт, что в республиканских СМИ избегают дискурс о протестах в США и движении «Жизни чёрных имеют значение» накануне и в период выборов президента США, поскольку подробное освещение протестов могло негативно отразиться на настроениях электората, а также привести к риску коллективных действий. Закономерно поэтому, что после избрания Байдена президентом прореспубликанские СМИ заговорили с новой силой о протестах, при этом алгоритмизация тематического моделирования не обнаружила подобной проблематики и продемократических СМИ.

Темы, выделенные в «Фокс ньюс» NLP-алгоритмом в период первых месяцев работы администрации Байдена:

1) *Xi, race, Republican, effect, praise, global, direct, face, polling, increase* – **обсуждение итогов международной политики Трампа, в том числе по противодействию Китаю** – закономерно, что алгоритмы поместили в одну группу «внешнеполитический дискурс США о Китае» и националистические установки (стоящие рядом фамилия Си Цзиньпина и понятие «расы» в нашем случае говорят о близком семантическом расположении слов в текстах).

2) *global, Covid, America Examined, authorization, China, n, close, district, president* – **американо-китайское взаимодействие с приходом новой администрации;**

3) *Race, police, across, national, defense, election, challenge, numerous, Republican, Iran* – **поднимается иранская проблема, а также протесты в США и движение «Жизни чёрных имеют значение»**

4) *threat, Praise, national, police, go, prosecution, new, criminal, polling, country* – **национальная и региональная безопасность в контексте выборов в США.**

Здесь стоит ещё раз оговориться, что все темы, которые выделены в текущей работе, идут исключительно в связке с китайским вопросом, то есть на основании выделенных тем можно сделать вывод о том, что китайско-американские отношения, включая экономическое и торговое размежевание, используются в контексте внутренних американских проблем США, а также предвыборной повестки обоих кандидатов в президенты. Кроме того, присутствие китайского вопроса как в продемократических, так и прореспубликанских СМИ позволяет сделать вывод о негласном консенсусе в СМИ относительно необходимости углублять дальнейшее американо-китайское размежевание и о серьёзности ки-

тайского вопроса для роли США в мире и для внутренней информационной повестки внутри страны. Таким образом, потенциал манёвра у новой администрации Белого дома крайне ограничен. Президенту Байдену необходимо, с одной стороны, не показаться «китайской марионеткой», а с другой – искать пути к стабилизации противостояния с Китаем.

ПОВЛИЯЕТ ЛИ ПОБЕДА БАЙДЕНА НА ДАЛЬНЕЙШЕЕ ОБОСТРЕНИЕ КОНФЛИКТА?

Одним из важнейших вопросов являются перспективы продолжения американо-китайского декаплинга при администрации Дж. Байдена. Насколько политика нового президента в отношении стратегического конкурента будет отличаться от политики Трампа? У властей КНР на этот счёт есть осторожный оптимизм, что отмечается среди китайских аналитиков и СМИ. Так, китайская сторона продолжает делать акцент на необходимости строить диалог с новой администрацией, рассматривая в качестве основного достижения не столько благоприятный результат переговоров, сколько само наличие диалога между сторонами [9]. В то же время китайские аналитические центры всё больше воспринимают американо-китайское размежевание как данность и новую реальность, к которой необходимо приспособливаться и работать в изменившихся условиях. Так, Чэнь Вэньсинь из Китайского института современных международных отношений неоднократно писал о том, что американо-китайское противостояние не только естественно ввиду назревших внутренних проблем американской стороны, но и благоприятно, поскольку избавит китайско-американское сотрудничество от игры с нулевой суммой и поможет отойти от привычной исторической связки по линии «Вашингтон - Пекин» [Chen, W., 2019]. В этом ключе любая политика Байдена будет рассматриваться китайскими элитами, готовыми к любым сценариям декаплинга, либо как ожидаемая, либо, в случае возможного улучшения диалога, как позитивная для отношений двух стран.

В предвыборной команде нового американского президента на этот счёт существовали три разных лагеря. Одни выступали за возврат к политике Обамы, старавшегося сделать из Китая стратегического экономического союзника, втянув его в проект Транстихоокеанского партнёрства, отвергнутого Вашингтоном с приходом Д. Трампа на пост президента. Другие высказывались в поддержку продолжения жёсткой линии Трампа, ограничивая возможности свободной торговли с КНР. Третьи же выступали за умеренный «смешанный» подход – сочетание протекционистских мер с сотрудничеством в выгодных для США сферах [10]. Однако в условиях существующего двухпартийного консенсуса на продолжение политики сдерживания КНР возможность вариативности новой американской администрации по этому вопросу может быть весьма ограничена.

Так, избранный президент в своём первом после выборов телефонном разговоре с главой Китая заявил, что он сможет при необходимости дать отпор председателю КПК Си Цзиньпину [11]. Первая встреча между дипломатами новой администрации США и Китая в Анкоридже закончилась крупным провалом и

скандалом, связанным с ультимативным характером выступлений американской делегации. Продолжение весьма жёсткой линии в отношении Китая, однако, не встречает поддержки со стороны европейских союзников США, в результате чего аналитики в Вашингтоне полагают, что и новая администрация не сможет рассчитывать на их поддержку в будущем [12]. Данные опасения подтверждают и последние социологические исследования Европейского центра изучения общественного мнения в 11 крупнейших странах ЕС, подтверждающие что большинство европейцев верят в кризис американской политической системы и в грядущее получение Китаем статуса гегемона. Даже в самой проамериканской стране Европы Великобритании около 40 % респондентов ответили, что американская политическая система в той или иной степени разрушена. В целом по странам ЕС и в Великобритании от 48 до 79% в зависимости от государства (наименьшее число в Соединённом Королевстве, а наибольшее в Испании) полагают, что Китай будет лидирующей мировой державой через десять лет [Krastev I. Leonard M., 2021]. Среди стран – союзниц США наибольший энтузиазм в жёстком противодействии Китаю наблюдается в государствах Азиатско-Тихоокеанского региона – Австралии и Японии. Тем не менее, как отмечает российский эксперт, заместитель руководителя Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ Д.В. Суслов, «администрация Байдена будет в полной мере проводить политику изоляции Китая, оказывая давление на своих союзников и партнёров с тем, чтобы они не шли на сотрудничество с Китаем по вопросам технологий. Это может существенно замедлить технологическое развитие Китая и укрепить технологическое лидерство США в обозримой перспективе» [13].

Тревожная тенденция продолжения противостояния США с Китаем грозит стать новой константой международных отношений в XXI веке. В условиях неизбежно нарастающих противоречий между великими державами и догоняющего характера китайской модернизации, проводившейся с 1980-х годов за счёт наращивания сотрудничества с США и странами Запада, велика вероятность продолжения декашлинга и при новой американской администрации. Произойдёт смещение политики от торговой войны к технологическому противостоянию (например, продолжение сдерживание экспансии технологического гиганта «Хуавей» на внешних рынках), более активному введению санкций против китайских чиновников по акту Магнитского. В то же время администрация Байдена, на наш взгляд, будет активнее взаимодействовать с Китаем по вопросу ограничения вредных выбросов в атмосферу и экологической безопасности, так как развитие зелёной энергетики и вопросы изменения климата один из приоритетов работы команды демократов в Белом доме, что было наглядно продемонстрировано в ходе недавнего международного климатического онлайн-саммита.

ИСТОЧНИКИ

1. Вайцзяо бу: пэнпэй аохуанъянь вайцзяо цзянцзаодао лиши шэньпань [МИД: лживую дипломатию Помпео рассудит история. [MID: lzshivuju diplomatiju Pompeo rassudit istorija. [Foreign Ministry: history will judge Pompeo's deceitful diplomacy] //

ЖЭНЬМИНЬ жибао, January 8, 2020. Available at: [Http://World.People.Com.Cn/N1/2021/0108/C1002-31994295.Html](http://World.People.Com.Cn/N1/2021/0108/C1002-31994295.Html) (accessed: 08.02.2021)

2. National Defense Strategy. 2017. Available at: <https://www.whitehouse.gov/articles/new-national-security-strategy-new-era/> (accessed 17.01.2021)

3. Findings of the Investigation into China's Acts, Practices, and Policies Related to Technology Transfer, Intellectual Property, and Innovation under Section 301 of the Trade Act of 1974. United States Trade Representative. March 2018. Available at: <ustr.gov/sites/default/files/Section%20301%20FINAL.PDF> (accessed: 08.03.2021).

4. How China's Economic Aggression Threatens the Technologies and Intellectual Property of the United States and the World. White House Office of Trade and Manufacturing Policy. June 2018. Available at: <whitehouse.gov/wp-content/uploads/2018/06/FINAL-China-Technology-Report-6.18.18-PDF.pdf> (accessed: 15.12.2020)

5. Trump administration imposes new Huawei restrictions, The Washington Post. August 17, 2020. Available at: https://www.washingtonpost.com/business/technology/trump-administration-imposes-new-huawei-restrictions/2020/08/17/c12df298-e095-11ea-82d8-5e55d47e90ca_story.html (accessed: 15.12.2020).

6. In Push for Trade Deal, Trump Administration Shelves Sanctions Over China's Crackdown on Uighurs, The New York Times. April 5, 2019. Available at: <https://www.nytimes.com/2019/05/04/world/asia/trump-china-uighurs-trade-deal.html> (accessed 11.01.2021).

7. Zachary B. Biden campaign says China's treatment of Uighur Muslims is "genocide". Axios. August 3, 2020. Available at: <https://www.axios.com/biden-campaign-china-uighur-genocide-3ad857a7-abfe-4b16-813d-7f074a8a04ba.html> (accessed: 12.12.2020).

8. Swan J. 2020. Trump held off on Xinjiang sanctions for China trade deal. Axios. June 23, 2020. Available at: <https://www.axios.com/trump-uighur-muslims-sanctions-d4dc86fc-17f4-42bd-bdbd-c30f4d2ffa21.html> (accessed 12.12.2020)

9. Zhao Y., Yu J. Xi, Biden phone call on Chinese New Year's Eve 'tone-setter' for future bilateral ties // Global Times. February 2, 2021. Available at: <https://www.globaltimes.cn/page/202102/1215521.shtml> (accessed 12.12.2020)

10. Biden's China Policy? A Balancing Act for a Toxic Relationship, The New York Times, November 16, 2020. Available at: <https://www.nytimes.com/2020/11/16/business/economy/biden-china-trade-policy.html> (accessed 13.02.2020)

11. Salama V. Biden speaks with Chinese President Xi Jinping for the first time as President, CNN politics, October 2, 2021. Available at: <https://edition.cnn.com/2021/02/10/politics/biden-xi-call/index.html> (accessed 13.02.2021).

12. Fallon T. Biden cannot rely on America's European allies to stand up to China // Business Insider. February 2021. Available at: <https://www.businessinsider.com/biden-cannot-rely-european-allies-to-stand-up-to-china-2021-2> (accessed 13.02.2021)

13. Суслов Д.В. США с союзниками усилят технологическое сдерживание Китая, Baltnews, 2021. Интернет-ресурс:

https://baltnews.ee/mir_novosti/20210215/1019313767/Politolog-SShA-s-soyuznikami-usilyat-tekhnologicheskoe-sderzhivanie-Kitaya.html?fbclid=IwAR0Rgw2g2gPzyAwNk-z356WNLwd2hidStb-OL1L3mz0jGH3240dRKK2YPwQ (accessed 16.03.2021)

ЛИТЕРАТУРА

Кашин В.Б., Пятачкова А.С., Смирнова В.А., Аксенов И.В. Китай в состоянии экономической войны: весна и лето 2020. ЦКЕМИ НИУ ВШЭ, 2020.

REFERENCES

Bacchus J. 2020. *Democrats and Trade 2021: a Pro Trade Policy for the Democratic Party*. Washington, CATO. Available at: <https://www.cato.org/publications/policy-analysis/democrats-trade-2021-pro-trade-policy-democratic-party#null> (accessed 11.01.2021).

Carafano J. 2019. Preparing the U.S. National Strategy for 2020 and Beyond. Available at: <https://www.heritage.org/sites/default/files/2019-07/SR214.pdf> (accessed 15.12.2020).

Chen, W. 2019. Rise and fall and cause and effect // China Institutes of Contemporary International Relations. In: China Daily, 2019. Available at: <http://www.cicir.ac.cn/NEW/en-us/opinion.html?id=c218> (accessed 12.12.2020).

Coombs W. T. 1995. Choosing the right words: The development of guidelines for the selection of the "appropriate" crisis-response strategies // *Management Communication Quarterly*, pp.447-476.

Herman, E. S., & Chomsky, N. 2010. *Manufacturing Consent: The Political Economy of the Mass Media*. London: Vintage Digital. 345 p.

Kashin V.B., Pjatachkova A.S., Smirnova V.A., Aksenov I.V. 2020. *Kitaj v sostojanii jekonomicheskoj vojny: vesna i leto 2020*, pp. 4-6.

Krastev I. Leonard M. 2021. The crisis of American power: How Europeans see Biden's America, European Council on Foreign Relations. Available at: <https://ecfr.eu/publication/the-crisis-of-american-power-how-europeans-see-bidens-america/> (accessed 13.02.2021).

Kwan, Chi. 2019. The China-US Trade War: Deep-Rooted Causes, Shifting Focus and Uncertain Prospects. *Asian Economic Policy Review*. Pp. 10-23 (accessed 13.02.2021).

Libicki, M. 1998. Information War, Information Peace. *Journal of International Affairs*, 51(2), pp. 411-428. Retrieved January 5, 2021. Available at: <http://www.jstor.org/stable/24357504> (accessed 15.02.2021).

Lippmann, W. 1922. *Public Opinion*. New York: Harcourt, Brace & Co., 210 p.

Liu W., Lai C. et al. Tweeting about emergency: A semantic network analysis of government organizations' social media messaging during Hurricane Harvey // *Public Relations Review*, 2018, pp. 807-819.

Nye, J. S. 2004. *Soft power and American foreign policy*. N.Y.: Harpers. 286 p.

Steinbock, D. 2018. US-China Trade War and Its Global Impacts. *China Quarterly of International Strategic Studies*, 4(04), pp. 515-542.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

КОЗЛОВ Вадим Олегович, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела внутривосточных исследований Института США и Канады РАН (121069, г. Москва, Хлебный переулок, 2/3;

старший преподаватель департамента международных отношений факультета мировой экономики и мировой политики НИУ «Высшая школа экономики» (115035, г. Москва, ул. Малая Ордынка, 17)

БОЧАРОВА Александра Павловна,

Научный сотрудник международной Лаборатории исследований мирового порядка и нового регионализма НИУ ВШЭ, преподаватель департамента международных отношений факультета мировой экономики и мировой политики НИУ «Высшая школа экономики» (115035, г. Москва, ул. Малая Ордынка, 17)

Vadim O. KOZLOV, Candidate of Sciences (History), Research Fellow, Department of Internal Political Studies, Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences, 2/3 Khlebny per., Moscow, 121069, Russian Federation;

Senior lecturer, School of International Relations, Faculty of World Economy and International Affairs, National Research University "Higher School of Economics" (HSE University), 17 Malaya Ordynka Str., Moscow, 115035, Russian Federation.

Alexandra P. BOCHAROVA, Research assistant, International Laboratory on World Order Research and the New Regionalism, National Research University 'Higher School of Economics' (HSE University),

Faculty lecturer, Department of International Relations, Faculty of World Economy and International Affairs, National Research University "Higher School of Economics" (HSE University), 17 Malaya Ordynka Str., Moscow, 115035, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию / Received 21.07.2021.

Статья поступила после рецензирования / Revised 4.08.2021.

Статья принята к публикации / Accepted 12.08.2021.

УДК: 327

DOI: 10.31857/S268667300016901-1

Американская политология в поисках «Русской идеи»

В.Ш. Сургуладзе

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации.
Российская Федерация, 125993, Москва, Ленинградский проспект, д. 49.
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7948-0128> e-mail: bafing@mail.ru*

Резюме: Рецензируется монография – А. Стент. *Мир Путина. Россия и её лидер глазами Запада.* М.: Интеллектуальная Литература, 2020. 390 с., посвящённая анализу внешней политики России первого двадцатилетия XXI века. В рецензии подчёркивается характерное изменение концептуального подхода к осмыслению российского внешнеполитического поведения в работе известного американского политолога. Автор рецензируемой работы высоко оценивает внешнеполитические успехи Российской Федерации и роль В.В. Путина в росте авторитета страны как государства, поддерживающего международную стабильность, традиционные ценности и суверенитет национальных государств. В рецензии делается вывод о том, что в условиях глобального снижения влияния «коллективного Запада» и Соединённых Штатов в экспертных оценках западных политологов появляются новые интерпретации мирового

порядка, в которых всё большее место занимают вопросы цивилизационной и культурной идентичности, истории, идеологии и мировоззрения, альтернативных западным моделям осмысления внешнеполитической реальности.

Ключевые слова: Российско-американские отношения, роль РФ в мире, мировая политика, цивилизационная идентичность и геополитическое поведение России

Для цитирования: Сургуладзе В.Ш. Американская политология в поисках «Русской идеи». *США & Канада: экономика, политика, культура.* 2021; 51 (10): 109–113.

DOI: 10.31857/S268667300016901-1

American Political Science in Search of the Russian Idea

V.Sh. Surguladze

*Financial University under the Government of the Russian Federation.
49, Leningradskiy prospect, Moscow, 125993, Russian Federation.
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7948-0128> e-mail: bafing@mail.ru*

Abstract: The reviewed monograph - A. Stent: *Putin's World: Russia and Its Leader through the Eyes of the West. Moscow, Intellectuálnaya Literatura, 2020, 390 p.* - is dedicated to the analysis of Russia's foreign policy of the first twenty years of the 21st century. The review highlights change in the conceptual approach to understanding Russian foreign policy behavior in the work of a well-known American political scientist. The author of the reviewed monograph highly appreciates the foreign policy achievements of the Russian Federation and the role of Vladimir Putin in the growth of the country's authority as a state that supports international stability, traditional values and the sovereignty of national states. It is concluded that in the context of a global decline in the influence of the "collective West" and the United States, new interpretations of the world order appear in the expert assessments of Western political scientists, in which issues of civilizational and cultural identity, history, ideology and worldview, and alternative models for understanding foreign policy reality have become increasingly important.

Keywords: Russian-American relations, Russia's role in the world, world politics, civilizational identity and Russia's geopolitical behavior

For citation: Surguladze V.Sh. American Political Science in Search of the Russian Idea. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture.* 2021; 51 (10): 109-113. DOI: 10.31857/S268667300016901-1

Анджела Стент – известный американский политолог, специалист по российско-американским отношениям, в разные годы занимала должности офицера Национальной разведки по России и Евразии в СНБ США, сотрудницы Отдела политического планирования в Государственном департаменте при администрациях У. Клинтона и Дж. Буша-младшего, в настоящее время является директором Центра исследований по Евразии, России и странам Восточной Европы и профессором факультета государственной и дипломатической службы Джорджтаунского университета. В России А. Стент известна прежде всего по вышедшей в 2015 г. монографии «Почему Америка и Россия не слышат друг друга? Взгляд Вашингтона на новейшую историю российско-американских отношений».

Новая работа видного американского специалиста по России примечательна кардинальной сменой парадигмы анализа внешней политики России. В своём исследовании 2015 г. А. Стент, как и многие другие американские авторы, объясняла особенности внешнеполитических действий Москвы «постимперским синдромом», однако в новой работе она отходит от ряда привычных тенденциозных оценок, обусловленных либеральной идеологией, через призму которой экспертное сообщество США привыкло рассматривать окружающий мир.

Рецензируемое исследование А. Стент по своей методологии значительно ближе работам Генри Киссинджера, отличительной особенностью которых является попытка анализа внешней политики в первую очередь с позиций политического реализма, императивов национальных интересов участников международных отношений.

Большая часть работы А. Стент посвящена двусторонним отношениям Российской Федерации с другими странами и группами государств: Германией (с. 3–108), НАТО (с. 109–134), постсоветским пространством (с. 135–165), Украиной (с. 166–194), Китаем (195–218), Японией (с. 219–239), государствами Ближнего Востока (с. 240–272) и собственно Соединёнными Штатами (с. 273–318).

По мнению А. Стент, внешнеполитическая привлекательность России для других государств тем более очевидна, чем менее надёжными и прогнозируемыми партнёрами становятся Соединённые Штаты. Автор высоко оценивает успехи России по взаимодействию с разнообразными межгосударственными структурами, позволяющими решать важные вопросы в обход стран Запада. Именно в данном ключе, в качестве эксклюзивного клуба незападных государств рассматривает А. Стент площадку международного сотрудничества в рамках БРИКС (с. 319). Отмечает политолог и роль России в ОДКБ и ЕАЭС.

Наиболее примечательными с точки зрения национальных интересов и внешней политики Российской Федерации разделами книги американского политолога являются главы, посвящённые попыткам ретроспективного анализа российской истории и особенностей присущей стране стратегической культуры и оценок собственного геополитического положения. Главы «Груз прошлого» (с. 22–34), «Русская идея» (с. 35–51), «Противоречивые европейцы» (с. 52–82) обращают на себя внимание тем, насколько сильно сменился фокус анализа политолога, в прошлом не отличавшегося ретроспективной глубиной стратегического мышления и в своих оценках исходившего из текущей внешнеполитической повестки США, с мессианской невозмутимостью навязывавших миру собственные идеологемы, не пытаясь вникать в «подробности» культурно-исторической и цивилизационной идентичности других субъектов международных отношений.

Удивительно, насколько сильно за пять лет изменилась тональность оценок американским политологом внешней политики России. По большому счёту «Мир Путина» в интерпретации А. Стент предстаёт настоящей летописью внешнеполитических триумфов. Внимание исследователя к историческому прошлому России – очередное свидетельство перехода современных международных отношений в новую постамериканскую и постзападную эру. Не так давно Барак Обама называл Российскую Федерацию «региональной державой» (с. 16), и А. Стент вполне в русле этой оценки описывала «безосновательность» притязаний России на признание её интересов, позволяя себе привычные обороты вроде рассуждений о «нормальной» стране, которой Россия «должна» стать. Сегодня политолог констатирует, что России, несмотря на многочисленные проблемы социально-экономического развития, удалось занять место великой державы, и объясняет создавшееся положение целеустремлённостью российского президента и виртуозными способностями российской дипломатии использовать в собственных интересах многочисленные внешнеполитические ошибки США.

Важным является признание А. Стент провала попыток «коллективного Запада» изолировать Россию, признание политологом того факта, что большая часть государств мира имеет со страной вполне гармоничные и взаимовыгодные двусторонние отношения (с. 17, 319 и др.).

Заключительная глава книги американского специалиста по международным отношениям называется «Какого рода взаимодействие возможно с Россией?». Ответ на поставленный вопрос закономерен, автор предлагает уже привычные взаимоотношения с Западом времён холодной войны: сдерживание и ограниченное сотрудничество по наиболее актуальным вопросам глобальной повестки. По мне-

нию автора, «изоляция России и отказ от ведения с ней дел, каким бы привлекательным это ни казалось некоторым, – не рабочий вариант» (с. 335).

По мнению А. Стент, за два десятилетия В.В. Путину удалось сделать национальную идею руководящим принципом внешней политики государства, обосновать концепцию российской цивилизационной исключительности и евразийской геополитической судьбы, успешно позиционировать Россию в качестве оплота традиционных ценностей и державы, борющейся за принципы международного права, политическую стабильность и защиту суверенитета национальных государств.

Автор, которая недавно писала о том, что притязания России на признание собственных национальных интересов необоснованны и неприемлемы, сегодня отмечает, что «неожиданность» действий российского президента для Запада – только следствие того факта, что Запад не относился серьезно к заявлениям В.В. Путина, который настойчиво и открыто сообщал и предупреждал о своих намерениях (с. 334).

«Мир Путина» А. Стент заставляет задуматься о существующем в аналитических структурах и научно-практических организациях прискорбном разрыве между тактическими и стратегическими оценками. К сожалению, текущая политическая конъюнктура, как правило, вытесняет действительно долгосрочный, стратегический анализ международного положения. Две изданные на русском языке работы А. Стент в этом отношении весьма характерны. В «Искусстве управления государством» Маргарет Тэтчер писала о том, что Россия обречена быть великим геополитическим игроком, ради соблюдения интересов которого целесообразно обеспечить стране зону исключительных внешнеполитических интересов, в частности не предлагать членства в НАТО Украине [Маргарет Тэтчер, 2003]. Анализируя перипетии российской истории XX столетия, автор сингапурского «экономического чуда» Ли Куан Ю также указывал на то, что нельзя списывать со счетов страну с такой богатейшей историей и культурой. Характерно, что идейный вдохновитель политики сдерживания и «доктрины Трумэна», автор знаменитой «длинной телеграммы» об истоках советского внешнеполитического поведения Джордж Ф. Кеннан выступал против расширения НАТО. О преемственных закономерностях социокультурного, социально-экономического и политического развития Советского Союза и исторической России писал Арнольд Тойнби [см., напр.: Византийское наследие России // Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории: сборник. 2-е изд. М.: Айрис-пресс, 2003. – 592 с. С. 369–381] и многие другие специалисты. Однако указанные авторитетные оценки известных учёных, по-видимому, оказались востребованы только теперь. В этом контексте кажется странным и не может не вызывать сожаления тот факт, что влиятельные представители американского экспертного сообщества, к которым, несомненно, относится и А. Стент, обратили внимание на данные фундаментальные, долгосрочные тенденции только теперь, в период упадка глобального влияния Запада, когда он стал не способен навязывать собственную политическую волю и социокультурные ценности и оценки другим.

А. Стент удалось написать интересное и довольно разностороннее комплексное исследование внешней политики России, которое, без сомнения, заслуживает внимания историков, политологов и специалистов по международным отношениям. Однако наибольший интерес эта работа представляет в сравнительном контексте оценок внешней политики России западными, прежде всего американскими, авторами. Для работ А. Стент, равно как и для исследований других американских специалистов (здесь уместно вспомнить работу Дж. Голдгейра и М. Макфола «Цель и средства. Политика США в отношении России после “холодной войны”»¹), было характерно до сих пор не изжитое чувство мессианской вседозволенности, превосходства, оценок других государств исключительно с точки зрения интересов и ценностей Запада и позиции игнорирования требований остального мира на признание права на существование и уважение незападных культур и ценностей. Однако на глазах происходит тектонический сдвиг, прежде всего в мировоззрении элит и экспертного сообщества «коллективного Запада» – понимание того, что в условиях экономического и политического упадка, а также явного кризиса либерализма и мультикультурализма «западные ценности» и притязания на универсальность становятся всё менее очевидны даже для самих представителей Запада, которые для объяснения собственных внешнеполитических просчётов всё чаще вынуждены обращаться к идейному наследию сторонников культурно-исторического, цивилизационного подхода к анализу социально-политических процессов, в частности в «Русской идее», российской истории и культуре искать корни «неисправимости» внешнеполитического поведения Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА

Маргарет Тэтчер. Искусство управления государством. Стратегии для меняющегося мира / Пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2003. – 504 с.

REFERENCES

Margaret Thatcher. *Statecraft: Strategies for a Changing World*. Harper Perennial. 2003. – 512 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

СУРГУЛАДЗЕ Вахтанг Шотович, кандидат философских наук, докторант Департамента политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. Российская Федерация, 125993, Москва, Ленинградский проспект, д. 49.

Vakhtang Sh. SURGULADZE, Candidate of Sciences (Philosophy), Doctoral Candidate at the Department of Political Science of the Financial University under the Government of the Russian Federation. 49, Leningradskiy prospect, Moscow, 125993, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию / Received 17.06.2021.

Статья поступила после рецензирования / Revised 1.07.2021.

Статья принята к публикации / Accepted 9.07.2021.

¹ Рецензию на книгу см.: Бондарев В.В. "Либералы" или "реалисты"? США ❖ Канада: экономика, политика, культура. 2010, № 1, с.114–118.

УДК 821.111(73)

DOI: 10.31857/S268667300016902-2

**Кризис идентичности в еврейской
американской литературе
(на примере рассказа Б. Маламуда «Беженец из Германии»)
А.Н. Себрюк**

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Российская Федерация, 101000 Москва, ул. Мясницкая, 20

ORCID: 0000-0003-1601-5787

e-mail: sebryuk.anna@gmail.com

Резюме: Вопросы поиска идентичности и проблемы самоидентификации всегда находились в центре творчества американских писателей еврейского происхождения. Такие непревзойдённые мастера художественной литературы США, как Бернард Маламуд, Сол Беллоу и Филип Рот, обращаются в своих произведениях к теме еврейской американской идентичности и затрагивают вопросы изгнанничества, ассимиляции, поиска своего предназначения в жизни, тягот и невзгод иммигрантской жизни. На материале рассказа Бернарда Маламуда «Беженец из Германии» (*The German Refugee*) в статье затрагивается тема отражения «постхолокостного» сознания в американской литературе. Рассматриваются проблемы кризиса личности и потери идентичности, исследуются особенности психологизма главного героя произведения, а также предпринимается попытка объяснить основные причины, в конечном итоге приведшие его к самоубийству. Несмотря на то, что Б. Маламуд в своих произведениях не обращался к теме Холокоста напрямую, он, как и многие послевоенные американские писатели, был глубоко им затронут. Важность его творчества для литературы о Холокосте заключается в его реалистическом отображении того, как катастрофа продолжает сказываться на выживших, беженцах и тех евреях, которые физически не пострадали от него.

Ключевые слова: литература США, самоидентификация, идентичность, еврейская американская литература, постхолокостное сознание

Для цитирования: Себрюк А.Н. Кризис идентичности в еврейской американской литературе (на примере рассказа Б. Маламуда «Беженец из Германии»). *США & Канада: экономика, политика, культура* 2021; 51 (10): 113-126.

DOI: 10.31857/S268667300016902-2

**The Loss of Self and Identity Crisis
in Jewish American Literature:
The Case of Bernard Malamud's *The German Refugee*
Anna N. Sebryuk**

HSE University

20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation

ORCID: 0000-0003-1601-5787

e-mail: sebryuk.anna@gmail.com

Abstract: The search for identity and self-identity problems have been one of the pivotal themes for Jewish American authors. Prominent writers such as Bernard Malamud, Saul Bellow and Philip Roth explore American Jewish identity and address the questions of assimilation, the hardship of immigrant life, challenges of cultural acceptance, and finding purpose in life. In particular they are concerned with the self-identification and alienation of American Jewry. The given paper examines the problems of personality crisis and loss of identity portrayed in Bernard Malamud's story "The German Refugee". The psychological aspects of the main character's personality are investigated, an attempt is made to analyze the factors that determined the crisis, which ultimately led him to suicide. The author also touches upon the topic of the post-Holocaust consciousness in Jewish American literature. Despite the fact that Malamud did not address the Holocaust theme in his works directly, he, like many post-war American fiction writers, was deeply impacted by it. The importance of Malamud's writing for Holocaust literature lies in his realistic portrayal of how the Shoah continues to affect survivors, refugees and those Jews who were not physically affected by it.

Keywords: American literature; Jewish American literature; self-identification; identity; identity crisis; post-Holocaust consciousness

For citation: Sebryuk Anna Nabievna. The Loss of Self and Identity Crisis in Jewish American Literature: the Case of Bernard Malamud's The German Refugee *USA & Canada: Economics, Politics, Culture* 2021; 51 (10) 113-126. DOI: 10.31857/S268667300016902-2

ВВЕДЕНИЕ

В границах литературы США сосуществуют литературы, создаваемые представителями различных этносов и рас, объединённых английским языком и принадлежностью к американской нации. Ввиду того, что тема мультикультурализма в США за несколько прошедших десятилетий стала уже традиционной в гуманитарных и социальных науках, фокус исследователей переключился с одного лишь признания существования этнической литературы на специфику её развития. Так, в центре современного американского литературного дискурса оказались отношения и связи между культурами, проблемы самоидентификации, культурной и этнической идентичности.

Англоязычная еврейская литература, сложившаяся в XX веке, представляет собой литературное отражение как специфически еврейского жизненного опыта, так и общечеловеческих тем и проблем. Авторы, относящиеся к еврейской американской литературе, оказывают значительное влияние на весь современный национальный литературный процесс США.

Целью исследования является рассмотреть, как постхолокостное сознание и проблема личностного кризиса и потери идентичности реализуются в творчестве американских писателей еврейского происхождения, а именно Бернарда Маламуда, по праву принадлежащего к плеяде классиков современной литературы США.

Актуальность темы настоящего исследования обусловлена, с одной стороны, неослабевающим исследовательским интересом к специфике еврейской американской литературе как одной из самых самобытных составляющих национальной литературы США, так и к вопросам идентичности и самоидентификации. Необходимо также отметить, что в отличие от других этнических литератур США (например, чиканос, афроамериканской и азиатскоамериканской) еврейская американская литература всё ещё остается на периферии российского литературоведения и, несмотря на широкую известность Бернарда Маламуда в Западной Европе, читатели России долгое время не были знакомы с его творчеством.

Прежде чем переходить к непосредственному предмету обсуждения, необходимо кратко охарактеризовать особенности еврейской американской литературы.

ЕВРЕЙСКАЯ АМЕРИКАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Как известно, на смену идеологии «плавильного котла», согласно которой формирование американской идентичности должно происходить в результате стирания национальных различий и «смешивания» всех народов, проживающих в США, пришла «теория многообразия», легитимизирующая темы и дискурсивные практики различных национальных культур. Большинство западных и российских исследователей под национальной литературой имеют в виду американскую, которая охватывает литературы, создаваемые представителями различных рас, этносов, религиозных конфессий, социальных групп и т.д. [Карасик О.Б., 2015: 3].

Творчество писателей еврейского происхождения обратило на себя внимание американских специалистов в 60–е годы XX века и уже спустя десятилетие стало считаться самобытным, хотя и не обособленным явлением в литературном пространстве США. Его истоки находятся в литературе на идише, основоположниками которой были М. Мойхер-Сфорим, И. Л. Перец и Шолом Алейхем. Историческими предпосылками, обусловившими специфику современной еврейской культуры, явились такие процессы и события, как дискриминация евреев в Восточной Европе, в частности в Российской империи, существование черты оседлости, погромы, массовая эмиграция конца XIX - начала XX века, так называемые «еврейские процессы», Вторая мировая война и Холокост [Карасик О.Б., 2015: 21].

Для еврейской американской литературы, как и в целом для мультикультурной, вопросы идентичности и инаковости были всегда особенно актуальны. Двойная идентичность — американская и еврейская — во многом и обусловила самобытный характер творчества писателей еврейского происхождения [Marovitz S., 1988: 315].

Развитие еврейской американской литературы идёт параллельно с историей еврейской иммиграции. Сначала она в основном отображала трудности иммигрантской жизни, затем последовавшее стабильное, но несколько отчуждённое существование еврейского среднего класса и, наконец, извечную моральную дилемму еврейского сообщества: выбор между ассимиляцией и возрождением традиций. Конфликт между соблюдением еврейских традиций и ожиданиями американской культуры часто разрешался в пользу последней, хотя и не без смешанных чувств [Berger A., 1980: 221]. Произведения Сола Беллоу, Бернарда Маламуда и Филиппа Рота наглядно иллюстрируют этот феномен двойственности. Авторы, чьё творчество пришлось на 1950-е, 1960-е, и 1970-е годы, в своих произведениях дают слово американскому еврею, который стремится влиться в мейнстрим, стать своим в американском социуме [Grauer T., 2003]. Поднимаются темы трагедии изгнанничества, тягот и невзгод иммигрантской жизни, поиска своего предназначения в жизни. В основном, персонажи их произведений — это или иммигранты, пытающиеся устроиться в чужой стране, или те, кто несмотря на то, что родились в США и считают себя американцами, находятся в трудном поиске своей этнической принадлежности, страдая от чувства отчуждённости и одиночества.

Тема Холокоста и литература о нём являются одной из центральных в американистике. Тот факт, что американские евреи не были непосредственными жертвами Катастрофы, обусловил специфику её восприятия и осмысления в еврейской американской литературе [Карасик О.Б., 2015: 11]. Стоит отметить, что тема Холокоста иногда рассматривается не только на фоне социальных проблем человечества, но и через призму экзистенциального одиночества.

Дискурс американских писателей еврейского происхождения о Холокосте начался относительно поздно и с течением времени претерпел ряд изменений, однако постоянной его составляющей был фокус на тех, кто пережил Холокост, а также беженцев. Начиная с конца 1950-х и 1960-х годов, появился новый тип американского эмигрантского романа, в котором проявлялось так называемое «отсроченное осознание Холокоста» [Seidman Bilik D., 1981: 3]. В этих произведениях выживший в Катастрофе еврей-иммигрант «исполнен моральной силой и волей к сохранению и передаче в американской диаспоре того еврейского наследия, которое было трагически уничтожено в Европе [Seidman Bilik D., 1981: 5]. Такой герой представлен современной светской версией цадика (набожного и благочестивого человека) из традиционной литературы на идише и иврите, который служит моральным примером для других.

В первые послевоенные годы выжившие обычно воспринимались довольно негативно. Их характеризовали как вечных жертв, «ходячих трупов» или «человеческих обломков», которые выжили «благодаря своей хитрости и животным инстинктам», а не благодаря стойкости и другим положительным качествам [Novick P., 1999: 68-69]. Соответственно, подобный негативный образ переживших Холокост мешал американским евреям идентифицировать себя с ними. До конца 1950-

х годов тема Катастрофы редко поднималась в обществе. Однако к 1970-м годам, «Холокост переместился в центр американской культуры» [Novick P., 1999: 112]. Этому способствовало как ослабление холодной войны, так и публичность судебных процессов над Эйхманом, но, вероятно, наиболее значительным событием в данном случае стала ошеломляющая победа Израиля в Шестидневной войне и войне Судного дня (можно указать годы): образ евреев-военных героев начал ослаблять стереотип о евреях как слабых и пассивных жертвах [Lipstadt D., 1996: 196].

Другой причиной изменений в восприятии Холокоста были опасения американских евреев относительно выживания своей нации перед лицом ассимиляции и смешанных браков. Отождествление себя с жертвами и оставшимися в живых способствовало укреплению еврейской этнической солидарности. Для подавляющего большинства нерелигиозных американских евреев Холокост стал центральным символом еврейской идентичности [Novick P., 1999: 171].

Американские писатели еврейского происхождения оказались в сложном положении в послевоенное время – они не были непосредственными свидетелями Катастрофы [DeKoven Ezrahi S., 1980: 179-180]. Те авторы, которые решались затрагивать тему Холокоста, должны были найти особые литературные средства для выражения своей отдалённости от опыта европейских евреев и второстепенности собственной точки зрения. Они также дистанцировались от более ранних изображений выжившего как квинтэссенции жертвы и морального героя и представили гораздо более сложную картину, опровергавшую распространённые стереотипы.

ТВОРЧЕСТВО Б. МАЛАМУДА И ПРОБЛЕМА ИДЕНТИЧНОСТИ

Бернард Маламуд (Bernard Malamud, 1914–1986) – известный американский писатель и педагог, родившийся в Нью-Йорке в семье еврейских иммигрантов из царской России. Художественная проза Б. Маламуда была удостоена многих литературных премий мира, а с 1988 г. его имя носит престижная американская награда за выдающиеся достижения в жанре короткого рассказа. В западной американистике его прозе посвящено большое количество исследований, однако в российском литературоведении она до сих пор остаётся малоизученной. Можно выделить лишь исследовательские работы И.А. Бельцер [2009], посвящённые романному творчеству писателя.

Долгое время Б. Маламуд, С. Беллоу и Ф. Рот считались сугубо еврейскими писателями, которых беспокоят проблемы, история и традиции исключительно одного народа. Тем не менее каждому из этих авторов не нравилось, что его считают только еврейским писателем. Б. Маламуд «универсализирует» евреев, их культуру и религию, показывая, что основные проблемы, ценности и устремле-

ния у всех народов одинаковы [Abramson E., 1994: 146]. Он «подчёркивал, что «избранность» означает не что иное как «показательность». Такая позиция совпадает с основной идеей Танаха - еврейский народ «избран» не потому, что он особенный, а потому что «ему доверился Всевышний» и на его примере всё человечество сможет попытаться понять, что представляется главным в жизни человека» [Бельцер И.А., 2009: 153-154]. Примером универсальности затронутых писателем тем может послужить мотив страдания, являющийся одним из основных в его творчестве. В своих произведениях Б. Маламуд показывает, что страдание дает ключ к пониманию чужой боли и чужого несчастья. Это тяжкий труд души, который может как сломать человека, так и сделать его более чутким и сострадательным к другим. В восприятии автора страдание универсально, оно находится вне национальности и религиозной принадлежности.

Как писателя послевоенного периода Б. Маламуда особенно беспокоила борьба иммигрантов еврейского происхождения за восстановление своей утраченной идентичности или построение новой. Персонажи Маламуда – это скитальцы, лишённые дома, карьеры, дохода, языка, семьи и друзей, а зачастую и веры. Однако стоит отметить, что непосредственно беженцы от Холокоста редко являются героями его произведений [Seidman Bilik D., 1981: 49]. Один из таких персонажей встречается в рассказе «Беженец из Германии».

Все мысли, чувства, настроения героев Б. Маламуда проявляются так или иначе в связи с необходимостью определения собственного жизненного пути, основанного на таких фундаментальных вопросах человеческого бытия, как: в чём смысл жизни, кто я, куда я иду, во что я верю, чем я дорожу?

В своём исследовании мы опираемся на социально-психологические концепции Э. Эриксона и Э. Фромма. Понятие идентичности определяется как «психологическое представление человека о своём «Я», характеризующееся субъективным чувством своей индивидуальной самоидентичности и целостности; отождествление человеком самого себя с теми или иными типологическими категориями: социальным статусом, полом, возрастом, ролью, образом, нормой, группой, культурой и т.п. [Левит С.Я., 1998: 238].

Немецкий ученый-психолог Эрик Эриксон рассматривал понятие «идентичность», как внутреннюю непрерывность и тождественность индивида, которые формируются в процессе развития и выполняют адаптивные функции. Он считал, что личность на протяжении жизни преодолевает ряд психосоциальных кризисов. Триггером для личностного кризиса может послужить сильный стресс и сильные перемены в жизни, как например, потеря или смена работы, расставание, утрата близкого человека, проблемы со здоровьем, любой травмирующий опыт или потрясение. Кризис идентичности, безусловно, можно отнести к самым болезненным жизненным переживаниям [Лысак И.В., 2017: 133-134].

В отечественной культурологии под «идентичностью» понимается «тождество», следовательно, самоидентичность есть тождество человека самому себе,

осознание человеком своей принадлежности к какой-либо социокультурной группе. В самом общем понимании это принимаемый человеком образ себя, независимый от изменяющихся, зачастую негативных, внешних обстоятельств [Неронов А.В., 2011:248]. Поиск собственной идентичности представляет собой жизненно важную потребность человека.

Американский философ и психоаналитик Эрих Фромм основывает свою теорию личности на двух главных экзистенциальных потребностях человека: потребности в свободе и потребности в принадлежности к социуму, в обрастании корнями. Он придавал огромное значение социальному окружению как важнейшему фактору развития личности. Принадлежность человеку всеобщему является необходимым условием для становления целостной личности.

Главному персонажу рассказа «Беженец из Германии» Оскару Гасснеру примерно 50 лет, что, согласно теории Э. Эриксона о возрастных кризисах, приходится на период подведения итогов, оценки результатов.

«БЕЖЕНЕЦ ИЗ ГЕРМАНИИ»

Рассказ Бернарда Маламуда «Беженец из Германии» впервые был опубликован в 1963 г. В силу своей многоплановости и внутренней философии он требует чрезвычайно внимательного и тщательного чтения. В короткой прозе писателя данное произведение интересно по нескольким причинам. Во-первых, это один из немногих рассказов, где Б. Маламуд расширяет узкие рамки повествования от первого лица. Во-вторых, в рассказе явно прослеживается поворот к социополитическим темам и попытка определить связь между частной, личной моралью и общественными событиями; автор также позволяет теме Холокоста проявиться на общем фоне жизней его персонажей. Построение сюжетной линии жизни Оскара идёт параллельно с мировой историей: автор проводит параллель между драматическими событиями в Европе и личным опытом Оскара в Нью-Йорке летом 1939 года.

Сюжет повествует о мучительных попытках Оскара Гасснера, 50-летнего беженца из Берлина, еврея по национальности, журналиста и газетного критика, подготовить и прочитать вводную лекцию на английском языке в Нью-Йоркском Институте общественных наук, где ему предложили вести курс по литературе периода Веймарской Республики.

Под руководством Мартина Голдберга, 20-летнего студента колледжа и рассказчика, согласившегося давать ему уроки английского, Оскар на протяжении всего лета, преодолевая острые периоды отчаяния, изо всех сил пытается подготовить свою первую лекцию о влиянии Уолта Уитмена на немецкую поэзию. *«Это же нефосмино! Я не умель сказать два слов. Я не умель происносить! Я буду стоять как*

дурак»¹, – повторял он, всё больше и больше поддаваясь меланхолии [Идиоты первыми. 1993].

Страдая от своего рода писательского блока, он не может написать ни строчки ни на английском, ни на немецком. В конце концов, благодаря Мартину, который постепенно искренне привязался к своему ученику, лекция была подготовлена и успешно прочитана. Однако спустя два дня молодой человек узнает о самоубийстве Оскара – именно тогда, когда казалось, что жизнь, наконец, начинает налаживаться. В вещах покойного Мартин находит письмо от его свекрови, в котором она сообщает, что после отъезда Оскара в Америку, его жена, в попытке доказать ему свою преданность, приняла иудаизм, и вскоре была арестована и убита нацистами.

С самого начала рассказа Маламуд воссоздает гнетущую атмосферу неустрашенности и одиночества, окружающую главного героя. Очевидно, что рассказчик воспринимает Оскара как человека, который ведёт собственную внутреннюю войну, в то время как за океаном возгорается другая – Мировая война.

Как и многие немецкие евреи, которым пришлось смириться с потерей своей прежней идентичности, образа своего «Я», Оскар Гасснер не может понять, как нацистская Германия могла отнять у него, немца, право жить среди немцев. Нацисты «переопределили» его, присвоили ему другое «Я» – он больше не немец еврейского происхождения, а просто еврей, «недочеловек». Это ставит его в невыносимое положение, так как немецкий – это его родной язык, а также основа его успешной карьеры.

На наш взгляд, главным образом-символом в рассказе является язык, потеря языка означает потерю личности. Как известно, язык – это не только инструмент общения, но и система поведенческих норм и культурных ценностей, из которых строится самоидентификация человека, одно из основополагающих средств самоидентификации личности. Потеря языка является потерей идентичности [Fishman J., 2001]. Самоопределение и самооценка эмигранта напрямую зависят от его способности общаться на иностранном языке. Б. Нортон (1997) утверждает, что каждый раз, когда те, кто изучает какой-либо язык вступают в общение, они не только обмениваются информацией со своими собеседниками, но также постоянно организуют и реорганизуют ощущение того, *кто* они есть и *как* они взаимосвязаны с окружающим миром.

Оскар – не первый ученик Мартина из числа немецких беженцев. Но поскольку сам Мартин никогда не оказывался в подобной ситуации, то он может только попытаться рационально понять то, через что в жизни должны были пройти иммигранты. *«Для людей, привыкших четко выражать свои мысли, самой большой потерей была именно потеря языка – то, что они не могут высказать все, что у*

¹ Идиоты первыми: [Рассказы]. [Электронный ресурс]: Пер. с англ. / Бернад Маламуд; [Сост. и авт. предисл. А. Зверев]. 1993. М.: Ex libris. URL: <https://avidreaders.ru/book/idioty-pervymi.html> (дата обращения: 10.06.2021).

них накопилось внутри. Мысли приходят тонкие, интересные, а слова похожи на бутылочные осколки. Конечно, кое-как общаться с другими они могли, но для них это было просто мучением. То же самое случилось с Оскаром. И у него было это жуткое ощущение безъязыкости» [Идиоты первыми. 1993].

Оскар сбежал от Гитлера, но не смог сбежать от языка. Он разговаривает сам с собой шёпотом на немецком, не замечая этого, но тем не менее называет этот язык «грязным», «мерзким» и всячески проклинает его. Он утверждает, что ненавидит Германию и немцев, сравнивая их со «свиньями в маске павлинов». *«На вымученном английском он пытался передать свою напряжённую и неистребимую ненависть к нацистам за то, что они разрушили его карьеру, вырвали его с корнем из привычной полувековой жизни и швырнули куском кровавого мяса на съедение коршунам»* [Идиоты первыми. 1993]. На корявом английском он поведал мне о своей лютой ненависти к нацистам за то, что они загубили его карьеру, лишили его нормальной жизни и кинули на растерзание хищникам, словно кусок сырого мяса». В то время, как его слова предполагают, что он хочет навсегда забыть всё, что связано с Германией, его тяжёлый немецкий акцент наглядно демонстрирует сложность порвать с родным языком. Несмотря на отчаянные попытки уйти от немецкого, он продолжает оставаться неотъемлемой частью его внутреннего мира. Видя это, Мартин не удивляется, когда сразу же после потока проклятий и ненависти в адрес своего родного языка, Оскар начинает писать по-немецки. *“Писал он, разумеется, по-немецки”* [Идиоты первыми. 1993]. В данном случае, употребляя слово *конечно*, рассказчик показывает, что использование родного языка для Оскара не вопрос выбора, а само по себе неизбежно.

Описание отношений Оскара с английским иллюстрирует его отчаяние. Рассказчик выразительно описывает борьбу своего ученика с английским, используя выражения, ассоциирующиеся с тюрьмой: *«То немногое, что он должен был сказать, было на вымученном и скованном английском»* [Malamud V. 1997:360]. Прилагательное *скованный* чётко подразумевает ограниченные возможности Оскара изъясняться на английском. Слово *вымученный* явственно передаёт ту боль, которую Гасснер испытывает из-за неспособности свободно выражать свои мысли на этом языке. Когда Оскар сравнивает себя с «куском кровоточащего мяса», он предстаёт перед читателем беспомощной жертвой, в которую он превратился вследствие того, что у него отняли дар слова, его профессиональную способность изъясняться свободно и выразительно. Отчасти его страх перед выступлением вызван и нежеланием продемонстрировать свои недостатки перед другими.

Отказ от родного немецкого языка и усилия выучить английский приобретают символический характер — Оскар при помощи Мартина пытается сбежать от руин своего прошлого в упорядоченное и осмысленное будущее. Он хочет отделиться от своих корней, научившись говорить по-английски и забыв немецкий. Однако в конце концов оказывается, что Оскар боролся не за новую жизнь и будущее, а за иллюзии своей прошлой жизни.

Отдельного внимания заслуживает отношение Оскара к жене. В целом он считал свой брак несчастливым. Гасснер был женат на немке на протяжении 27 лет, но, по его словам, *«у нее было двойственное отношение к их еврейским друзьям и к его родным, хотя она как будто была человеком без предрассудков»* [Идиоты первыми. 1993]. Её мать, его свекровь вообще была *«злостной антисемиткой»*. Однако все эти утверждения не подтверждались никакими фактами, и Мартин должен был верить ему на слово. Кажется странным, что при таких обстоятельствах их отношения длились столько лет.

Обоснование «дезертирства» Оскара двойко: *«Я уверен, что моя жена в глубине души ненавидела евреев»* [Malamud B. 1997:365].

Оскар постоянно пытается эмоционально дистанцироваться от родины, убеждая себя в том, что все немцы, включая его собственную жену, – нацисты. Однако мы видим, что на уровне подсознания он знает, что всё намного сложнее. Гасснер с тяжёлым сердцем поведал Мартину об одном из своих ночных кошмаров, который, как оказалось впоследствии, предвещал трагическую развязку. Однажды ему приснилось, что *«он будто бы вернулся в Германию повидаться с женой. Дома ее не оказалось, и его направили на кладбище. И хотя там на памятнике стояло другое имя, он знал, что это ее кровь сочится сквозь землю из неглубокой могилы»* [Идиоты первыми. 1993].

Сон Оскара, безусловно, говорит о том, что в глубине души он скучал по жене и беспокоился о её судьбе. Через сны Б. Маламуд раскрывает внутренний конфликт Оскара, его моральные мучения, чувство вины, а также исследует глубинные мотивы его поступков. Во сне его жена похоронена под незнакомым именем. Когда он узнает о её реальной гибели, ему приходится осознать, что и в реальной жизни он не знал свою жену по-настоящему. Из письма от свекрови он узнает, что его жена приняла иудаизм после того, как он бросил её, и затем она была застрелена нацистами вместе с евреями, поляками и цыганами.

В контексте её обращения в иудаизм и смерти, цитата из её последнего письма становится более понятной. Когда рассказчик нашёл это письмо, единственное предложение, которое он смог разобрать было: *«Двадцать семь лет я хранила верность тебе»* [Идиоты первыми. 1993] Рассказчик не комментирует эту фразу – смысл этого оторванного от остального текста предложения не очень-то ему понятен. То обстоятельство, что Фрау Гасснер переходит в иудаизм именно в то время, когда это означает неминуемую опасность для жизни, демонстрирует её попытку доказать свою преданность мужу на деле. Слово *faithful* («хранила верность») отражает её положительное отношение к еврейству мужа. Тем самым она показывает, что делила свою жизнь с ним в более глубоком смысле, чем он себе это представлял. В то время, пока её муж подозревает в ней скрытые предрассудки в отношении евреев, она решает разделить с евреями их трагическую судьбу.

Когда Оскар, в конце концов, узнаёт настоящую сущность своей преданной

жены, он вынужден признаться себе, что его подозрения были беспочвенны и косвенно стали причиной её смерти. Гибель жены и горечь раскрывшейся правды стали последней каплей, приведшей его к самоубийству. Оскар вдруг осознает, что совершил роковую ошибку, упрощая правду и причисляя всех немцев к нацистам. Оказалось, что именно он, а не его супруга был человеком, полным предрасудков и неприязни к *Другому* только на почве национальности. Также, на наш взгляд, её обращение в еврейскую веру можно рассматривать и как сознательную попытку выразить несогласие с антисемитским правительством Германии. Она пожертвовала собственной жизнью, чтобы не предавать общечеловеческие принципы и ценности. Оскар же, напротив, очень легко порвал связь со своей родиной и народом. Более того, он был так глубоко погружён в собственные проблемы и жалость к себе, что не смог оценить истинное положение дел в стране.

Время чтения лекции совпадает с падением Варшавы. Наивность романтического идеализма его любимой поэзии сочетается с наивностью его политического анализа. В своей лекции Оскар читает отрывки из «Песни о себе», занимающей центральное место в сборнике «Листья травы», своего рода поэтическом манифесте У. Уитмена, вся философия которого строится на гуманистических взглядах. Его творчество пронизано непоколебимой верой в демократию, идеями о братстве (*Brudersmensch*) и природном равенстве всех людей [Erkkila B., 2020]. Одна из ключевых тем в поэме «Песнь о себе» – это чествование, празднование самого себя, демократии и духовных связей, которые, по мнению У. Уитмена, связывают его со всем человечеством, природой и со вселенной в целом. Несоответствие действительности и этих утопических романтических идеалов ощущается настолько остро, что даже Мартин предлагает Оскару сменить тему лекции, задавая вопрос: «Как можно писать об Уолте Уитмене в такие ужасные времена?» [Идиоты первыми. 1993].

Согласно трактовке Гасснера, немецкие поэты переняли от У. Уитмена идеи о всемирном братстве людей, объединяющей силе любви и товарищества. Фраза рассказчика – «Оскар прочитал эти слова так, как будто верил в это» [Идиоты первыми. 1993], подразумевает, что Гасснер больше не верит в эти слова. Поэзия больше не поддерживает его дух. «Пала Варшава, но в этих стихах была какая-то защита» [Идиоты первыми. 1993]. Он понимает, что Оскар разуверился в своих идеалах и пал духом.

Всё, во что Гасснер верил, и всё то, что считал незыблемым, рухнуло. Германия времен Веймарской Республики с её небывалом расцветом в науке и искусстве, свободными взглядами, отсутствием цензуры превращалась на его глазах в тоталитарную диктатуру, стремящуюся подчинить себе мир.

В итоге, Оскару пришлось признаться самому себе и в том, что он предал воспеваемые им всю его жизнь идеи гуманизма и братства людей. Он не продемон-

стрировал никаких качеств того самого братства даже по отношению к своей собственной жене. Взгляды, на которых он строил свою лекцию, оказались несостоятельными.

Оскар понял, что тот, кто действительно воплотил на практике идеалы товарищества и братской любви, так это его юный учитель. Чувства Мартина к Оскару переросли отношения между учителем и учеником. Он искренне привязался к нему и глубоко за него переживал. Оставляя в предсмертной записке всё свое имущество Мартину, Оскар тем самым хотел выразить ему свою благодарность. В отличие от него самого, Мартин не потерпел крушение собственных иллюзий. Узнав горькую правду о самом себе, от себя, Оскар не в силах ни утешить себя, ни оправдать.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В отличие от преобладающего в американской еврейской литературе 1960-х годов образа, переживших Холокост, персонаж Оскара Гасснера не изображён как образец моральной стойкости или героического поведения. Он предстает, скорее, как печальная и жалкая фигура, влекущая своё существование, но не способная *жить*, поскольку вся основа его жизни была разрушена нацистами. Такое изображение соответствует времени действия в рассказе (1939 год) и образу выживших как «живых трупов», широко распространённому в 1940-х годах. Вместо того чтобы представить своего беженца в качестве назидательного примера, как это было принято в 1950-1960-х годах, Б. Маламуд изображает его слабым человеком без твердых нравственных основ и чётких моральных убеждений. В конце концов, не утрата его родной страны или языка, а именно чувство вины по отношению к жене, приводит его к самоубийству.

Б. Маламуд воссоздает психологический мир центрального персонажа, лишённого внутренних сил и переполненного разочарованностью. Он косвенно передает самоанализ Гасснера, чьи высказывания не развернуты, а скорее облечены в форму кратких замечаний. Даже через немногословность и недосказанность, иногда через подтекст, автору удалось искусно раскрыть трагедию потерянного «Я». В ходе повествования его интересует, как Оскар Гасснер пытается преодолеть своё угнетенное душевное состояние; он старается проникнуть в мир переживаний своего героя и понять какие мысли и чувства одолевают и гнетут его.

Внутренний кризис и острое чувство собственной никчёмности побуждают Оскара к оценке своей жизни и размышлениям о её смысле. Болезненно ощущая потерю идентичности, человек, как правило, начинает искать спасения в своём прошлом, пережитых событиях, памяти. Однако в случае Оскара Гасснера все опоры его прошлой жизни потерпели крушение. Несоответствие его представлений об окружающем мире с реальностью порождает в нем душевный разлад. Придавленный собственными слабостями и страхами, не выдержав внутренних

противоречий и сознания вины, Оскар совершает самоубийство. Можно также предположить, что жизнь среди возрастающего немецкого антисемитизма ослабила дух Оскара ещё задолго до того, как он уехал из Берлина. Отравившись газом на собственной кухне в Нью-Йорке, он косвенно тоже стал жертвой Холокоста.

Рассказ Б. Маламуда – убедительная история о последствиях Холокоста даже для тех, кому удалось избежать преследований и физического уничтожения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бельцер И.А. 2009. Романное творчество Бернарда Маламуда: поиски идентичности: диссертация кандидата филологических наук 10.01.03 [Место защиты: Самарский государственный педагогический университет]. Самара, 196 с.

Идиоты первыми: [Рассказы]. Пер. с англ. / Бернард Маламуд; Сост. и авт. предисл. А. Зверев. 1993. М.: Ex libris. Available at: <https://avidreaders.ru/book/idioty-pervymi.html> (accessed 10.06.2021).

Карасик О.Б. 2015. Эволюция творчества американских еврейских писателей второй половины XX - начала XXI веков: автореферат кандидата филологических наук: 10.01.03 [Место защиты: Казанский (Приволжский) федеральный университет]. Казань, 37 с.

Левит С.Я. 1998. Культурология. XX век: энциклопедия. Санкт-Петербург.: Университетская книга, 447 с.

Лысак И.В. 2017. Идентичность: сущность термина и история его формирования // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. №38. С. 130-138.

Неронов А.В. 2011. Культурная идентичность и картина мира // *Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина*. №4. С. 247-255.

REFERENCES

Abramson E.A. 1993. Bernard Malamud Revisited. New York, New York: Twayne Publishers, 163 p.

Beltser I.A. 2009. Romannoe tvorchestvo Bernarda Malamuda: poiski identichnosti. Kand. Diss. [Novels by Bernard Malamud: the search for identity. Cand. Diss.] (In Russian). Samara, 196 p.

Berger, A. 1990. American Jewish Fiction. *Modern Judaism*. 10(3). P. 221-241.

DeKoven Ezrahi S. 1980. *By Words Alone: The Holocaust in Literature*, The University of Chicago Press, 262 p.

Erkkila, B. 2020. *The Whitman Revolution: Sex, Poetry, and Politics*. IOWA CITY: University of Iowa Press, 306 p.

Fishman J. 2001. Can threatened languages be saved? Reversing language shift, revisited: A 21st century perspective. *Clevedon: Multilingual Matters*, 503 p.

Grauer T. 2003. *Identity Matters: Contemporary Jewish American Writing* // Cambridge Companion to Jewish American Literature / Ed. by M.P. Kramer, H. Wirth-Nesher. Cambridge. P. 2 69-283.

Idioty` pervy`mi: rasskazy`. Idiots First [Short stories by Bernard Malamud] (in Russian). Available at: <https://avidreaders.ru/book/idioty-pervymi.html>

Lasher L. 1993. An Early Version of Malamud's "The German Refugee" and Other Early Newspaper Sketches. *Studies in American Jewish Literature*, 12. P. 94-108.

Levit S.Ya. 1998. Kul`turologiya. XX vek: e`nciklopediya [Cultural studies. 20 century] (in Russian). Saint Petersburg, Universitetskaya kniga, 447 p.

Lipstadt D. E. 1996. "America and the Memory of the Holocaust, 1950-1965", *Modern Judaism*. 16. P. 195-214.

Lysak I.V. Identichnost`: sushhnost` termina i istoriya ego formirovaniya [Identity: the concept and its development] (In Russian). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya*. No. 38. p. 130-138.

Malamud B. 1997. "The German Refugee." *The Complete Stories*, edited by Robert Giroux, Noonday. P. 357-368.

Marovitz S E. 1988. "Images of America in American- Jewish Fiction." *Handbook of American- Jewish Literature*. Lewis Fried, Ed. New York: Greenwood Press, P. 315-356.

Neronov A.V. 2011. Kul`turnaya identichnost` i kartina mira [Cultural identity and the world picture (In Russian)]. *Vestnik LGU im. A.S. Pushkina*. No. 4. p. 247-255.

Norton, B. 1997. Language, identity, and the ownership of English. *TESOL Quarterly*, 31(3). P. 409-429.

Novick P. 1999. *The Holocaust in American Life*, Boston-New York, Houghton Mifflin Company, 373 p.

Seidman Bilik D. 1981. *Immigrant-Survivors: Post-Holocaust Consciousness in Recent Jewish American Fiction*, Middleton, 216 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ/ INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Анна Набиевна СЕБРЮК, кандидат филологических наук, доцент школы иностранных языков. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Российская Федерация, 101000 Москва, ул. Мясницкая, 20

Anna N. SEBRYUK, Cand. Sci. (Philology). Associate professor, School of Foreign Languages, HSE University.

20 Myasnitckaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию/ Received 27.06.2021

Статья поступила после рецензирования / Revised 15.07.2021.

Статья принята к публикации / Accepted 19.07.2021.

Информация для авторов

Редакция принимает материалы, соответствующие тематическому профилю журнала, отвечающие международным стандартам научных публикаций и оформленные в соответствии с установленными правилами. Рукопись должна представлять результаты оригинального авторского исследования, изложенные в научном стиле. Объём принимаемых к рассмотрению статей до 45 тыс. знаков, рецензий – до 15 тыс. знаков.

К статье должны прилагаться: информативная аннотация (200–250 слов), ключевые слова и подробные данные об авторе (полностью фамилия, имя, отчество, степень, учёное звание, должность и полное название места работы, адрес организации с индексом, e-mail). При этом аннотация представляет собой резюме, подробный пересказ содержания и выводов статьи. В аннотации следует избегать использования словосочетаний вроде «в статье рассматривается», «автор считает» и пр. Под ключевыми словами подразумеваются наиболее часто упоминающиеся в работе понятия и термины.

Вся прилагаемая информация должна быть продублирована на академическом английском языке. *Бумажная версия* печатается на одной стороне листа (шрифт *Arial*, кегль 12, интервал полуторный, поля слева и справа по 3 см). Автор индексирует свою статью по Универсальной десятичной классификации (УДК). Обязательно наличие у автора цифрового идентификатора ORCID. Его можно оформить на сайте <http://orcid.org/>.

Электронная версия представляется в форматах *doc*, *docx* или *rtf*. Текст статьи и вся сопровождающая информация представляется в одном файле в следующем порядке: название статьи (русск., англ.), аннотация (русск., англ.), ключевые слова (русск., англ.), полная информация об авторе (русск., англ.), текст статьи, библиографический список.

Отсутствие библиографического списка может стать причиной отказа в регистрации статьи. Материалы для рубрик "Размышляя над прочитанным" и "Книжная полка" могут не содержать библиографический список. На каждый источник из списка обязательна ссылка в тексте.

Полные библиографические описания даются в списке литературы, размещённом после текста статьи. В список включаются ссылки на статьи из научных периодических изданий и монографии. Этот список состоит из двух частей: на русском и английском языках ("Список литературы" и "References" соответственно). Англоязычная часть содержит перевод и транслитерацию названий русскоязычных источников на английский язык (см. сайт: <http://translit.net/>). Транслитерация производится по системе Библиотеки Конгресса США (ALA-LC).

Отсылки в тексте заключаются в квадратные скобки и содержат фамилию автора (авторов), год издания, номера цитируемых страниц; допускается частичная замена длинных заглавий многоточием.

1. При описании книг указываются в следующем порядке: фамилия и инициалы автора, год издания, название (*курсивом*), город издания, издательство, количество страниц.

2. Если книга написана коллективом авторов, на первое место выносится её название, после года издания в круглых скобках указывается редактор, редактор-составитель и т.п.

3. При описании переводной книги следует указать сначала ссылку на оригинальное издание, а затем – на издание русского перевода (если русское издание не является оригинальным составным сборником трудов иностранного автора).

4. Ссылки на информационные, официальные и прочие источники, в том числе на интернет-ресурсы, не являющиеся научно-аналитическими материалами (законы, материалы слушаний, выступления и обращения официальных лиц, статистические источники, материалы прессы), следует приводить в разделе "Источники", который размещается после текста статьи перед списком литературы. Ссылки в этом разделе нумеруются, отсылки к ним в тексте имеют вид номера публикации в квадратных скобках.

5. Публикации в разделах "Источники" и "Список литературы/References" приводятся в алфавитном порядке.

Примеры отсылок в тексте статьи: [1] – на публикацию в разделе "Источники", [Иванов И.И. 2001: 25] – на публикацию в разделе "Список литературы".

Все таблицы и рисунки должны быть пронумерованы, иметь заголовки и ссылки в тексте. Данные, заимствованные из другого источника, сопровождаются библиографической ссылкой. Весь графический материал принимается только в редактируемом виде (не картинками!).

Все присланные в Редакцию материалы отдаются на рецензирование.

Плата за публикацию не взимается.

Дополнительные варианты оформления ссылок и библиографии авторы могут найти на страницах журнала и на сайте <http://www.iskran.ru/journal.php>.

За разрешением на перепечатку или перевод опубликованных в нашем журнале материалов обращаться в Редакцию.

Все статьи журнала размещаются в базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии (ВАК). С декабря 2015 г. журнал входит в базу *Russian Science Citation Index (RSCI)* на платформе *Web of Science*.

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК**
ФАКУЛЬТЕТ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Лицензия на право ведения образовательной деятельности в сфере профессионального образования серия 90Л01 № 0009385 от 09.08.2016 г. Свидетельство о государственной аккредитации № 3207 от 24.07.2019 г.

Осуществляет приём студентов очного (дневного) отделения по направлениям бакалавриата (срок обучения – 4 года):

- «**международные отношения**», направление подготовки: 41.03.05
- «**зарубежное регионоведение**», направление подготовки: 41.03.01

Приём проводится на основе конкурса по результатам сдачи ЕГЭ по предметам:

История России; Иностранный язык; Русский язык

по направлению **магистратуры** (срок обучения - 2 года)

- «**зарубежное регионоведение**» (**Американские исследования**), направление подготовки: 41.04.01

Приём проводится на основе конкурса по результатам сдачи экзамена по зарубежному регионоведению и по итогам собеседования.

Телефон приёмной комиссии: 8(499) 238-04-12.

Адрес факультета: 121814, Москва, переулок Хлебный, д. 2/3. (м. «Арбатская»); 109004, Москва, переулок Тетеринский, д. 12, стр. 5 (м. «Таганская»)

Сайт факультета: www.fmp.redline.ru, www.iskran.ru

Сайт ГАУГН: www.gaugn.ru

Электронный адрес: worldpolitics@mail.ru

Факультет мировой политики (ФМП) ГАУГН основан в 2000 г. на базе **Института США и Канады РАН (ИСКРАН)** – ведущего российского научного центра в области американских исследований, канадоведения, международных отношений и международной безопасности. Декан факультета – научный руководитель ИСКРАН, академик РАН С.М.Рогов. Факультет входит в структуру Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) – высшего учебного заведения, созданного благодаря сотрудничеству Российской академии наук и Министерства науки и высшего образования Российской Федерации. Президент ГАУГН – академик РАН, профессор А.О. Чубарьян, ректор – Д.В. Фомин-Нилов. В ГАУГН действуют 10 факультетов, каждый из которых базируется в профильном институте РАН.

Учебные планы и программы обучения, составленные на основе государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования по направлениям бакалавриата и магистратуры “Зарубежное регионоведение” и “Международные отношения”, предусматривают изучение общих гуманитарных, естественнонаучных, профессиональных и специальных дисциплин, предметов по выбору студента, а также дополнительных и факультативных дисциплин.

Специфика ИСКРАН, активно участвующего в процессе формирования внешней политики России, дает студентам факультета уникальную возможность приобщиться к практике экономического и политического анализа и консультирования, ориентированных на реализацию внешнеполитических интересов России.

Основу профессорско-преподавательского состава ФМП составляют научные сотрудники Института США и Канады РАН. Многие из них имеют многолетний опыт научной и педагогической работы в МГИМО (У) МИД РФ, МГУ, МГЛУ, а также в ведущих университетах США и стран Западной Европы.

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

- формирование учебно-методических комплексов
- развитие научной периодики
- внедрение новых стандартов научной коммуникации

ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- интеграция науки и образования
- модульный характер актуализации гуманитарного знания
 - сетевое взаимодействие научных и методических центров

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу press@gaugn.ru